

95
ЖС М94

МЫ

6/2009

ЖАРКО,
НО СЛАДКО...

Сергей ГЛУШКО
(Тарзан)

6/2009

СОДЕРЖАНИЕ

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Маша Курутина. Вдох – выброс.
Повесть.8
Проба пера. Надежда Клементьева.
Странные сны. Стихи43
Зарубежная новелла. Роберт
Артур. Трейлер с привидениями.
Перевод с английского79

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

- Проблема из конверта.** Алексей
Будкин. Ошибка – не улыбка47
Письма в «Мы»2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

- Тарзан: «Женщину надо брать
буйством ума и лаской глаз».
С танцовщиком, актером
и телеведущим беседует журналист
Рамазан Рамазанов54

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

- Сергей Дёмкин. Тонкий мир
выходит на контакт92

■ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Ник. Кедров. Милен Фармер –
самая загадочная певица114
Компакт-известия107

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

- Страницы сатиры и юмора. Выпуск
про моду98

■ КИНООБЗОР

- На наших экранах65

47

54

65

114

Мы

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, А-130, 125130
☎ Контактные телефоны
(499) 150-11-97, (495) 733-32-48
E-mail: magazine-we@yandex.ru

Подписано в печать 13.07.2009 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 4600 экз. Заказ № 1125
© «Мы», 2009

ООО «Принт Экспресс»
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.

За материалы, опубликованные в рубрике
«Проба пера», гонорар не выплачивается.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Дорогие наши подписчики
и читатели!

Три последних номера, включая
этот, вышли в свет несколько
меньшего объема, чем все
остальные. Надеемся, вы понимаете,
что это, так сказать, мера
антикризисная, а потому –
вынужденная. Но это был наиболее
безболезненный путь, который
позволил решить некоторые
неожиданно свалившиеся на нас, как
и на все другие периодические
издания, финансовые проблемы.
Нельзя с уверенностью утверждать,
что теперь все они – в прошлом. Тем
не менее начиная с седьмого номера
журнал будет таким же, как прежде –
такого же объема. Но дело не только
в этом: мы будем стремиться к тому,
чтобы он стал интереснее. Пишите
нам о том, что происходит в вашей
жизни, о ваших проблемах,
трудностях, и о том, как вам удается
их преодолевать. Уверены, что
услышать живой голос молодого
поколения будет не только
интересно, но и полезно для всех
читателей.
Особенно хочется поблагодарить
всех тех, кто остался верен журналу в
это непростое время.

С уважением и наилучшими
пожеланиями

Геннадий Будников,
главный редактор

ПИСЬМА В «МЫ»

НЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЙТЕ ДАРОМ БОЖЬИМ

Читаю ваш журнал давно, уже и в армии отслужил, а всё равно читаю. Интересно. К сожалению, в мою библиотеку он приходит с большим опозданием, а по подписке очень дорого, где-то двести семьдесят рублей выходит по пересчёту с гривны. Ну да ладно, всё равно буду читать, так как нравится.

Хочу сказать огромное спасибо за то, что вы создаете такой интересный и, главное, нужный журнал, который помогает молодежи разобраться в своих проблемах при помощи рубрик «Письма в "МЫ"» и «Говоря откровенно». Мне в свое время эти рубрики также помогли, когда я был намного моложе и был постоянно в разногласиях с родителями. Кроме того, меня волновало много других вопросов, и я находил схожие ситуации в письмах других читателей, а ответы редакции помогали мне разрешать мои проблемы.

Хочу поблагодарить вас за знакомство с интересным и хорошим писателем Василием Головачёвым. Вообще-то фантастику я раньше не читал, кроме «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина» Толстого. Хотелось бы знать, будут ли еще какие-то произведения Головачёва печататься в вашем журнале.

Еще спасибо за интересные повести начинающих, молодых писателей, за хорошие материалы в рубриках «Кумиры и звёзды», «Музыкальные страницы» и «Кинооб-

зор». А также за рубрику «Непознанное вокруг нас». Хотелось бы почитать о славянской мифологии, о волхвах, ведунгах и других интересных представителях тех времен. Хочу предложить вам новую рубрику, в которой будет рассказываться в рекомендательном порядке про интересные и полезные книги и произведения, которые вышли в свет или только выходят и которые будут публиковаться.

Хочу высказать несколько слов по поводу молодежи, которая в свои четырнадцать-пятнадцать лет, а то и в тринадцать старается выглядеть взрослыми. А взрослость эта у них проявляется в курении, алкоголе, нецензурных выражениях по поводу и без него. И, конечно же, ранних сексуальных контактах, не приводящих к чему-то хорошему. Да, некоторые это делают из любопытства или глупости, но, как говорят умные люди, «привычка – разум дураков», а «глупость – дар божий». Только не следует им злоупотреблять. Есть еще хорошее выражение: «Лучше плохо исполнять свой долг, чем хорошо чужой».

По-моему, во всём необходимо следовать собственной природе. А девушек, которые думают, что этой взрослостью привлекают нормальных парней, я должен разочаровать. Нормальным ребятам хочется видеть возле себя приличную девушку без сигареты в зубах и бутылки в руках, с которой можно о чём-то поговорить интересно, поделиться мнениями по тому или иному вопросу и получить при этом нормальный, вразумительный ответ на литературном языке.

Очень беспокоит крайне низкое сексуальное образование молодежи, которая в результате сама вредит своему здоровью. И пусть те, кто прочитают это письмо, не думают, что лишь мысли «родительского сына». Я в свое время также ошибался, учился на своих ошибках и ошибках других людей. Со многими моими мыслями согласны мои друзья и знакомые. И пускай не думают, что все парни плохие и развязные, а нормальных ребят не бывает. Может быть, это звучит нескромно, но живой пример этому и я, и мои друзья. И девушки хорошие, уверен, тоже есть.

P.S. Извините за ошибки в письме – это результат насильственной украинизации.

Михаил, 21 год
Одесская область

От редакции. Прежде всего должны сказать, что письмо Михаила нас приятно порадовало. И не только потому, что мы имели возможность еще раз убедиться, что у журнала есть верные и преданные читатели, но и по многим другим причинам. Прежде всего потому – и это самое главное, что в его письме справедливо и честно отражена наша сегодняшняя действительность. Да, есть юные наркоманы и алкоголики, но есть не только они. Есть нормальные ребята и девчонки, которые заботятся о том, чтобы жить достойно, любить и быть любимыми, не растрачивать себя по мелочам, а идти по жизни тем путем, который поможет добиваться успеха и преодолевать трудности.

Так было всегда, и раньше и теперь, – молодежь у нас, как и везде, самая разная. Есть восемнадцатилетние оболтусы, которые не в состоянии осилить школьную программу и получить аттестат, а есть четырнадцатилетние мальчишки, ставшие студентами вузов, и де-

вочки – их сверстницы, поступающие в МГУ, самый престижный вуз страны. Как правило, в своих письмах в редакцию девочки стараются убедить читателей в том, что всем парням нужно только это и вообще все они не стоят ломаного гроша. Молодые же люди соответственно сетуют на то, что все девчонки – потаскухи и стервы, на которых негде ставить пробу. Это в пятнадцать-то лет!

Казалось бы – ну и что, у каждого на этот счет свое мнение. Однако, если вдуматься, подспудно за всеми этими утверждениями проглядывается довольно незатейливая идея – раз все без исключения такие, то что бы я ни сделал (сделала), как бы ни поступил (поступила), всё равно я буду не хуже всех. Увы, это не так. Вот об этом и хочет сказать Михаил. Он не говорит напрямую, но понял смысл и пафос его письма, а там уж, как говорили раньше, кто хиппует, тот поймет.

Порадовало еще и вот что: письмо написано очень грамотно. И не только с точки зрения орфографии. Когда его читаешь, понимаешь, что автору есть что сказать, и написал он в редакцию вовсе не потому, что ему нечего было делать. Чувствуется, что Михаил переживает за будущее своего поколения, за судьбы молодых парнишек и девчонок, прежде всего тех, для которых слово «взрослеть» сводится лишь к сомнительным удовольствиям. И очень хорошо, что своим примером он старается утверждать то, о чём говорит в письме.

Что касается литературы – это отдельная тема, и довольно болезненная. Авторские гонорары в журналах настолько ничтожны, что говорить о них как о заработке, который позволяет нормально жить человеку, занимающемуся исключительно писательским трудом, невозможно. Вот и Василий Голова-

чём, насколько нам известно, решил приобщиться к «седьмой музыке» — продюсировать фильмы, которые будут сниматься по его романам. Что именно подтолкнуло его к такому решению, сказать трудно, однако если это так, то его творческая активность на литературном поприще, безусловно, станет менее плодотворной. Сейчас он пишет новый роман, который будет завершением цикла его произведений «Хроники Реликта». Романы из этого цикла у нас не печатались, но выходили приличными тиражами в издательстве «ЭКСМО». Кстати, уважаемые читатели, имейте в виду: из коммерческих соображений издатели часто запрещают авторам предварительно (до выхода книги) публиковать свои произведения в журналах, что всегда было общепринятой практикой. А нам перепечатывать только что вышедшую книгу — значит, в чём-то обманывать своих читателей. Мы, кстати, считаем не слишком плодотворным и публиковать романы, которые являются частью какого-то большого цикла, и — откроем секрет — несколько таких рукописей Василия Головачёва, которого давно считаем другом нашего журнала, мы отвергли. Но всегда будем рады видеть имя Василия Головачёва с его новыми произведениями на наших страницах. (По всем вопросам о творчестве Василия Головачёва рекомендуем обратиться на его сайт — www.golovachev.ru).

Идея о новой рубрике, рассказывающей про интересные и полезные книги для молодежи, очень даже привлекательная. Мы и сами несколько лет назад задумывались над этим. Конечно, нужна бы и полезная была бы такая рубрика. Только всё дело в том, что для новой рубрики нужны и новые книги для юношества, о юношестве, современных подростках, то есть тех, кому адресован журнал. Увы,

такой литературы сейчас нет, поскольку по разным причинам она за последнее время практически перестала существовать.

Когда в прошлом году специалисты попытались выяснить, какие десять книг наиболее популярны у юных читателей, то среди десяти писателей, произведения которых оказались наиболее привлекательными для них, был только один россиянин — А.Астахов. Но дело в том, что его книга предназначалась малышам. А что издано для тех, кому сейчас четырнадцать или двадцать лет? Может быть, это большой секрет? Никакого секрета нет, как нет и таких книг. Перво-сортная литература для юношества очень нужна. Однако качество массового ассортимента книг такого рода очень низкое, считает сотрудник Российской Книжной палаты Мария Порядина: «На рынке преобладают скучные детективы и унылые ужастки. Хорошие отечественные писатели если и издаются, то смехотворными тиражами». Пропагандировать такие книги, конечно, нет смысла. Ну а хорошие на один выпуск рубрики, наверное, можно было бы и набирать, но выпусков-то должно быть двенадцать в год! Не исключено, что интересных новинок могло бы быть и больше, но ведь ни для кого не секрет, что издатели отдают предпочтение коммерческой литературе. Кстати, несколько лет назад в нашем журнале был опубликован прекрасный, серьезный роман молодого одессита Александра Закладного о современной молодежи «Там, где наши сердца». Но, кажется, отдельной книгой он так и не вышел...

Наши читатели со временем становятся старше. Каждый взрослеет по-своему, и мы видим свою задачу в том, чтобы они чувствовали себя во взрослой жизни уверенно и надежно. Если эту задачу мы

хоть в чём-то сумели выполнить — значит, есть смысл в существовании журнала «Мы».

В ЕЕ ГЛАЗАХ БЫЛА ЛЮБОВЬ

Эта история может показаться выдумкой, списанной с какого-нибудь дешевого детектива. Может, я и сам бы в нее не поверил, не окажись я ее героем...

Я познакомился с девушкой. При каких обстоятельствах — неважно. А через месяц раздается звонок в дверь... и на пороге — она. Милая, привлекательная девушка Наташа. Не знаю, как она меня разыскала. Но дело не в этом. Она была вся в поиске смысла жизни, у нее не было друзей... И я стал ее единственным другом — как она говорила. Мы встречались, гуляли. И я в нее влюбился. Она говорила мне, что тоже любит меня, и в ее глазах я видел любовь. Мы стали близки, и она даже дала мне ключ от своей квартиры. Но однажды... меня забрал из дома неизвестно откуда возникший сержант милиции и отвел в КПЗ, сказав, что я обвиняюсь в изнасиловании. Впрочем, через два дня меня выпустили, объяснив, что Наташа не подала официального заявления. Я кинулся к ней — узнать, в чём дело. А узнал я вот что: чтобы она не подавала заявления, мой отец должен ей отдать миллион. Но откуда у нас такие деньги?! Пока мы выясняли отношения, в комнату вошел... кто вы думаете?! Тот самый сержант милиции, что арестовывал меня. В драке я ударил его тяжелой бронзовой штуквиной и, по-моему, повредил ему челюсть.

С тех пор прошло уже три недели. Меня никуда не вызывали, вроде всё спокойно. Но я чувствую беду, хотя родители успокаивают меня.

Для чего я всё это рассказал? Не знаю. Только хочу верить, что

таких искательниц «смысла жизни», как Наташа, среди девочек немного.

Андрей
Алтайский край

От редакции. Наверное, эта история несколько лет назад могла бы показаться выдумкой, хотя подобное встречалось и прежде. Но редко. Впрочем, мошенники были всегда. Разных сортов и видов — вспомните хотя бы Соньку Золотую ручку. И раньше бывало, что девушки прикидывались изнасилованными, чтобы принудить парня жениться на ней. Или, наоборот, отомстить ему за измену и несостоявшуюся любовь. А то и просто от обиды на него. В спортивной истории известен случай, например, когда великолепный футболист, любимец публики Эдуард Стрельцов провел несколько лет в заключении по обвинению в изнасиловании, которого на самом деле и не было — кого ему нужно было насиловать, когда девушки и так штабелями под него готовы были укладываться? Еще бы: красавец-спортсмен, настоящая звезда огулшительной всесоюзной популярностью... Но клевету трудно опровергнуть, так же, как и доказать. Сейчас чаще всего такие фокусы выкидывают из-за денег.

Бывают и вообще анекдотические истории. Пятнадцатилетняя московская школьница, приняв «на грудь» непосильный груз в компании трех друзей, через некоторое время выяснила, что она беременна. И обратилась в милицию с заявлением об изнасиловании. А вот определить, кто из трех возможных вариантов отец ребенка, никак не могла, поскольку в то время была в полной отключке. Тогда она поступила просто: выбрала паренька посимпатичней, который нравился

ей больше других, и свалила всю вину на него, с тем, чтобы за-получить его в мужья. Сейчас, правда, такие номера уже не проходят — требуется доказать, что тебя действительно «принудили», «взяли силой», а не легла ты, милочка, под парня по обоюдному согласию.

Экономический кризис внес свои поправки в историю за преступления против половой неприкосновенности. Оказывается, для потерявших работу пересидеть два-три смутных года в тюрьме — неплохой выход. Вот и пытаются они сфабриковать «дело» на самих себя. Один из жителей Липецка, чтобы оказаться за решеткой, по договоренности с женой инсценировал попытку приставать к... собственному сыну. Мать написала на мужа заявление. Но на допросе раскололась: «Я только хотела его на работу пристроить. Говорят, у нас заки на кирпичном заводе работают, и им хорошо платят». Увы, два года исправительных работ присудили не простофиле-мужу, несостоявшемуся извращенцу, а жене за дачу ложных показаний. Вот в эту-то историю вообще почти невозможно поверить. Однако жизнь подкидывает такие эксклюзивы, которые при здравом рассудке просто невозможно выдумать.

Скорее всего, Наташа слышала о столь легких способах зарабатывать деньги, возможно, сержант милиции подучил ее сделать это, пообещав свою мощную поддержку и надеясь на твою юридическую безграмотность. Не исключено, что они работали в паре и ты был не первой их жертвой, так что возник он в нужное время и в нужном месте вовсе не случайно. Кстати, и вел себя противозаконно. А ты, к сожалению, не знаешь, как вести себя в по-

добных случаях (прочитай хотя бы статью «Законы лучше не нарушать, а знать» в позапрошлом номере нашего журнала за этот год). Может, это и вообще был не милиционер. То, что парень надел форму, еще не есть доказательство его службы в органах правопорядка. Может быть, это и не так, но всё-таки по какой-то довольно серьезной причине он больше не появился в поле твоего зрения.

Похоже, что юная красавица Наташа — начинающая мошенница и аферистка. Тебе же следовало бы обязательно обратиться с жалобой к начальнику отделения (и передав копию заявления в прокуратуру) на неправомерные действия этого самого непонятного сержанта, тем более, что странно как-то выглядит: с какой стати и по какому делу он появился в Наташиной квартире, когда вы с ней выясняли отношения, да еще стал с тобой драться. Потому что в принципе своим «бронзовым предметом» ты мог бы нанести человеку серьезную травму, и тогда твои действия можно было бы рассматривать в соответствии со статьей уголовного кодекса. Однако он не стал с тобой разбираться официально, что недвусмысленно наводит на мысль о «самопальном» характере его действий. А вот такие красавицы-аферистки, искательницы «смысла жизни» (а, в сущности, просто больших и легких денег) могут еще не раз встретиться в твоей жизни, и на пути к своей цели они проявляют немалую изобретательность и неплохую смекалку. Имей это в виду и будь осторожен. Время-то нынче очень криминальное, а милиция, к сожалению, может не только защищать нас, но и трудиться со «вполне благородной» целью пополнить свой карман незаконно добытыми деньгами.

ВДОХ – ВЫБРОС

Повесть

Никогда не подходите к девочкам с испуганными глазами, спрятавшимся под капюшон, судорожно обнявшим себя за предплечья. Если вы невнимательны к подробностям, лучше просто никогда ни к кому не подходите. Как уж там у вас? От греха подальше? Ну да. Даже когда греха нет и не будет, а только возможны печальные последствия, тогда у вас тоже можно так говорить. По отношению же ко мне такое употребление видится мне забавным – словно я и есть этот самый грех.

Я часто отвлекаюсь – но всегда возвращаюсь. Так вот. Никогда и ни к кому не подходите, а особенно к девочкам, к любым и в любом месте, и не вздумайте даже спрашивать, можно ли вам опустить свой задок рядом, не найдется ли сигаретки, мелочи, часов, схемы линий метрополитена или компаса (ну совершенно случайно).

Будьте бдительны! Неосторожность может привести к необратимым последствиям. Вдруг девочка поднимет голову и окажется мной?

И тогда здрасьте, вот она я. Сидит она я почти неподвижно, но глазки, как говорят, бегают, а вечно шевелящиеся руки никак не могут найти покоя в этом мире и ползают, ползают повсюду.

Чтобы вы меня себе как-то представили: форма моей мочки похожа на контур внутренности выведенной в первоклассных прописях какой-нибудь «и», у меня плохие капилляры в носу, а линия жизни простирается до самого запястья, у меня обыкновенно пепельные и слегка зеленоватые волосы и слишком уж обыкновенные пальцы, я умею выдыхать воздух правым глазом и засыпать, даже когда не хочется. Идиотские детали, конечно, особенно про уши, но каждый раз, когда я пишу «и», или «ш», то мочками чувствую, что рисую их очертания. Детали идиотские, но это всё оттого, что я сама себя не понимаю, не могу разобрать на части, собрать обратно и сделать вывод, причислить к виду, повесить табличку, поставить диагноз, чтобы на вопрос о себе уметь ответить, как у вас там полагается.

Маше Курутиной 21 год, она родилась в Москве, ее отец – моряк, мать – бухгалтер.

Окончила четвертый курс Литературного института им. А.М.Горького (семинар прозы, руководитель – А.Е.Рекемчук).

Повесть «Вдох – выброс» – первая большая работа Маши и ее первая публикация.

Но продолжим. Когда я в детстве смотрела на свое лицо, то пугалась его — мне казалось, что оно такое простое, что проще невозможно. Простой нос, простые глаза — всё простое. Как заготовка, на которую забыли прилепить изюминку или червинку и выпустили гулять, как есть. Мне казалось, что я похожа сразу на всех, и удивлялась, что люди вообще меня узнают. Потом годы прошли и глупость прошла, а лицо осталось.

Еще у меня ужасная координация движений, и та сволочь, что «не смотрит, куда идет», вероятно, является мной. Я никогда не простужаюсь, чтобы, наверное, свалиться замертво от какого-то редкого вируса, и, бывает, мерзну беспричинно, но никогда от низких температур. Решениями маменьки я единственный ребенок в семье и лет с восьми безотцовщина, и в этом нет ни малейшего трагического подтекста. Я люблю белый цвет, а еще предельно простую еду детских садов и других казенных заведений. Я путаю право и лево, а ещё подозреваю, что многие со мной справедливо боятся разговаривать — в любую секунду я могу съехать на животрепещущие и абстрактные темы, на то, что «вообще», и меня начинает нести, я ставлю всех в неловкое положение, сама не замечая этого. Я подозреваю, что это как-то называется в психологии, и хотела даже посмотреть в инете, да руки как-то не дошли.

Иногда я вдруг резко перестаю ощущать себя как целое и начинаю воспринимать как физическое объединение частей, которые тоже будто бы не мои. Часто всё, что я вижу, кажется мне плохим фильмом, а когда заговариваю с кем-то, мой голос звучит очень странно, словно это говорит кто-то из меня, но не я.

У меня есть болезненность и замороченность гения, но нет гениальности. Я катастрофически нединамична. Мне сложно что-либо начинать и не менее сложно останавливаться, и больше всего я не люблю и не умею переключаться из одного состояния в другое, а если учесть, что жизнь только и состоит из таких переключений... Хе. Я всегда очень много от себя требую, ругаю себя, говорю себе «быть сверхчеловеком», а не получают даже самые малости — вот незадача.

Блин, несчастные мы люди. Мы — это я и наверняка еще кто-то и кто-то еще, я не могу быть одна такая.

Наверное, меня как-то зовут, и, даже кто-то зовет, но я сижу и не слышу, а вы всё равно не подходите и не спрашиваете у меня ничего.

Допустим, повествование застает меня в конце одиннадцатого класса обыкновенной средней школы. Проходя по ее коридорам, я часто задумывалась — неужели так сложно покрасить стены во что-нибудь другое, кроме отупляющего цвета яичной скорлупы? Но еще снежной весной выяснилось — перекрасить очень даже могут: пара кабинетов стали настолько нездорово голубыми, что в них меня знобило, а коридоры обрели блевотно-розоватый оттенок, какой-то угнетающе измученный; как будто изначально нежно-розовые тона поблекли и превратились в серую жижу, размазанную по углам.

Учителя почувствовали, как стремительно они теряют своих учеников, мысли которых уже были о глобальных переменах, о романтике высших учебных заведений, о таком многообещающем будущем, которое только сейчас стало осязаемо близким — впервые за десять лет что-то менялось. Учителя почувствовали, и в душе у них беспокойно заговорила ревность: «А как же так? Неужели мы больше не нужны? Неужели мы так, просто?»

Как страстно все хотят избавиться от школьного гнета – а они же хотели как лучше.

Они бы и сами рады от нас отвязаться, потому что мы стали слишком взрослыми, чтобы с нами справляться такими методами, к которым они привыкли: истеричными орами и сменяющим их тупым сарказмом – с первого по одиннадцатый класс подходы к образовательному процессу не меняются.

Но они хотят, чтобы, уходя, мы самозабвенно плакали, а мы вместо этого так и норовили побыстрее проскочить обряд прощальных школьных соглей. Они понимали, что мы становимся неподконтрольными, потому что мы – уже там. И поэтому они рассказывали страшные байки о том, что когда-нибудь мы будем учиться в злобных институтах, где всё будет очень страшно и сложно, и это здесь они с нами нянчатся, это здесь нас жалеют – там же будет всем на нас плевать, и вот тогда мы будем ползать и рыдать, вспоминая, как хорошо было в школе.

Заслужив авторитет еще в те невинные времена, когда мне доставляло моральное удовлетворение получить за диктант единственную пятерку из всех, после девятого класса я на нём заслуженно ездила, как могла, игнорируя всё, что от меня требовало Школьное Образование.

Учительница по литературе внушает нам ненависть к литературе и дает понять, что собственному мнению в сочинениях не место; учительница по математике смотрит на меня зверем, потому что я, несмотря на свои Задатки, посчитала технические науки уделом простолюдинов и забила на них; историчка угрожающе предупреждает, что хорошие дети заполняют тетрадку одной ручкой, как это делала она, биологичку задолбали муж и дети, а виноваты в этом мы, химичка, требуя порядка, неутомно стучит кольцом по столу, лоснящийся физрук, конечно, мечтает поиметь всех девочек, а, возможно, и мальчиков, завуч просто ходит по коридорам и кричит на всех, охранник заботливо запирает в шкафчик бутылку водки; директору же на всё плевать. Девочки, которые в теме, бегают каждую перемену сидеть на первом этаже и слюнявить как можно большее количество чужих щёк, а мальчики не брезгают тем, чтобы покидаться ластиками или глобусами; в столовой пахнет кислым молоком, хлоркой и нечистотами, и в ней повсюду комки неотскобленной еды; в туалетах ловят и орут за курение. А когда некий аноним звонит и говорит, что в школе бомба, любимых учеников выгоняют из нее погулять без сумок – чтобы домой не убежали, а мерзли на улице, пока всю школу не обнюхает хитроумная овчарка, – в общем, обыкновенная школа, которая выносит всеми своими составляющими мне мозг. Меня здесь, впрочем, любят, а еще уважают, ибо думают, что я стала высокомерной стервой по причине своей феерической внешкольной жизни. Глубоко презираю это бесполезное место. Где только люди не учатся...

Мы очень ограниченные – такими нас вырастили. Мы жертвы нормального воспитания, нам внушили нормы нормальности, вдолбили фабулы нормальной человеческой жизни, построили в нашем мозгу ограждения перед пропастями, и поэтому мы не спим под кроватью, не бросаем школы, не уходим в героиновые дали, не пытаемся уничтожить человечество или убить себя, да или просто что-нибудь украсть. Мы даже малом при взрослых не можем ругнуться. Такие мы, что сначала у нас шко-

ла, потом институт, а потом непременно семья, и без этого своей жизни ну никак не мним, это всё равно, что без руки, без одежды, без кровати, без дома, неправильно. Мы механически делаем то, что делают другие, не зная при этом ответа на вопрос, зачем оно нам надо. Мы в оковах нормальности и вместе с тем мы безнадежно испорченны и в корне патологичны. Результат воистину прикольный – мы стремимся к тому, что нам противно и не нужно. Поэтому всё, что мы делаем, всего лишь наша пошлая видимость.

На концерте выпускников я решила, что мы сделали невозможное – устроили самое тупое представление за всю историю школы, концовка которого, однако, оказалась весьма неожиданной: на сцену с неприлично широкой улыбкой вышла завуч и, слегка смущаясь, рассказала, что давнишний выпускник нашей школы стал большим дядей с большими деньгами и теперь решил проявить благодарность воспитавшим его учителям, без которых он бы наверняка таким крутым не стал.

На эти слова приподнялся сидящий в первом ряду джентльмен, оказавшийся действительно большим, скромно поклонился и опустил своё грузное тело на место.

Далее события развивались еще стремительнее: завуч называла фамилии учителей, те выходили на сцену и получали от нее подписанные конверты, уже без следов слёз, пролитых по случаю нашего ухода из школы.

– Что в конвертах? – недоуменно спрашиваю рядом стоящую одноклассницу.

Та смотрит на меня, как на дуру.

– Бабки, – отвечает.

Ах, ну да, бабки. Интересно, преподавателю двух предметов – в двойном размере?

О, мы со своим переизбытком Правды и Понимания так болезненно принципиальны...

В груди что-то больно защемило. Неужели по-тихому было нельзя...

Преподавательница по литературе – Пушкин, Лермонтов, Маяковский, нравственность – куда же ты идешь, тварь такая? Бесстыжая, ты ж вроде хоть немного, хоть чуть-чуть понимала, что я такое.

Или вот выпускной.

Безвкусное платье, потому что плевать, но у других еще хуже. Моя мама где-то тут сидит, я нахожу ее взглядом, улыбаюсь, машу рукой и понимаю, насколько я сейчас себе не принадлежу. Смотрится она весьма автономно, и я думаю о том, что люблю ее уже за то, что она никогда не была с Ними. С соседями, со школой – с теми, кому только дай повод, как они сразу прибегут и пожалуются на меня. Со мной моя мама тоже не была, но и не с ними.

Аттестат у меня получился самый обыкновенный, что называется, без троек.

И в гробу я видела эти пятерки и эти медали, получатели которых хваляли их с таким энтузиазмом, забывая о том, как наши учителя – мои учителя – писали за них экзаменационные сочинения, и счастливо улыбались своим надувшимся от гордости родителям – в их-то время всё не так было.

«Я школу окончу с медаааалью, мам, ты чтоооо...», — заткнись, малолетняя дура, ненавижу тебя, ты всю жизнь мне испортила, хоть и осталась далеко в прошлом.

Мы — неоправданные надежды наших родителей. Мы — неоправданные надежды нас самих на себя. Мы еще не вылезли из своего «когда я вырасту», как вдруг понимаем, что время-то уже пришло — и беспомощно осекаемся.

Говорят, именно инфантилизм заставляет людей покупать себе маленьких бестолковых животных, а не кошек и собак. В таком случае как раз он в очередной раз делает мне больно.

Ночь. Я дрожу и неудобно сижу на кухне — как будто удобно сидеть не имею права. Возле меня умирает мой хомяк Патрик. Он уже почти не дышит, но всё же дышит, прерывисто. Рядом чирикает мой попугай — ему всегда есть что сказать. Я тихо плачу. Мама спит. Мой хомяк умирает.

Я люблю его уже не детской любовью, как это было раньше, с другими хомяками, и сейчас с ним умирает кусочек меня.

Вдруг просыпается и приходит мама — проверить, закрыта ли форточка. При ней и плакать стыдно, и за себя стыдно, и за хомяка стыдно.

Потому что как будто именно у меня что-то опять умерло, опять что-то не получилось. Всё у меня из рук валится и мрёт.

Она уходит, ничего не поняв и не сказав. Она привыкла к моим слезам.

Приглушенный свет — его почти нет. Я капаю слезами на прутья.

Я вглядываюсь в темноту: нет, ещё не умер, дышит.

Мне кажется, умирает он от рака — точь-в-точь как я боюсь умереть.

Вдруг попугай, как всегда, внезапно, пугающе и будто в припадке замахал крыльями, потом прибил к стене своей клетки и весь дышит, и я знаю, что у него сильно сужены зрачки. Можно подумать, что он увидел Смерть. Но хомяк ещё дышит.

Глупое, безмозглое животное этот попугай. Даже не может вовремя об стенку долбануться, чтобы выглядеть хоть сколько-нибудь достойно и осмысленно и оправдать тем самым свое немое существование на моей кухне. Нет и не будет в этом пугливом салатново-желтом перьевом комке никакого провидения.

— Чирик! — Мой попугай всегда умел найти нужные слова.

А мой хомяк всё никак не умирает, и я с ужасом понимаю, что хочется побыстрее, потому что скучно. В обычной квартире у обычной девочки подыхает обычный хомяк. Ничего интересного.

Входит мама и всё просекает. Она выбросила на помойку не одно поколение моих мертвых животных.

Она: оставь его в покое. Не трогай его. Иди спать и не плачь, пожалуйста.

Мы положили его в салфетки.

Я положила его рядом с водой.

Я: может, он выживет? Пожалуйста.

Я: я плохая, это я виновата.

Я: у меня не будет больше никого.

Я:

Еще дышит.

Попрошу маму оставить клетку. Чтобы все, кто приходит, как и раньше, им безразговали и думали, что он живой, где-то там, в домике.

Я не могу тут больше сидеть. Вокруг него начинают летать мошки. Это невыносимо.

Надо идти спать.

Утром мама всё сделает. Внутридохлый хомяк.

Знаю, что надену завтра черное, но по-прежнему не знаю, что делать дальше. То ли забиться в плаче до утра, что мне, впрочем, слабо, то ли ногти красить, то ли просто уснуть.

Прощай, Патрик. Первый раз бабка с косой сделала мне по-настоящему больно. Или хомяк с косой – не знаю, кто там у вас. Хочу, чтобы ты попал в хомячий рай, где будешь нажираться от пуза и нежить в опилках свои бесконечно милые шерстины. Буду всегда любить тебя... Доживи хотя бы до рассвета.

Всегда твоя.

Теперь ты знаешь.

Я:

Я:

Жить на первом этаже многоквартирного дома – значит иметь определенное мировоззрение, отличное даже от того, что имеют жители второго этажа. Ты как будто принадлежишь улице, и улица принадлежит тебе. Покопавшись на балконе, я среди хлама нашла грязный пакетик с фотографией цветка снаружи и его семенами внутри. Пакетик был замусоленный и сомнительный, а цветок желтый и совсем обыкновенный, хотя я в этом ничего не понимаю, но от возникшей идеи я неожиданно почувствовала радостное клокотание, и я решилась. Было совсем раннее летнее утро, когда я, переполненная осознанием торжественности момента, взяла коробочку с мертвым хомяком и прокралась к себе под окно. Место было безопасным – как раз на внутреннем углу дома, довольно далеко от дороги. Там, орудуя детским совком, я глубоко закопала коробку и семена. Вернулась на свой балкон и, расплющив нос об оконное стекло, долго смотрела на изрытый участок.

Ах, мама, мама... зачем ты столь великодушно раздала мое детство по приютам, родственникам, знакомым и помойкам... Да, мама, действительно, добро не пропало и хлам не завалился. Мои уродливые игрушки, моя славная крошечная одежда, мои журналы с наклейками кукол барби и кассеты с записью моих первых слов... У меня не осталось ни одного моего детского рисунка. Как я хочу ощутить свое детство, потрогать его, удостовериться. Но действительно, зачем мне нужна одежда, которая на меня не налезает, когда в ней может побегать другой ребенок, залапать его масляными пальчиками, кружочками от стебельков одуванчика, вареньем и грязью. Действительно, ну я и жадина.

Однако случай столкнуться со своим неразумным детством мне всё же выпал. По окончании школы нам раздали наши сочинения, посмотреть-похихикать. Начитавшись их сполна, я от осознания своей былой глупости выпала в противнейший стыдливый осадок, а вот маменька осталась довольна и сказала, что во мне умер писатель. Я же скажу больше: он не только умер, он еще и завонял. В результате меня понесло на журфак. Привет, журфак.

После школы все девочки поступают в институт.

«Ну ладно», – подумала я.

Я, как и все, задавала себе простой вопрос: что я хочу делать в этой жизни?

Всё уже изобретено, сказано, сделано, написано, придумано... А мы, созданные для чего-то великого, неужели опустимся до повторов и миксов?

Мы брошены в одну лишь рефлексию.

Журфак – это такая же отмазка, как и менеджмент, только учиться на клерка я бы точно не смогла.

Выбор института – он как в тумане. Вокруг не видно никого, кто бы посоветовал или воспрепятствовал. Даже в детстве меня не били, а разбивались, как со взрослой, потому что я всё понимала, как взрослая, и говорила, как взрослая, и пыталась за себя постоять, как взрослая. Я никогда не умела обижаться, зато умели обижаться на меня и просто так ничего не прощали, наказывая криками или, наоборот, молчанием. Я не знала тогда, что я ребенок и мне полагается снисхождение, зато понимаю это сейчас.

В общем, теперь уж я тем более производила на маменьку впечатление личности независимой, и жизненным опытом ко мне никто делиться не бежал, отчего я откровенно страдала, но всё же не решалась этого показать. Так что институт я выбрала весьма посредственный, благо решилась, что журфак – он и есть журфак, и люди на любом журфаке дерзкие и шустрые, и хоть наблюдать за ними будет интересно. Кто же мог тогда предположить, что школа – это упрощенная и тренировочная модель всего в этом мире, и что везде будет то же самое, только в других масштабах? О, помилуйте, только не я.

Тупо заплатили деньги, потому что у меня при всех стараниях не ладится с историей. Ненавидела я себя за это сильно, но недолго.

Всё равно нас всех ждет восстание машин.

Всего пару лет назад мы с недоумением глазели на мобильные телефоны и считали чужаками тех, кто говорил слово «Интернет». Что было еще раньше, я не помню, но очевидно, что скоро холодильник со встроенным телевизором или кибермеханическая собачка благодаря пресловутой функции самообучения научится изменяться и подстраиваться под хозяина, прикручивая себе то кофеварку, то калькулятор... И привет, мир цифровых технологий. Мы мыкаемся по канализациям, пока бывший любимый робот-кобель пьет смазочное масло в компании своей роботосучки, а бывший холодильник с магнитиками передвигается по улицам разрушенного города, отстреливая всё живое.

Чертовы ученые со своим рационалистическим безумием, как же я вас ненавижу... неужели вы «Терминатора» не смотрели.

И меня повезли в деревню недели на две, на поправку после несуществующих экзаменов. Шесть часов мутного обитания в машине – и мы подъезжаем, а за окном ходят курицы.

Куррры... Это прекрасное слово, отвлеченное от кусков курятины с трешкой и в перьях.

А вот курицы... Есть много всего того, о смерти чего не жалеешь, и в этом нет ничего жестокого. Я с детства знаю, что они такие тупые, что даже не умеют наедаться. Они лучше лопнут, неумные, так и не поняв,

что хватит, хватит уже жрать это чертово пшено. Спотыкаясь о мусор и путаясь в своих тощих пупырчатых ногах, они будут долго бежать впереди машины, потому что не могут выбрать, куда же им всё-таки повернуть. А может, их просто охватывает жуткий страх, выводящий их поистине куриные мозги из строя. Это курицы.

А вот куры – это другое. Что-то пушистое, мягкое, домашнее и чрезвычайно интеллектуальное. Ходящая по полу помесь говорящего попугая и кошки могла бы называться курой. Кууурррой... Произнесите это, промуррррлыкайте. По-моему, мило, хотя иногда мне кажется, что я в этом ничего не понимаю.

Повсюду плесневелая деревянная дряхлость, природа живет некуда и скот. Обитатели благоговейно перед машинами с московскими номерами и заодно всем, что вылезает из них. На всех часах только шесть утра, но маленькие окошки всё равно открываются и из них безыскусно выглядывают старушки и идейные алкоголики. Я отцепляю от себя измученную и испуганную дорогой кошку, она недоверчиво спрыгивает на траву, но остается на поводке, привязанном к машине, а я начинаю таскать свои вещи в наш какой-то слишком уж нежилой дом, сырой, с грибным запахом, печкой и даже сундуком. Куда только люди не приезжают!

Рядом с домом, как всегда, стоит жирный тополь, и если в него ударит молния, он упадет туда, куда наклоняется, то есть на нашу крышу. Вид из окна чудесен: как раз за голым палисадником простирается огромная, уже долгие годы не высыхающая лужа, в которой я всегда подозревала наличие разумной жизни.

Я таскаю гамак, при помощи которого собираюсь разлагаться под солнцем и паяться на всегда безоблачное здесь ночное небо, таскаю подушку, на которой буду спать, ибо те, что здесь, как валенки, таскаю вон тот желтый пакет, больно таскаю кошку, которая впилась в мои плечи когтями.

Меня не было здесь лет пять. Смотрю, прищурившись, на убогие покоившиеся постройки, коз и поля и думаю о том, возможно ли тут находиться хотя бы день. Я так искусственна, я так ненатуральна, и так неправильно, неправдоподобно уже то, что я физически смогла здесь очутиться.

Но денёк раз. Денёк два. Окна вымыты, крапива вырублена, гамак поешен, мое состояние как никогда близко к гармонии – и всё бы хорошо, если бы не закончилась столичная еда. Как следствие, я послана далеко – в магазин. Пятнадцать минут ходьбы мимо заглядывающих в глаза недоверчивых и недовольных мной бабулек, которым я отвечивала веленные маменькой «здрасьте», одновременно сжимая в кармане молитву от глаза, вышитую оранжевым на черной тряпочке. И вдруг вижу смутно знакомое лицо и нечто сродни безумному восторгу на нём. Цыплячьи желтые волосы, маленькие золотые серьги цветочком, близко посаженные глазки, слегка выпяченная нижняя губа, майка, юбка, шлёпки – девочка, обыкновенная для этих мест. Бежать поздно, изображать больную меланхолию, демонстрировать сложности своего мироощущения неуместно, ибо не поймут и обязательно скажут в лучшем случае, что я выпендриваюсь, а в худшем – выё...юсь. И поэтому я мило улыбаюсь и переживаю пять минут о том, что я «ващееее», и как-то так выходит, что прихожу сегодня вечером на магазин.

На магазин – каково, а?

Перспектива побрататься с местной тусовкой пергидрольных девочек и пацанов на мотоциклах «Планета», «Юпитер» и «Иж» на магазине была не сказать чтобы очень радужной, а по сравнению с тем, что я когда-то с высокомерной брезгливостью отвергала, вообще представляла собой жуткий треш, а я представляла собой за версту пышущую урбанизмом девицу, с ужасом смотревшую на трехлитровые банки молока и искренне тоскующую по красным пакетам «Избушки в деревне», и крайне боялась столкновения цивилизаций. Но поскольку я уже успела к этому времени порассекать по утренней росе в огромных резиновых сапогах и была порядочно изгрызена комарами, то решила особо не ломаться и побыть один вечерок ближе к народу.

На нашей улице не было асфальта, а, следовательно, не было и жизни – жизнь была дальше, на улице Ленина, где магазин.

И вот я уже среди них. Всё оказалось вовсе не так плохо – приезжих из городов добрая половина. Наркотики сюда еще не добрались, поэтому всё происходит в лучших традициях деревенской тусовки на бревнах. Все толпятся, громко матерятся, пьют самогонку, бренчат на гитаре и заводят мотоциклы, вынуждая заслонять лицо от света фар. Отнеслись ко мне на редкость благодушно и с большим любопытством, и я даже вспомнила, как когда-то ходила с кем-то на рыбалку.

– Кого ловить, братанов?

– Ротанов, дура! – Со мной сразу же освоились.

Состояние непривычно расслабленное, мысли текут спокойно, неторопливо, не царапая черепную коробку, как обычно. И мне на всё наплевать, что было раньше, воздух-то какой... Августовские звездопады.

– Маш, пойдем, жажнем, – раздается сзади.

Жажнем? Было бы клёво.

На подходе к колодцу мои босоножки увязают и чавкают в постдождевой грязи, стучат по скользкой доске через лужу и останавливаются возле колодца. Под взглядами приветливых блуждающих глаз в мою глотку вливается самогонка, а потом вместе со ртом и подбородком мой нос погружается в ледяную воду из ведра, я получаю любезные пол-карамельки и сваливаю греться у костра.

День, но солнце не светит, я гуляю. Слева огороды, засаженные картошкой и изъеденные колорадским жуком, по молодости похожим на внутренние органы; справа начинается соломенное поле, в котором стоит одинокая и далекая лошадь на цепи, спереди длинная пыльная дорога в рытвинах с мокрой грязью, сзади то же самое плюс крошечные отсюда домики, внизу мои босые ноги, осторожно обходящие битое стекло; наверху птицы. Я ничего в этом не понимаю, но выглядят они, как грачи. Они молчат и тихо сидят на проводах, и смотрят на меня, и явно ждут чего-то. Черные, на фоне серых облаков, страшные.

Что им нужно? Они ведь не думают, что я их боюсь. Потому что я их не боюсь, не боюсь же...

Мои пальцы напрягаются и искривляются, кончики мизинцев сгибаются, и моя рука становится похожей на птичью.

Тишина.

Одна птица чуть приседает и взлетает. Я вздрагиваю и бегу, глядя в

воздух, болтающийся передо мной и искрящийся. Раз огород, два огород... Тук-тук, сердце, тук-тук-тук.

Стекло, крапива, осока, грязь, репейники – чувствую я ногами и оставляю позади вместе с хищными тварями.

Остановиться – не могу.

Здесь, в деревне, в далеком детстве я иногда виделась со своей троюродной сестрой Катериной, бывшей старше меня лет на восемь. У нее было красивое полное лицо со слегка раскосыми глазами; она была очень классная и взрослая, и мы были с ней лучшими подругами, несмотря на разницу в возрасте.

Встретив ее много лет спустя и пообщавшись с ней, я поняла, что она выводит меня из строя – я не понимаю, о чём мы говорим, как будто из-за невнимательности я упускаю связь между предложениями. Предельно сосредоточив внимание, я всё-таки убедилась, что дело не во мне: сестренка говорила вещи совершенно бессвязные, и вдобавок смеялась она очень громко и совсем не к месту.

Когда пошушукалась с маменькой, выяснилось, что моя сестренка всю жизнь находится под влиянием последствий перенесенного в раннем возрасте менингита и вообще никогда не умела говорить адекватных вещей.

– Могла бы предупредить, – быстро вычислила виноватого я.

– Я думала, ты всегда знала.

Но я не знала, и мне стало от этого жутковато. Ведь если в семь лет мне было весело с умственно отсталой, то как я могу быть уверенной в людях, с которыми мне весело сейчас?

Предрассветное утро. Пустая дорога, вокруг редкие сосны и прикрытая розоватым туманом местность, холмистая, бескрайняя.

Разваливающийся мотоцикл, своим рёвом разрывающий тишину. Спереди и сзади меня сидят два очень пьяных мужских тела, а я не могу понять, кто из них кто. Еще я не знаю, пребывает ли кто-нибудь из них в сознании, но мне всё равно. Чувствую, как сзади в шею безжизненно уткнулся подозрительно холодный нос. Я дышу, вдыхаю, не могу надышаться, и ощущение свободы растворяет меня в мире. Может, мы сейчас разобьемся. Даже скорее всего. Ну и что с того? Мое сердце бьется, бьется, и плевать ему на ожог лодыжки от трубы мотоцикла, и на время, и на себя, и на всё, что будет дальше... Мне бесконечно хорошо, и, наверное, это плохо. Где ты, жизнь моя нормальная, где ты, дом мой, и где же я, думающая о судьбах поколений... А нет вас всех.

– Как же... здорово, – тихо и невольно произношу, криво улыбаясь.

Но мы почему-то вписываемся во все повороты, и я всё-таки прихожу домой, как-то стыдливо всего шугаясь. Прости меня, дом, я хотела убить тебя – ты ведь умер бы, если б умерла я. Дрожу, засыпая, и думаю, что завтра мы уезжаем, потому что я так хочу, а я капризная, я ужасная, я не дам никому покоя. Хватит, надоело, я заигралась.

Ни с кем не прощаюсь и знаю, что больше сюда никогда не вернусь.

В Москве всё как обычно, на деревьях, как всегда, висят пакеты, только очень шумно илюдно, и еще у дворовых кошек появилось новое веяние моды – сидеть на машинах. Они все сидят на машинах, все до одной.

Моя квартира – это самое безатмосферное место, она совсем, совсем не моя. Она большая, светлая и стерильная, а вещи в ней – инородные тела. Никогда не чувствовала себя здесь хозяйкой, а по возвращению всегда удивлялась ей ещё больше.

У нее обнаруживался запах, какой-то пыльный, а мне становилось скучно и некуда себя деть, будто я оставлена в чужом доме без хозяина.

В этот раз я сразу кинулась к балконному окну и – о чудо – увидела в траве желтую головку явно не ромашки и не одуванчика, а того, с пакетика.

Может, всё теперь будет по-другому, а? Не обмани меня, цветочек, с нами так шутить нельзя.

В безликих фамилиях списков поступивших я пытаюсь что-то разглядеть.

Мы все насмотрелись фильмов и начитались сказок. Надеемся на чудо, знаем, что мечты должны сбываться, верим в то, что всё будет хорошо, убогие...

Сегодня мой второй первый класс.

В моём списке неотложных дел: начать новую жизнь.

Невидимые бантики в волосах, и я дотрагиваюсь до всех вещей, как до елочных игрушек.

Еще вчера казалось, что таким чувствам неоткуда взяться, однако сегодня они откуда-то всё же взялись, такие же радостные и голубые, как и десять лет назад. Наверное, у каждого есть свое первое сентября, которое одно и просто повторяется, когда ты уже взрослый и всё ощущаешь намного острее. Это ощущение начала чего-то нового и хорошего, которое настолько по-детски простое, что не может обмануть.

В зеркале мне многозначительно и произвольно улыбались, а в маминой комнате из-за меня плакали, как и тогда. Второй первый класс, куда деваться.

А тогда моя мама плакала, и все мамы плакали, и мы, дети, тоже плакали, глядя на них. Наверное, большей глупости и придумать невозможно было, ведь нам было так счастливо и взросло, но мы всё равно плакали и не понимали, зачем всё это. Вот я никогда не буду плакать, когда... Когда что? Когда мои дети пойдут в школу? Теперь я улыбнулась уже потому, что стало смешно. А плакать на этот раз, кстати, не очень-то и хотелось, что наверняка свидетельствовало о грубейшем нарушении преемственности поколений.

Я вышла из дома, вокруг, и особенно в руках, как будто бы цвели цветы, асфальт был не таким уж жестким и шел как будто под горку, и люди как будто бы улыбались, и уж половина точно мне.

Сначала я с непривычки много уставала, много спала, мало думала и понимала ещё меньше. Но однажды я возвращалась домой и почувствовала, что если не ускорою шаг, то свидетелями моей истерики станут ненужные люди. С открытием каждой двери слёзы всё больше наворачивались на глаза, пока я наконец не захлопнула за собой последнюю, медленно стекла по ней и зарыдала.

И вот валяюсь я на полу, разбитая, бессильная, притихшая, с размазанной по лицу тушью и совершенно несчастная.

Нечего больше ждать. О, как, должно быть, я прекрасна сейчас, посланная жизнью.

А ужасно всё было с самого первого дня. Я никогда не спала раньше днем и искренне считала делавших это полными извращенцами. А в тот день пришла и вырубилась под звуки газонокосилки за окном. А когда проснулась, по всей квартире расплзался тошнотворный запах свежескошенной травы, а за балконным стеклом простиралась уродливая плешивая земля и много зеленой жижи, среди которой где-то безмолвно плакала отрубленная голова моего цветка.

Не было больше желтенького пятнышка, моего солнышка, – ничего. Бездушные, безжалостные твари, ваши руки по локоть в крови, ваши души будут гореть в аду за осквернение могилы... А я смотрела и всё уже понимала, но не могла себе в этом признаться.

Мы всё равно все умрем от природных катаклизмов типа глобального потепления. У нас нет будущего, это же очевидно. Мы методично и последовательно гробим свою планету, программа самоуничтожения запущена и нет ни единого шанса, что что-то изменится. Нам остается лишь рожать детей и кидать их в тот мир, что мы творим, на убой.

Мой милый, милый мальчик. Зря я думала, что нам с тобой никогда не найти друг друга. Ты такой же, как я. Ты в свитере со снежинкой, а я в белом платье и с мусором в волосах, мы с тобой лежим где-то вне времени посреди стадиона, на траве, под звездным небом, лежим в разные стороны, и соприкасаются только наши головы, мы лежим, как игральная карта, и разговариваем.

– Мне просто противно от всего. Помнишь сон, где люди превращались в помидоры? Тут подобная фигня.

– Не, я не смотрела.

– Сон ты не смотрела?

– А, – я улыбаюсь, – мне послышалось – фильм.

– Ты же мне его и рассказывала, твой же сон – как люди превращались в помидоры, а ты их ела.

– Правда? Я уже не помню.

– Конечно.

– Расскажи мне.

– Уже рассказал же. У тебя был жуткий сон, как все люди вокруг превращались в помидоры, а ты их ела. Вот такой сон. У меня то же самое – всё превращается в помидоры, сущность выплывает, а я и не догадывался.

– Ну ни хрена ж себе...

Всё, что меня связывало с этим местом, – взаимоотторжение. В этих стенах у меня всё валилось из рук, я всего боялась и даже не могла понять систему того, как там вообще всё происходило... ну вы понимаете. Преподаватели, которые мне нравились, уволились в течение первого месяца.

Однкурсники. Отборное быдло, которое в школе не ело, не пило, не гуляло, а только зубрило, и при этом всё, на что их хватило, – препаршивый институт. Некоторые из них Сидели. Их было мало, но их я хоть немного, но уважала. Некоторые из них безуспешно пытались Сидеть, и это

стремление было похвально. Остальные же просто сидели, находились, были, просто имели свое ненулевое значение, и всё.

А я не решалась признать, что меня угораздило попасть сюда.

Человек красит место? Да ладно.

Конечно, запах краски я люблю, но я не художник, ибо рукой не владею, не финский маляр, я даже не гастарбайтер, размалевывающий во все цвета радуги детские площадки... Нет у меня такого потенциала, чтобы сделать всё вокруг ярким и красочным, и если атмосферу беспроектной тупости и приземленности можно резать топором, то никакого внутреннего света не хватит, чтобы это изменить.

Сегодня они истязают себя тоннами текстов, а завтра будут пахать восемь часов в день на большого дядю.

Они трясут руками в надежде ответить. Они враждебно косятся друг на друга.

Маменька спросила бы: «А чем ты лучше?»

Отвечаю: я не лучше, я даже хуже. Но кто сказал, что я себе нравлюсь?

Я смотрю на них и думаю: ведь не может же быть так всегда. Будут люди больше, выше, сильнее, живее... Не я, конечно, я мясо и меня уже съели, мне поздно быть чем-то большим.

Я верю, что я бельмо в их глазу, я свидетельство ошибки в их системе, и что они никогда не смогут расслабиться и получать удовольствие от своей жизни, пока чувствуют спинами моё присутствие на задней парте и ощущают себя изгоями.

Эй, вы, изгои, дайте же мне сюда свое равнодушие.

Иногда так бывает, что открываешь подарок в красивой коробочке, а там – пусто. Никогда еще я не чувствовала зиму так рано.

Здесь запрещалось курить вообще – и в помещении, и на территории института, и за территорией тоже, хоть и не официально. Если застукают – отчислят. Тогда, наверное, в рамках общественного протеста, я страстно закурила. У меня появилось хобби – запретное курение в туалетах, за углами, и на такой откровенный вызов системе не отчаивался больше никто.

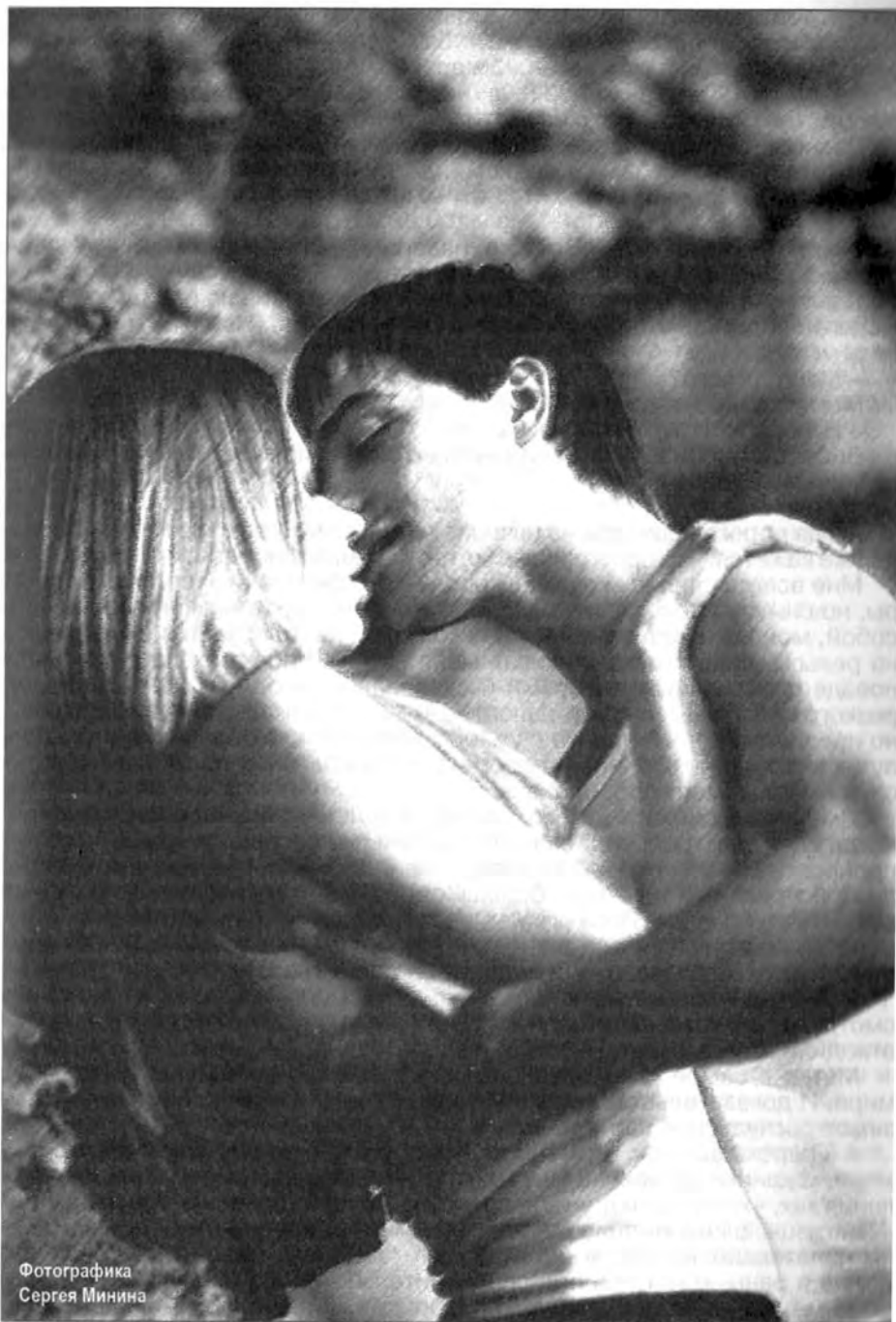
Хотя, мы, наверное, по сути своей не очень хорошие люди, а нам только вдобавили, что мы хорошие, и мы видим себя хорошими. Мы даже ни за что не скажем маме, что курим, и будем хоть до тридцати ныкать сигареты по секретным уголкам, если, конечно, доживем.

Как и всегда на новом месте у любой миловидной самошки, у меня появился Ухажер из параллельной группы. Он жрал мои уши, жрааааал, жрал, пока я не согласилась с ним Погулять.

Ах, мальчики, зеленые, милые, глупые и пафосные, за что же вы меня так любите... Не успевает перестать капать слюнями один, как уже другой выбирает меня в качестве той, что разобьет его хрупкое сердечко.

Сначала я знаю, что весь он сосредоточен в своей неловко положенной на мою спину руке. А потом, когда я терплю положенное время, умоляю не провожать себя и говорю «пока», получается поцелуй.

Я его не хочу и не ожидаю, как никогда не ожидаю подлости, но он случается, такой недолгий, такой платонический, такой слюняво-щелячий,

Фотографика
Сергея Минина

стремление было похвально. Остальные же просто сидели, находились, были, просто имели свое ненулевое значение, и всё.

А я не решалась признать, что меня угораздило попасть сюда.

Человек красит место? Да ладно.

Конечно, запах краски я люблю, но я не художник, ибо рукой не владею, не финский маляр, я даже не гастарбайтер, размалевывающий во все цвета радуги детские площадки... Нет у меня такого потенциала, чтобы сделать всё вокруг ярким и красочным, и если атмосферу беспросветной тупости и приземленности можно резать топором, то никакого внутреннего света не хватит, чтобы это изменить.

Сегодня они истязают себя тоннами текстов, а завтра будут пахать восемь часов в день на большого дядю.

Они трясут руками в надежде ответить. Они враждебно косятся друг на друга.

Маменька спросила бы: «А чем ты лучше?»

Отвечаю: я не лучше, я даже хуже. Но кто сказал, что я себе нравлюсь?

Я смотрю на них и думаю: ведь не может же быть так всегда. Будут люди больше, выше, сильнее, живее... Не я, конечно, я мясо и меня уже съели, мне поздно быть чем-то большим.

Я верю, что я бельмо в их глазу, я свидетельство ошибки в их системе, и что они никогда не смогут расслабиться и получать удовольствие от своей жизни, пока чувствуют спинами моё присутствие на задней парте и ощущают себя изгоями.

Эй, вы, изгои, дайте же мне сюда свое равнодушие.

Иногда так бывает, что открываешь подарок в красивой коробочке, а там – пусто. Никогда еще я не чувствовала зиму так рано.

Здесь запрещалось курить вообще – и в помещении, и на территории института, и за территорией тоже, хоть и не официально. Если застукают – отчислят. Тогда, наверное, в рамках общественного протеста, я страстно закурила. У меня появилось хобби – запретное курение в туалетах, за углами, и на такой откровенный вызов системе не отчаивался больше никто.

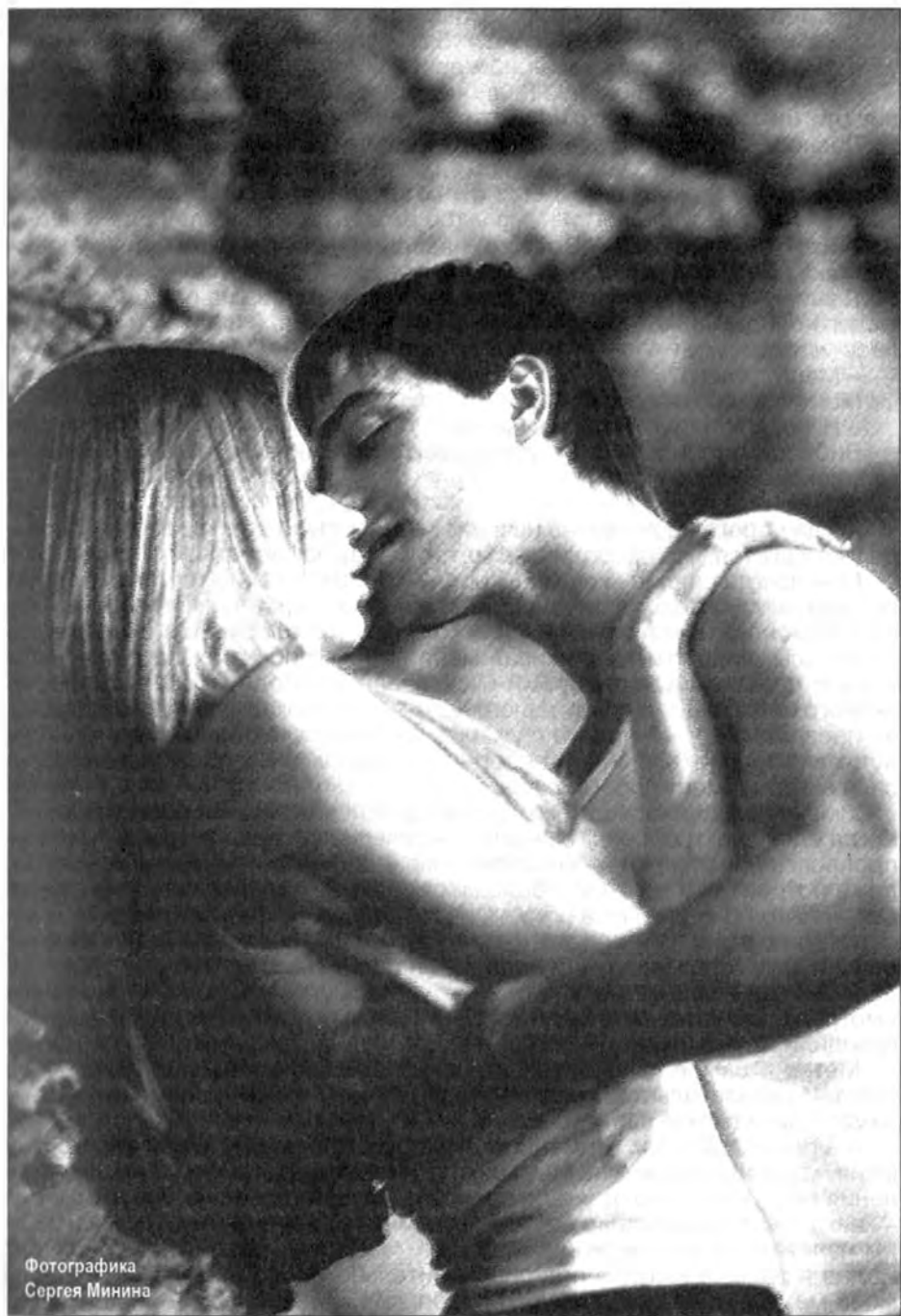
Хотя, мы, наверное, по сути своей не очень хорошие люди, а нам только вдолбили, что мы хорошие, и мы видим себя хорошими. Мы даже ни за что не скажем маме, что курим, и будем хоть до тридцати ныкать сигареты по секретным уголкам, если, конечно, доживем.

Как и всегда на новом месте у любой миловидной самочки, у меня появился Ухожор из параллельной группы. Он жрал мои уши, жрааааал, жрал, пока я не согласилась с ним Погулять.

Ах, мальчики, зеленые, милые, глупые и пафосные, за что же вы меня так любите... Не успевает перестать капать слюнями один, как уже другой выбирает меня в качестве той, что разобьет его хрупкое сердечко.

Сначала я знаю, что весь он сосредоточен в своей неловко положенной на мою спину руке. А потом, когда я терплю положенное время, умоляю не провожать себя и говорю «пока», получается поцелуй.

Я его не хочу и не ожидаю, как никогда не ожидаю подлости, но он случается, такой недолгий, такой платонический, такой слюняво-щелячий,

Фотографика
Сергея Минина

омерзительно романтичный, фруктовыми, продуктовыми, жевательными губами, который странно тает на губах, когда я, не оглядываясь, почти убегаю с мыслями о том, какая же я дрянь.

Почему я? Я же так испорчена, я же так неблагодарна, меня же тошнит от этого. Мне даже это не льстит.

Давно в гостях я видела, как совсем маленький и глупый мальчик лез целоваться к своей маме с языком... да лучше б меня в подъезде изнасиловали.

– Что-то случилось? – Вот оно, наверное, материнское чутьё. У меня всё такая же дикая рожа, как и всегда, я уверена.

Я внимательно посмотрела на нее – мыльная пена на реснице от чистящего средства, которым я бы так хотела пахнуть. Но я так и не научилась мыть посуду.

– Маш, ты чего?

Мама, мы все тяжело больны.

– Ничего. – Я глуповато улыбаюсь.

Вибрации мобильного в глубине квартиры напоминали стоны, а потом всё, конечно же, стихло.

Когда дорога неожиданно начинает отнимать по два часа в день, вскоре уже кажется, что проводишь в метро большую часть своего времени.

Мне всегда снились кошмары про метро. Вернее, не то чтобы кошмары, но сны мучительные и ноющие, в которых я либо не могла управлять собой, мои ноги разъезжались по скользкой платформе и я скатывалась на рельсы, либо кто-то спихивал меня на них, либо я ехала в странном поезде с вырванными дверьми и сваливалась в одну из дыр во время резкого поворота... ну и так далее. Каждый раз я оказывалась на рельсах, но поезд не шёл, и я просто с ужасом во всём теле обреченно стояла на путях в ожидании его, иногда дергаясь в бесполезных попытках выбраться, и в этот момент просыпалась.

У меня сохранилось детское, почти средневековое восприятие метро. Когда едет электропоезд, сначала мистически освещая тоннель, а потом проносясь совсем рядом со мной, у меня возникает желание замереть, даже острее, чем при виде больших собак, потому что в его прибытии есть что-то роковое. Пока его нет, я шарахаюсь от края платформы, а когда он уезжает, меня шатает и тянет вслед за ним, если во избежание этого я не загораживаю пути ладонью от своих глаз.

Я бы так и ехала вечно. И пусть вокруг бы сменялись люди, а я бы на них смотрела, как хотела, потому что чувствовала бы себя, как дома, а они бы отводили взгляд, чувствуя, что они здесь лишние.

Метро – самое красноречивое свидетельство несовершенства этого мира. И доказательство того, что за мгновение может испортиться даже самое расчудесное настроение.

А в переходах – эх, гармонист, душа русская, не смотри так на меня, у меня наушники в ушах, не видишь, что ли, и плеер в руках, один из поколения тех, что отнимают у тебя средства к существованию. А в переходах – кавказцы, разложившие на тряпках камни и дешевую бижутерию, и толпы налетевших на них; а в переходах – листовки раздают, которые так жадно я раньше хватала под снисходительно-неодобрительные взгляды моей маменьки; а в переходах – попрошайки, инвалиды и нищие, в ком-

мерческих целях давящие на жалость, которых я так ненавижу, потому что их слишком много, потому что они уже примелькались и убили всё мое сочувствие к человеческому горю. Господи, какая грязь... Помню, в детстве каждый раз, когда я видела человека без рук или ног, сразу же начинала громко реветь от ужаса.

С каждой секундой нам всё больше становится страшно из-за того, что жизнь коротка. Страшно из-за того, что есть слово «никогда», что нельзя сделать всё, нельзя сделать даже большую часть, и каждый день приходится выбирать.

Иногда меня даже шокирует то, что меня зовут так, как зовут, и не верится в то, что я выгляжу так, как выгляжу, и у меня есть то прошлое, которое есть, – и всё из-за конкретики. Есть это, и другого не будет. Никогда. И восемнадцать мне никогда больше не будет. Отчего-то эту цифру жаль больше всего.

Мы всего лишь хотим жить вечно, чтобы не сожалеть о том времени, что так бездарно теряем сейчас, а годы проходят, все лучшие годы...

Ничто не вечно. А кому нужно счастье на час?

Добрый боженька дал самому великому своему творению жизнь продолжительностью ровно в одно паршивое мгновение.

А потом какой-то умник сказал: помни о смерти, потому что на тебя в любой момент может упасть кирпич.

Да как о ней вообще можно забыть?

Мы помним, мы чувствуем, мы даже завещания с детства пишем.

И плачем по ночам из-за того, что когда-нибудь умрем.

Меня всегда угнетало, что в часе шестьдесят минут, а не сто – бесспорное свидетельство хаоса в этом мире. Мне всегда кажется, что сто, и поэтому, наверное, я всегда опаздываю, на одно и то же время. Вот и сейчас, по пути в институт, на перекрестке я стою и предполагаю, что сейчас без пяти двенадцать.

Как понравиться мне: в полной уверенности, что этим никто не воспользуется, ибо на хрен оно не надо, я вам расскажу.

Обзаведитесь детскими чертами лица, пушистыми волосами, большими глазками, сигаретой в зубах и худенькими ножками в тяжелых ботинках. Сделайте всё, чтобы нормальных людей от вас тошнило, чтобы вас самих от себя тошнило. Изобразите очень мерзкий, равнодушный и наглый взгляд, растяните губы в омерзительно самодовольной ухмылке и идите, наступая людям на ноги и безразлично толкая их, смотрите в одну далекую точку впереди, словно она – загнанная в угол жертва.

Потому что когда всё это милое великолепие, освещенное зеленым светом светофора, приближается ко мне, проходит мимо в полуметре и ровно на неделю уходит из поля моего зрения – я просто млею.

Привет, дружок! Я такая же, как ты! Меня тоже, пока я спала, поимела реальность! И теперь ничто мне в ней не мило, даааа... Остановись же, мальчик мой, скажи мне что-нибудь гадкое, пойдем, посидим где-нибудь...

А что я. Я тоже иду мимо, смотрю куда-то и иногда даже сквозь него, наступаю кому-то на ногу и, не жалея жалости, жалею его жалостью, предназначенной для себя.

Всего мгновение. Мои безумные глаза в твои безумные глаза.

Как мне хочется быть тебе нужной.
Как мне хочется, чтобы тебе хоть что-нибудь было нужно.
Прощай, дружок. Нет-нет, не возражай.
И ты не возражаешь.

А еще мы конченные дети, мы совсем не повзрослели. Мы извечно субъективны и наивны, в нас нет житейской мудрости, нет терпения, смирения и спокойствия.

Мы дети, и мы стареем детьми.

А тем временем расти всё равно приходится; вдруг начинаешь понимать, что глотаешь микстуру и полощешь больное горло, а тебя никто уже не хвалит.

Мы чувствуем себя странно: раньше всё было приятно и понятно, а теперь впереди одна неопределенность, и всё такое неустойчивое и без правил... Мы вдруг можем приходить домой в двенадцать, а можем и не приходить. Как же так? Никогда не выбрасывайте своих детей, даже если они сами этого как будто просят, ведь вам, а не нам нужна была эта нормальная реальность, к которой вы нас приучили. А кто же скажет, что нам делать теперь? Всё, что мы слышим: живи. Живи и приходи домой, когда хочешь.

Мы как придурки, которые вдруг попали на околоземную орбиту и вспоминают, как недавно на кухне ели геркулесовую кашу, кстати говоря, похожую на месиво из зубов, сраженных кариозными монстрами.

После восемнадцати мы забыты на подоконнике, где без почвы плаваем в неровно отрезанной половине пластмассовой бутылки с подтухшей водичкой и пытаемся пустить в ней корни. Посадите нас в землю, полейте нас, мы же чахнем, засыхаем...

Да, дорогие мои школьные учителя. Мы действительно здесь никому не нужны, и это поистине прекрасно. Никто не стоит у нас над душой, не выбивает изо рта жвачку, не смотрит, открыты ли наши глаза. Ты есть, тебя нет... галочка или н-ка... мы для них всего лишь фамилия, ничего личного.

Сегодня я галочка, первая за семестр. Это как «Галочка, зайдите ко мне в кабинет», — хе-хе...

Все одновременно уселось. Помещение устроено затейливее некуда — окна выходят не куда-нибудь, а в библиотеку, да ещё и закрыты, зарешечены и задвинуты стеллажами с той стороны. Всем жарко, тесно и дурно.

Я вспоминаю, как когда-то давно в детском саду мы совершили омерзительную выходку. Омерзительную не с точки зрения морали, но ее омерзительность была очевидна даже нам, деткам. Наш коллективный разум решил, что будет хорошо, если мы наловим божьих коровок, принесем в наш класс и игровую и посадим в горшки с цветами на подоконниках. У другой группы был живой уголок с сердитыми морскими свинками, а мы изнемогали от желания о ком-то заботиться и властвовать, как делали наши воспитательницы.

Божьих коровок было в ту весну много, а мы постарались на славу. В течение пары часов двадцать наших маленьких, но шустрых ручек увлеченно собирали насекомых и складывали их в карманы или просто в кулаки, а после прогулки вся территория нашей группы кишела насекомыми. В цветах они оставаться не желали, их красные спины в черный горох

были везде. Ха-ха... Концентраты какого-то нездорового насекомного запаха летали по всему закупоренному помещению, не запах – вонь их влажных крыльев, мелких лапок, желтых следов, которые они оставляли за собой.... Воспитатели испуганно замерли, не зная, что делать. Всё было охвачено этой больной и жуткой атмосферой нашествия божьих коро- вок.

Такого не бывает, скажете вы. Ну и пожалуйста.

Они же все сидят на стульях. Я тоже сижу на стуле, мой стул стоит на полу, а еще на полу стоит парта, а на парте лежат мои вещи, а их вещи тоже лежат на партах – все мы одна большая разница.

Мне всегда казалось, что насекомые – это нечто промежуточное между животными и растениями, это травинки или цветки, набитые мясом. Одни помяснее, другие потравянистее...

У преподавательницы лицо бабочки. Всем нравятся бабочки из-за крыльев, но у этой крыльев не было, даже простеньких, как у лимонницы. Были лишь круглые глаза и лицо, сужающееся книзу, – ну вылитая бабочка из мультиков. Я думаю о том, что, возможно, раз у нее нет крыльев, то, может, она похожа на гусеницу, но я не знаю, какие у них лица.

Так или иначе, она преграждала мне путь к выходу; чтобы уйти, мне пришлось бы просить ее отойти или просто пихнуть локтем. Я знаю, она заодно с этими ненавидящими меня стенами.

В самом деле, почему я не могу вспрыгнуть, как человек-паук, на парту, разбросать всех по углам, дать заслуженного пинка недобабочке, крыске канцелярской, и выбежать, вынеся башкой кусок стены? Я же чувствую, как во мне всё трепещет от желания это всё разрушить, быть безумной...

Мы словно волчата, воспитанные стадом овец.

Лицемерные твари поневоле, всю жизнь думаем, что мы одно, а на самом деле являемся чем-то принципиально другим. Мы оборотни. Однажды утром мы проснемся с мясом, застрявшим в зубах, с чужой кожей под ногтями, с чужой кровью на пикаме.

Или, быть может, придет наконец наш хозяин и тихо позовет, и мы побежим к нему, как к единственному отцу, и наконец поймем то, о чём всегда подозревали.

Соседи сверху купили своим детям большой прыгучий мяч. Он прыгал по всему дому и вколачивал звуки дребезжащих оконных стекол в мою голову.

Первая сессия, и я немного не в себе.

Я просыпаюсь вечером с головной болью.

Мать вашу! Вы готовы пропустить это мимо ушей, вы так равнодушны, потому что это не с вами или потому что я придуманная?? Скотины! Бездушные! Да вы хоть можете представить себе, что весь день я мучилась от этой чертовой головной боли, и мне снились жуткие болезненные сны, пропитанные ею... Вы вообще можете хоть немного мне посочувствовать? Вот так, уже лучше. Сидите и сочувствуйте.

Итак, я просыпаюсь вечером с головной болью.словно больной и воспаленный нерв связывает мои зубы и висок.

Я просыпаюсь вечером с тонкими бордовыми полукруглыми ямками на ладони, в которые бесчеловечно вгрызались мои ногти. Впрочем, откуда

у них человечность... И вообще, странное это слово. По идее, чем больше у тебя человечности, тем больше ты человек. Да уж. Мои ногти даже все вместе на человека походили мало.

В таком случае, я думаю, что учебникам не хватает человечности. Хочется, чтобы учебник ко мне относился по-человечески, разговаривал со мной, ласково так. Говорил своими буквами «а сейчас, дружок, будет очень сложно и непонятно, иди, сбегай, попей минералочки, покури, отдохни и сосредоточься»... И пусть это бы отдавало детскими познавательными книжками с облегчающими восприятие фразами типа «малыш, наверное, ты уже и сам догадался, что это кра-ка-дил», и пусть это глупо и неосуществимо – чередовать жуткие правила по латыни для вконец серьезного студентика с «дружок» и «покури», но когда сидишь один на полу в ванной, закутавшись в плед и периодически глотая кофе, снимая для этого кружку со стиральной машинки, выжимаешь смоченный пресловутой минералочкой ватный шарик в свои слипающиеся глаза и думаешь лишь о том, чтобы это поскорее закончилось... В такие моменты так хочется, чтобы рядом был хоть кто-нибудь.

Наверное, вам кажется, что пол, ванная – это всё позерство, но я вам ничем помочь не могу, ибо слишком уж у меня там деятельная атмосфера. Когда я мою голову, то вообще чувствую себя гигантом современной мысли, а потом бац – и снова эти муки скуки и мухи мыслишек внутричерепашные и ни намек ни на что большее.

Иногда мне кажется, что причиной моих бед является то, что мне не дали специальный ключик к жизни. Инструмент, при помощи которого все не только выживают в этом уродливом мире, но и остаются вполне довольны.

А на меня такого ключика не хватило, и поэтому, по правде говоря, я не умею ни читать, ни писать, ни делать чего-либо ещё. Я недееспособна, только без пособия. Я не могу ничего делать, даже когда вроде бы хочу или очень надо. Это физическая невозможность. Вы даже представить себе не можете, каково это: быть в миллиметре от того, чтобы заняться чем-то, то есть приготовиться к этому, написать о своем намерении в дневник, сообщить о нём друзьям и крутиться в этом подготовительном моменте долгое время, постоянно выискивая различные «но». Фантастика просто – и так даже с самыми мелочами.

Сапожник без сапог. Художник не то что без красок, но и без рук.

Раздолбаи без чувства безмятежности. За что? – вопрошаем мы.

Так тягостно и ненавидяще я и сдавала свою первую сессию. Я крутилась возле учебников целыми днями и ночами и не могла их прочесть. Я не могла готовиться, но не могла и махнуть на всё рукой из-за маленького, хорошо воспитанного ребенка, живущего во мне.

«А когда я буду учиться в институте, у меня будут все-все пятерки», – говорит эта девочка.

Так получилось, что я не ребенок индиго.

А тем временем в нашем мире будет происходить следующее: дети индиго будут появляться, плодиться, и эта новая раса переживет старую и сметет ее сначала своим качеством, а потом и количеством.

Мало того, что мы будем у них в подчинении, так это еще и справедливо – мы же хуже. Если не отменят деньги, возможно, нам будут платить

неплохое пособие по устарелости – уж эти-то люди будут знать, откуда взять средства.

Страшно, когда твоя планета уже не твоя. Когда ты только что был умным и сильным, и вот ты уже никто. И ты в этом не виноват ничуть, ты просто вышедшая из моды модель человека. Ты останешься всего лишь прямоходящим, одним из звеньев цепочки эволюции, следующим из которых будет какой-нибудь Мегачеловек.

Полный крах людских надежд на свое будущее. Любопытный поворот событий, не правда ли.

Мы не будем ничего понимать, мы не будем ничего успевать. Интересно, каково будет мне, если даже сейчас кажется, что у остальных в сутках раза в три больше часов... Наши дети пойдут в школу для дефективных, а их сверстники, мегачеловечки, будут настолько гуманны, что ни за что не будут над ними издеваться.

Невероятная стерва в жуткой розовой кофточке без высшего образования опускает меня на экзамене, к которому я хоть и не готова, но однозначно не заслужила к себе такого отношения. Будучи конченной идеалисткой, я не понимаю, что ЭТО делает в преподавательском кресле, и мне кажется, что сейчас зайдет умный и добрый человек, настоящий преподаватель, и отвесит ей смачный подзатыльник, и выгонит, и займет свое место, и ласково скажет, что мне лучше прийти на пересдачу.

Но пока, увы, эта жуткая женщина старательно дает мне понять, что таких, как я, надо еще в младенчестве душить, и в этот момент я представляю себя центром вселенной. Я внушаю себе, что всё реально существует, только если попадает в поле моего восприятия, а в остальное же время – лишь номинально.

И даже если сейчас кто-то и опускает меня, он существует лишь для этой мельчайшей роли, по истечении которой он возвращается в небытие. Поэтому выигрываю я, проигрывают все остальные.

Иногда мне хочется, чтобы со мной случилось что-нибудь страшное. Ну хоть чуть-чуть.

Никогда не поворачивайте коленкой в сторону, слышите? Это не шутка, ведь я не сделала ничего большего – просто повернула коленкой в сторону, честное слово. Тогда я мужественно доковыляла до дома, проваливаясь в Мир Боли на каждом шагу, а на следующий день такси со мной внутри завернуло во двор больницы.

Мне сказали, что нарушена целостность коленной капсулы, откачали из неё литра три крови, замотали ногу в тяжеленный гипс и бросили умирать в больничную палату, и всё это врач-азиат, который хоть и заставил меня быстро прыгать на больной ноге, а потом ждать его часов пять в коридоре, разглядывая плакаты про гепатит и чесотку; но когда он улыбнулся по-доброму и назвал меня зайкой, я ему всё сразу же простила.

– Мама, смотри, какой у меня гипс.

Я кажусь себе героиней романа, когда меня первый раз в жизни везут на каталке.

Я смеюсь, мне прикольно, особенно, когда завозят в лифт. Я хочу хлопнуть в ладоши и думаю: «Неужели оставят?! Оставят... это было бы... Ужасно? Забавно? Нужно».

– Вы меня это... куда-нибудь, где помоложе и посвободнее, – говорю медсестре.

– Олесь! Где у нас тут молодежь лежит? – кричит она кому-то за моей спиной.

– Это те, что под восемьдесят?

– Нет, это те, что под двадцать!

– Вези в четвертую.

Однако всё оказалось слишком экстремально и на сериал «Скорая помощь» совсем не похоже.

По причине гололедов отделение забито до отказа, уже следующего человека клали в коридор. Меня поместили в углу. Я оглянулась. В палате шесть кроватей, и всё как в плохих документальных фильмах про реалии отечественной бесплатной стационарной медицины. Четыре бабушки, одна женщина, полная, розовая и неопределенного возраста, похожая на свинюшку, и одна женщина-таджик с золотыми зубами.

Почувствовала себя так, словно меня окунули в толчок – нормальная человеческая реакция на тамошнюю обстановку. Повсюду зловоние, нездоровье и грязь. Со мной немедленно случилась истерика в ее классическом проявлении, когда я, захлебываясь соплями, искренне утверждала, что за две недели здесь я стану калекою и что меня надо немедленно отсюда забрать, одновременно не забывая быстро строчить список того, что мне нужно привезти.

Маменька терпеливо дождалась, когда мои вопли поутихнут, а приёмные часы официально закончатся, и сразу же ушла, двусмысленно оставив мне пачку снотворного на тумбочке. На прощанье я велела ей, чтобы никто не узнал о моём местонахождении.

Она ушла – и вдруг стало лучше, и я перестала вызывать у себя такую унижительную жалость.

– Хорошо, когда в палате молоденькие, – сказала одна бабушка.

– Как тебя зовут? – спросила другая.

– Маша, – сказала я.

– Какое редкое имя, – ответила третья.

У меня ведь не было своей бабушки в сознательном возрасте, и опыта общения у меня с ними не было тоже, а была только невыносимая брезгливость к этому месту.

Принесли ужин – гречка с подливкой, в которой, возможно, есть мясо, но это не принципиально. Пахнет очень вкусно, по-особенному, совсем как в детском саду. К одной из бабушек пришла девушка, внучка, наверное, приплатив охране. Аккуратная, с русым хвостом, закрепленным заколкой со стражиной, в простой черной кофте и юбке, в простых туфлях на умеренном каблучке, худенькая, миленькая, хорошистка.

Я сижу, растерянная, пялюсь на поставленную рядом тарелку, понимая, что мне нечем есть, – хотя я и не собиралась, но всё равно обидно.

– А почему ты не ешь? – поинтересовался кто-то.

А я в ступоре, я молчу.

– У тебя ложки нет? – спрашивает девушка.

И вдруг все поняли, что у меня ещё нет ложки. И всем почему-то не всё равно.

Девушка сходила и принесла мне ложку, хотя я не просила. Она ведь наверняка недалекая, правильная, но такая добрая, ухоженная и забот-

ливая, и я такая умная, но зареванная, капризная и недовольная. Хватит, решила я и успокоилась. Для приличия я поковырялась ложкой в тарелке, а время до десяти вечера пролетело незаметно, я быстро адаптировалась, выпила снотворного, о котором уже было забыла, и мгновенно отключилась.

На следующий день я проснулась рано, но совершенно отдохнувшей, румяной и будто бы со слюнями на подушке. Моя убогая постель пахла теплой сыростью гипса, ноге была влажно и комфортно, и, казалось, она скоро благополучно начнет разлагаться в такой уютной обстановке.

— Доброе утро, — сказала всем я и получила то же самое в ответ.

У бабушки напротив был лейкоз и что-то с коленями, и не было таблички с именем над кроватью, розовая женщина Оля громко и почему-то смешно рассказывала тупые анекдоты, женщина-таджик с переменным результатом пыталась до хозяина то ли рынка, то ли палатки на рынке и выпросить в долг денег на операцию, без которой она останется хромой навеки. И хотя в палате постоянно велись разговоры на бытовые темы, от которых иногда хотелось убить себя, в целом всё было не так уж плохо. Ходить мне было можно, но аккуратно и только с костылями, которые я в первый же день получила, для удобства обмотала бинтами и ватой и полюбила, как игрушку.

Сначала моя жизнь умещалась на четырех квадратных метрах, разделенных стеной: одна половина в коридоре на банкетке, другая — на кровати в палате.

Как единственный ходячий человек в палате, говорила «не за что» раз сто за день и вскоре почувствовала себя по-настоящему нужной. Страницами моих журналов вскоре были накрыты все судна на этаже.

Однажды весной в школьном дворе, когда мне было лет восемь и я ходила во второй класс, на бельевых сушилках повесили шину — как качели. Я была тогда совсем крошечная, а вот моя подружка Света была натуральной лошадкой с тяжелой поступью. Когда мы выбежали к месту действия, на качелях уже довольно болталась темноволосая девочка на год старше нас, а вокруг в нетерпении прыгали дети, жаждущие того же. Чтобы было легче взбираться, мы с подружкой решили притащить еще одну шину и положить ее рядом.

Нашли, стали ее катить, а на подходе к качелям Света сказала, что дальше она покатит одна, и желая первой покачаться. Тут я на что-то отвлеклась, а потом услышала дикий вопль и увидела, как Света, радостно гогоча, всем своим весом прыгает на шине, не понимая, что под ней непонятым образом оказалась нога слезавшей с качелей девочки, как потом выяснилось, сломавшаяся тогда в двух местах.

Света, наконец сообразив, что поступает нехорошо, спрыгнула на землю и понеслась ко мне, схватила за руку и потащила меня прочь. Помню, как отсиживались где-то, шептались о том, что Мы сделали, дрожали от страха, а я понимала, что теперь достанется и мне. Воспитатели, видимо, осознали, что на самом деле виноваты они, но по головке нас не гладили и уж тем более не утешали, а мы не понимали, что, будучи детьми, ответственности за свои глупости не несем.

Говорили, что мамаша той девочки неистовствовала и подала в суд, на нас смотрели все очень плохо, а потом приходили разные тети и дяди,

выдергивали с уроков подозреваемых и свидетелей, дабы побеседовать по душам в кабинете директора.

А потом всё забылось, затерлось в детской памяти, тягостное чувство вины прошло, а в школе нам устроили очередное развлекательно-познавательное мероприятие: каждый рисовал Кремль или другую московскую достопримечательность, а рисунки подписывались, обрамлялись картонными рамками и ставились на парты, расставленные по кругу в игровой комнате. На выставку приходили со всей школы, а мы безмерно гордились собой.

В тот день, уже в конце продленки, когда школа была почти пуста и я была одна в игровой, когда в нее зашла женщина с длинными, черными с проседью волосами, ястребиным лицом с крючковатым носом – вылитая Анидаг, только стареющая и без сказочной привлекательности. Я сразу почувствовала что-то неладное.

– Здравствуй, – вкрадчиво сказала она мне, – а как тебя зовут?

– Маша, – ответила я, – а это наши рисунки, и все эти здания находятся в Москве, можете посмотреть, очень интересно... – принялась я болтать.

– Маша, говоришь... Ну что ж, Маша, покажи мне свою работу в таком случае. – Она плотоядно улыбнулась и прищурилась, а ее шея напряглась.

Мое горло удавкой сжал внезапный страх, но я невозмутимо отвела ее к рисунку моей тезки, с собором Василия Блаженного.

– Вот, – говорю и улыбаюсь.

На ее лице проступило разочарование, она спросила про другую Машу, про меня, то есть. Я отвела ее к своей работе и наврала, что, к сожалению, ее, то есть меня, здесь сейчас нет.

– А эта, Света Грачёва, она-то хоть здесь?

– Нет, ее уже забрали, но ее рисунок...

Дальше она уже не слушала, а развернулась и ушла, громко вбивая каблуки в пол.

Конечно, это была Ее Мамаша, которая даже предположить не могла, что ребенок способен на чутье, мгновенную реакцию и такой искренний обман.

До сих пор страшно представить, что она хотела сделать со мной и непременно сделала бы, выдай я тогда себя.

Те, что постарше, в основном болели переломами шейки бедра – их было большинство. Остальные же, здешняя тусовка, – кучка молодых, искалеченных и перебинтовано-загипсованных ребят, для которых очередная попытка экстремально выпендриться вдруг чуть не оказалась путевкой на небеса – приняла меня хорошо, по достоинству оценив мое умение прыгать на костылях и количество затаренного феназепамы и немедленно украсив мой гипс матерными надписями и пошлыми рисунками.

Мы были бандой, мы выглядели одновременно забавно и устрашающе.

Мы стекались с женского и мужского постов к гипсовой, слушали врачебные разговоры и умилялись врачебному юмору, желали зла двум медсестрам-хабалкам, которые передразнивали по ночам дико страдающую и воющую бабушку; мы обсуждали уколы и в сотый раз перемусоливали обстоятельства полученных травм.

– Блин, серьезно просто повернула? Ну ты крута...

Это Локоть. Шустрый мальчик со сложным переломом руки, крепко на-вернувшийся на сноуборде. Медсестра один раз назвала его Локтём, и было бы страшным преступлением называть его по-другому. Иногда я пускалась в усугубление и называла его Мистером Локтем и на «вы». Но он не зазнавался и вообще был мальчиком общительным и бойким, поэтому охотно бегал нам за пивом, сигаретами и пирожками.

Пили и курили в пустых туалетах – всё равно все остальные ходили под себя.

Понимаете... Совпала энергетика. Плохое место по определению, даже дырки в ушах гноятся, везде мысли о смерти, а я нашла свое место. Я сладко спала, пропиталась сопереживанием и спокойствием и чувствовала себя как дома. С моей ногой никогда так нежно не обращались, а обо мне никогда так не заботились, понимаете? Ничего вы не понимаете.

Мой мирок, в котором я делаю, что хочу, и в тумбочке у меня лежит только то, что я хочу, и так, как я хочу, у меня есть свой прикольный распорядок дня с тихим часом, в который я как никогда сладко сплю. Я не радовалась своей маме – она заходила в мою больницу, на мой этаж так же бесцеремонно, как раньше заходила в мою комнату, и я, скрываясь под маской заботы о ней, пыталась сделать всё, чтобы она оставила меня хотя бы здесь в покое. Я боялась думать о том, что будет, когда это всё закончится, я всерьез думала о том, чтобы раскроить голову об стену и навеки остаться в травматологии.

– Маша, нам ли быть в печали, – говорит Локоть.

Действительно, нам ли...

– А у них личная драма, у ихнего приемного врача сегодня последняя смена заканчивается, и они его больше не увидят, хотя влюбились в него, как малолетка, – не отрываясь от нескончаемого вязания, говорит девочка в коляске, восстанавливающаяся после сложной операции.

– Идите вы к чёрту, калеки долбанные, – огрызаюсь я и думаю, с каких это пор стала настолько прозрачной.

– Да ладно, зайка, не злись, зайка, мы не хотели тебя обидеть, зайка, – широко улыбается Локоть.

Это всё неправда, я не влюбилась, я не умею. Просто он с хирургическим равнодушием вскрыл мой мозг, вскрыл мое сердце... Он азиат, лет двадцати восьми, высокий и в медицинской форме, которая так чарующе ему идет – он был из той самой врачебной породы людей, он надевал халатик белый, брючки синие, кофточку бирюзовую и выглядел в этом, аки бог. Мы с ногой выслеживаем его, улыбаемся ему, искренне и по возможности обворожительно – мы ведь имеем право, мы ведь ему благодарны – а он любит болтать с нами обычно. И если уж мы его зайка, то он уж точно наш мишка. Мы старались не думать, сколько конечностей он лапает за день и сколько у него заек лежит на других этажах, он-то был наш единственный.

– А этот доктор-то симпатичный, не как они бывают часто страшные... Этот – симпатичный, – говорит мне моя бабушка-соседка, когда я прихожу в палату для послеобеденного сна.

Да, она знает, как утешить. Интересно, они все здесь сговорились?... Я как-то слишком болезненно и многозначительно на нее посмотрела, забралась под одеяло, повернулась к стенке и попыталась подумать о нём,

чтобы приснился, но в голову лезли только жуткие картины секса в гнойной перевязочной, поэтому я поспешно отогнала их от себя и забылась.

Сегодня строгие медсёстры, а время близится к отбою, и потому все уже рассосались за уколами по палатам. Остались сидеть только мы – я и Контуженный, мужчина лет тридцати с перевязанной головой. Он был веселый и молодился, но когда к нему с одышкой и авоськами приходила его старая толстая жена, он делал вид, что вовсе нас не знает, виновато смотрел на нее и убегал за ней в свою палату.

Его общество тяготило меня, тем более сейчас, когда я нуждалась в одиночестве. Поэтому пришлось пойти на обман, изобразить сонливость и уйти типа спать. Контуженный как будто бы даже расстроился, но последовал моему примеру, чего мне и было нужно. Спать я не собиралась, а мое сердце стучало на весь этаж. Размахивая во все стороны гипсом, я поскакала в туалет, заглянула там в зеркало, вернулась в коридор, села и начала ёрзать, переставляя с места на место свою загипсованную ногу, которая вдруг стала мне мешаться.

Я просчиталась, он шел не мимо нас с ногой, а с другой стороны, и должен был, не доходя до нас, свернуть в лифтовую и уехать. Он был в штатском, без мишуры, но всё такой же прекрасный, как раньше. Я с неприкрытой, наивной и жалкой надеждой смотрела на него, когда он заметил меня, эффектно подмигнул мне, помахал рукой, крикнул «до встречи» и, отвернувшись, скрылся в дверном проеме.

Последняя ночь, тишина. Я сижу в туалете, задрав больную ногу на подоконник, топлю горе в мандаринах – чтобы домой не тащить. Я больше его никогда не увижу – никогда. Вакуум внутри от неповторимого ощущения, что я навсегда потеряла что-то очень важное, мне грустно и волнуяще. Чувствую себя живым человеком – вот как больница расшевелила меня, вот как удачно мы умеем поворачивать коленкой. Страшно представить, что будет завтра. А о том, что было завтра, вы узнаете... сейчас.

Утром мой другой, лечащий, врач дал выписку. Вот теперь всё, думаю.

Посмотрел он на меня и говорит такой:

– А ты чё реवेशь, жалко из больницы уезжать, что ли?

Я плаксиво и укоризненно уставилась на него. Спасибо, что напомнил, какая же это глупость. Нашу идиллию прервала маменька, приехавшая за мной.

– Что с врачом делать?

– Мама, он такой хороший, дай ему денег.

Я прошлась по всем палатам и, особо не вдаваясь в подробности, попрощалась и пожелала выздоровления – всё как у вас положено. Потом отчаянно отталкиваясь костылями от ступенек, сжав зубы и отмахиваясь от помощи, влезла в машину и по пути домой размазала много сентиментальных соплей по автомобильному стеклу, которые остались незамеченными лишь потому, что никто и не подозревал, что так бывает.

Вскоре чары развеялись, из маленького мирка я снова попала в большую, и мне стало стыдно за себя. До встречи, сказал мой мишка. Может,

встретимся, может, свидимся... Только вот мне, суке такой, этого не надо. Прости меня, мишка. Я даже бездумно и чисто влюбиться не могу, и если встречу тебя, то наверняка отвернусь. Лицемерная тварь, иди, погрязни вновь в своей никчемной рефлексии.

Не так я привыкла ходить по улице. Я люблю сделать морду тяпкой и выглядеть независимо и неприступно. Я представляю, будто всего вокруг на самом деле нет, и поэтому прохожие теряются и даже не предполагают мысли, чтобы меня возможно хоть как-то тронуть или задержать на мне взгляд. Так вот. Знаете, это дается нелегко, если сам до конца не уверен в том, чем закончится очередная попытка шагнуть. Абстрагировавшись от всего раньше, теперь мне надо было быть предельно внимательной, прислушиваться и к своей ноге, и к окружающему миру, и одновременно держать под контролем выражение своего лица, чтобы на нём ни на секунду не отразилась неуверенность, страх или боль. Казалось, все так и норовили воспользоваться моей теперешней слабостью. Пока я беспомощна, не могу убежать, не могу дать сдачи, они непременно задавят на машине или вручную повалят на асфальт и будут бить ногами по животу и больной конечности и смеяться. Ну или просто посмотрят и подумают «ой, а чё это у нее с ногой». Ах, как же остро я всё воспринимаю, причем это не смешно.

Нам никто не подает уроненных перчаток и никто не протягивает руку, если мы вдруг свалились на обледелой дорожке.

Нас не ненавидят. Просто не подают и не протягивают.

Поэтому нам лучше не ронять и не падать.

Полные семьи вызывали у меня всегда самый неподдельный интерес. А уж о тех, в которых несколько детей, и говорить не стоит – я на них заглядывалась, как на пришельцев. Однажды маменька поехала в одну такую, прихватив меня с собой. Семейная пара и два милых мальчика, но не просто, а с сюрпризом – церебральным параличом у обоих.

А я ведь вроде уже не совсем глупышка – мне лет двенадцать. Но внутри у меня что-то испуганно закрутилось и переплелось, нервно задергалось почему-то в щеках, а язык стал ватный, как их ноги.

Они ходить вполне умели, один получше, другой похуже, но часто падали, и к тому же казались глуповатыми. Взрослые делали вид, что не замечали этого, и пытались отправить меня в их комнату, а я вяло ковылялась в мороженом и мечтала о том, чтобы меня не стало.

– Стесняется, – снисходительно и просто объясняла мое поведение маменька.

Они ведь очень наивные, эти взрослые. Думали, что моя мама, прекрасная в своей тактичности и доброте женщина, не могла воспитать злую и нетерпимую дочь. И правильно думали, я была добрая и жалостливая, но притворяться и делать вид, что мне не страшно, меня не учили.

А потом эти взрослые включили какую-то попсу, и мама под одобрение окружающих заставила меня с одним из них, Получше, танцевать. Он улыбался, как глупый крокодил, а я смотрела куда угодно, только не на него, считала секунды и пыталась задержать свою руку у него на плече еще хоть на немного, прежде чем, изобразив нечто, что они истолкуют как смущение, отбежать и забиться в угол.

Увеселение меня – это странная мотивация, которой, однако, официально руководствовалась моя маменька, когда она пригласила в наш дом, милый дом, первых наших общих гостей. Раньше люди приходили к ней или ко мне, а эти были удостоены особого названия, и поэтому мне следовало настроиться. Мне было велено убрать волосы и в комнате, чем я была слегка шокирована и оттого беспрекословно подчинилась. Выглядеть я стала очаровательно – очень приличная юбка в клетку, а из-под неё ноги: на одной чулок, на второй – гипсозаменитель со страшным названием, которое я бы побоялась произносить в ночи, – «тутор».

Их оказалась двое: шумная женщина в красном пальто и обвешанная бесчисленными цацками, чей голос напомнил мне о наших встречах в детстве, и улыбчивый, сладенький мальчик, который из-за роста своего едва пролез в нашу дверь. Мне поплохело от осознания того, что затеяла моя мамочка, но я всё же настойчиво улыбалась и чувствовала себя дурочкой, у которой на голове сидит слизняк. Женщина с громким любопытством осмотрела меня и рассказала о том, как я, будучи полметра ростом, безутешно рыдала на ее груди, а теперь я совсем уже большая и невеста. Мальчик же вел себя, как полагается, не смел ступить вперед своей родительницы, радостно топтался в прихожей, обнимал огромный и безвкусный букет цветов и ждал удобного момента, чтобы подарить его моей маменьке.

Пока эти люди ходили по нашей хате и, в частности, осматривали мою комнату, я молила Господа убить меня немедленно и панически прочесывала взглядом углы – не валяется ли чего. А потом моя маменька стала делать то, чего никогда не делает со мной одной, – кормить настоящей домашней едой.

Нас с мальчиком посадили друг напротив друга, и теперь я смогла хорошо его разглядеть. Он был как домовёнок Кузя. Нет, выкиньте из головы тот образ очаровательного и грязного куска тряпки. Он был как домовёнок Кузя, которого вымыла злая девочка Наташа.

Нездорово здоровый, неприлично молодой, как вампир, напившийся крови. С сочным румянцем на щеках-булочках. От него тошнило. Меня, но не всех, конечно же.

Его привезли, чтобы я его любила, ну просто родила от него детей, но сделали всё, чтобы я его возненавидела.

Он был маменькиным сынком, причем в этот момент и моей маменьки тоже. Как только за столом разговор зашел про аспирантуру и серьезное, светлое будущее, в глазах и улыбке моей маменьки заблестело умиление.

Немного отвлеченных банальностей. Это довольно тяжелая ноша – когда все обожают вашу маму.

Все настолько хорошо относятся к моей, что даже представить себе не могут, что у нее может вырасти что-нибудь другое, типа меня, в чём крупно ошибаются.

Знаете... Конечно, я люблю свою маму. И каждый ребенок любит свою маму.

Но любовь эта пассивна, она просто есть, она фундамент, она вся расходным материалом уходит в объяснение того, почему мы вместе живем, почему мы волнуемся друг за друга, иногда вместе пьем чай и спрашиваем друг у друга, как дела... Ее, эту любовь, так редко можно почув-

ствовать. Даже на больших расстояниях это не любовь, а чистой воды привязанность.

Что же я тогда к ней чувствую, спросите вы.

Как ничто острую и жгучую ревность – вот что. Я чувствую ее изо всех сил, вернее, она сама чувствуется, вылезает, разворачивается где-то внутри воронкой и вбирает в себя все силы моего к маме отношения. Всегда находит кто-то или что-то, забирающее от мамы то, что так необходимо мне.

И в тот момент мне как никогда хотелось быть дрянью, плохим ребенком, мне хотелось надеть на себя салатницу и рассказать тупой матерный анекдот, заржать, харкнуть его мамаше в тарелку, но я лишь растеклась по стулу и, еле выглядывая из-под стола, демонстративно и остервенело пожирала веточки петрушки, запивая неприлично большим количеством шампанского.

За твое счастье в личной жизни, детка, – говорю сама себе.

До последнего ремонта у нас был волшебный, мистический линолеум – когда на него засматриваешься, особенно спросонья, он становится объемным и высоким, захочешь, по плечи, не захочешь – по колени, невесомый и приятный, в нём так приятно было тонуть по утрам.

Во время ремонта его, естественно, содрали, но привычка тупо пялиться в пол осталась; ее я сейчас и демонстрировала.

Тут я заметила, что все, улыбаясь, смотрят на меня.

Я поняла, что надо линять как можно скорее, а не то до меня снизойдут и спросят о чём-нибудь интересном. С трудом встав и гордо захромав, я укувыляла в свою комнату, уселась на пол играть в приставку, дабы отвлечь себя от дурных мыслей о происходящем.

Минут через двадцать это пришлое создание появилось на пороге моей комнаты и неожиданно хамовато спросило:

– И чего ты ушла?

– Если рядом нет кого-то, значит, где-то кто-то есть, – не отрываясь от собирания яблочек на экране, пропела я.

– Я-то думал, тебя надолго хватит. Ну, давай, детские фотографии, всё как обычно, тащи. – Он бесцеремонно оседлал диван, а я растерялась, проиграла последнюю жизнь и покорно поплелась за альбомом.

Он сказал, что тоже курит тайком от мамы, а я при ходьбе приятно гремлю пластмассками.

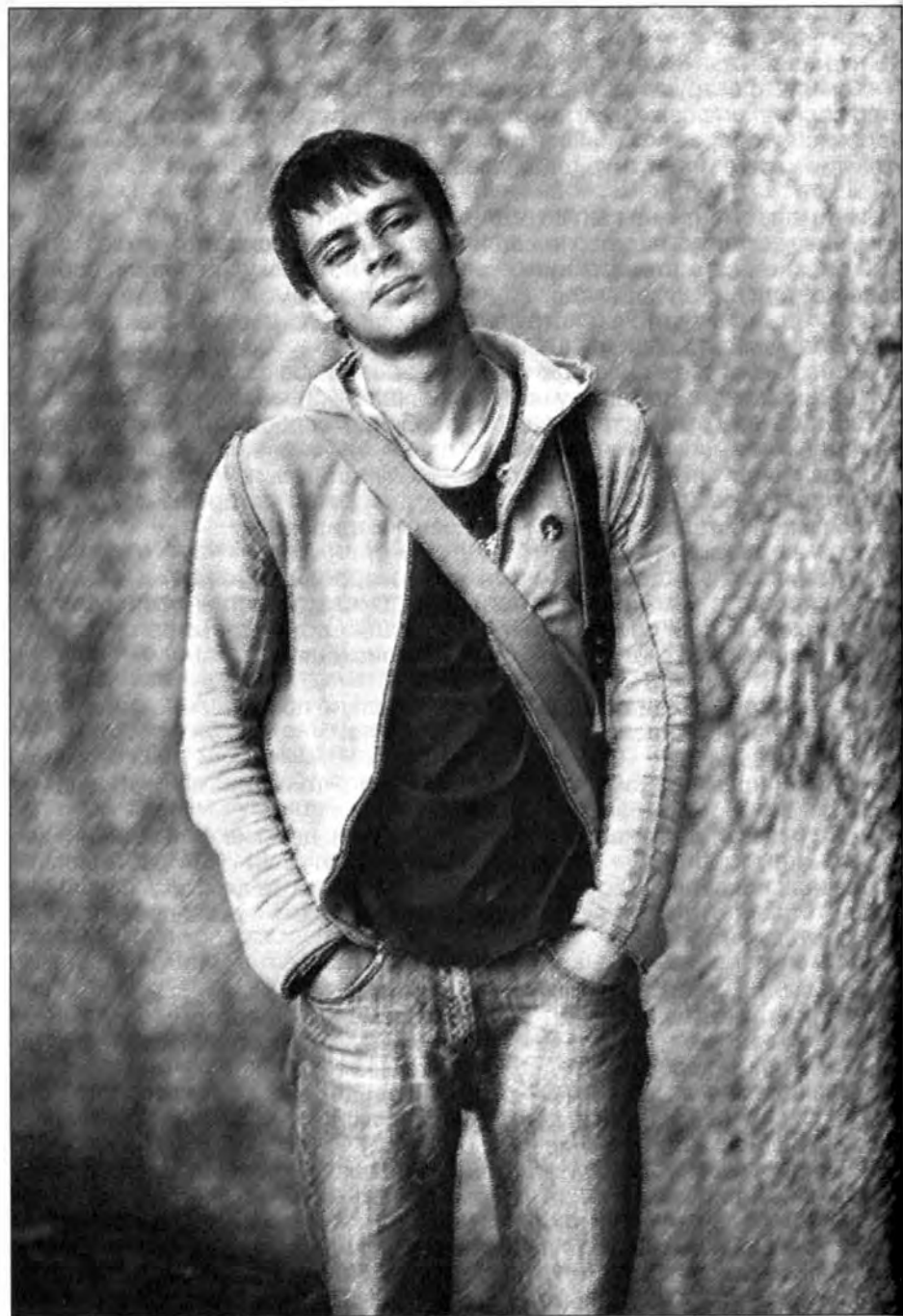
Есть люди, которых мы любим.

А есть такие, на которых мы соглашаемся. К некоторым людям нас толкает лишь усталость, из-за которой у нас нет сил сопротивляться. Одним не моим человеком больше – какая разница.

И начались у нас с ним Отношения. Везде, даже в плохих фильмах, должна быть более-менее оформленная любовная линия, а наши маменьки были просто счастливы.

Хотя он и был самым приемлемым человеком, которого мне подкидывала жизнь, вряд ли это такой уж комплимент ему.

Он был больше умный и болтливый, чем интересный, больше красивый, чем обаятельный, хотя в выражении его лица часто проступало нечто подкупающе нахальное; ему всё сходило с рук и во всём везло, и вообще он был плохим мальчиком, который мог притворяться хорошим, до-

юдя свою улыбочку до уровня проституции, он был идеальным продуктом этого мира, в то время как я была полной противоположностью. По законам природы он не должен был оказаться рядом со мной, но, видимо, они дали сбой, и так всё-таки получилось, и хотя мы с ним даже не разорвали друг друга, было совершенно очевидно, что всё это временно.

Очень сложно принять то, что ты не зацепил человека.

Пусть даже ты ему нравишься, но он не безумствует. Ты не безумствуешь еще больше, но это неважно, он этого не заслужил, но ты. Ты же такой особенный. Ты всегда думал, что тебя можно либо принимать и обожать, либо не принимать и не терпеть – и всё, нет больше вариантов. И вдруг вот так. Обидно за себя, ну неужели в тебе нет ничего ну Тако-го...

А тут еще приходит первобытный женский инстинкт, мерзкий атавизм, который, как я думала, мне не грозит.

Но комки слов застряли когда-то давно в глотке, они требуют выхода, они мешают дышать.

Мне надо хоть кому-то сказать:

«Я тебя люблю».

Губы так и просят, они так и ждут, и я готова, но где же ты, где...

А мы с тобой всё лежим, курим, и в тишине даже слышно, как мы моргаем. Наверное, все вокруг умерли. Я говорю:

– Знаешь, а это ведь странно, что так совпало...

Мы немного молчим, я закрываю один глаз, вытягиваю руку и словно обхватываю двумя пальцами луну.

– Совпало, что солнце и луна с земли кажутся одинаковыми. Мне это так нравится... ведь вероятность этого мала... Как будто наша планета избранная, как будто для нее продумывали дизайн.

Я слышу, как ты улыбаешься, и вижу, как ты тоже поднимаешь руку, смыкая большой палец и собранные вместе остальные, съедаешь мою луну и пальцы.

– Мы неуловимые, и никто нас не почувствует, и друг друга мы не чувствуем, на нас стоит защитный код.

– Может быть, рожденные летать ходить не могут, а? Самонадеянно, конечно... Понимаешь, у меня как будто нет ножек, и нет мультиков... А мне говорят – иди. И я себе говорю – иди, мать твою...

С тех пор моя жизнь приобрела некую осмысленность, ибо мой новоиспеченный бойфренд занимал меня, а гипсозаменитель, мой пояс верности, был благополучно снят, и всё свое свободное время я восстанавливала свою огрубевшую от йода и заточения, иссиня-коричневую коленку, которой, как поначалу казалось, никогда больше не суждено было сгибаться. Учиться ходить было интересно, у меня вдруг появилась явная цель, к которой я всеми силами стремилась. И всё бы хорошо, если бы не случались весенние обострения, когда я по нескольку дней не выходила из комнаты и не отвечала на звонки; когда я вдруг начинала особенно остро чувствовать все эти дурные вибрации и движения в воздухе, ощущала себя частицей чего-то огромного, у меня появлялось глобальное восприятие мира и людей во времени и пространстве, стремящихся к концу, через мою голову шли невыразимые потоки какой-то информации

о прошлом и будущем, которую я была не в силах расшифровать, и это всё нещадно сгибало и калечило меня...

Я не пойду замаливать душу. А когда придёт Антихрист, он не пожалеет никого... Откровения Иоанна, конец света, число дьявола в паспортах, штрих-код у каждого под кожей – во всё эти рассказы маменькиной подружки-фанатички я свято верю. Как же в них не верить, если в воздухе лежат тяжелые предчувствия, и мне кажется, будто мы перешагиваем те грани, которые перешагивать нельзя, и вызываем Его, и близим свой конец.

Вам кажется это бредом, но я это чувствую. Ветер перемен сейчас легонько колышет наши волосы, а потом будет вырывать с корнями деревья.

Он словно не замечал моего уродства. Это было, с одной стороны, очень удобно, с другой же – обидно и непонятно.

Однажды я так и спросила:

– А ты во мне не видишь ничего... патологического?

– Ты о том, что ты девочка – не пришей к п...е рукав? Как не знать, у тебя это на лбу написано.

– А почему ты тогда со мной, как с... пряничным человечком?

– Чтобы ты мне в уши ссала беспрерывно о том, как тебе хреново, и закатывала истерики, потому что я тебя не понимаю? Мы разные люди, запомни, и ничего такого не будет. – И вдруг нежно так: – Понимаешь, детка?

– Понимаю, – покорно отвечаю я.

– Ну вот и замечательно. Можешь кинуть меня в любой момент, если хочешь, а меня пока всё устраивает.

Надо же, я и не догадывалась, что он мудрейший человек. Ничем не дорожить, брать только с поверхности и плевать на всё остальное – все средства хороши для того, чтобы только было удобно и ничего не напрягало.

«Когда я вырасту, я выйду замуж только по любви», – как многого ты ещё не знаешь, девочка...

Для меня самые прекрасные моменты тесно связаны с чем-то вселенски мерзким, каким-то трагически грустным, тупым и безысходным.

Иногда – такое бывало – мне с ним было хорошо и легко.

А потом вдруг в сознании возникают всего два слова, но какие точные не хочу.

Это резкий перепад давления, это мертвая петля на американской горке, которая на самом деле русская. И сразу с реальностью происходят удивительные метаморфозы – пространство изменяется, становится уродливым, пустым и пошлым.

Вас когда-нибудь бросали? Выкидывали из своей жизни, как фантик, как шкурку? Предавали?

Меня – нет. Но иногда мне хочется, чтобы так случилось, хочется рыдать, кидать одни вещи в другие, чтобы почувствовать настоящую боль, унижение, обиду.

Я смотрела на него и думала: «Пожалуйста, сделай для меня хоть что-нибудь хорошее. Пожалуйста, пошли меня на хрен».

Пожалуйста, сделай мне больно – может, тогда наконец внутри что-то взорвется и высвободится.

Пожалуйста, дай мне повзрослеть.

Несмотря на то, что ходить я научилась быстро, я не могла себе позволить прийти в универ – мне было проще не верить в его существование. А второй семестр тем временем уже вовсю подходил к концу, когда я таки вспомнила о нём и решила проведать мутные коридоры института.

Кто-то проямлит «у меня депрессия», у кого-то болит голова и об этом должен узнать каждый, кто-то судорожно готовится к семинару, кто-то многозначительно смотрит в пустоту перед собой, кто-то всё ещё пытается Сидеть, а кто-то уже нет; я сижу и подделываю медицинскую справку. Вернее, она у меня уже лежит, вся из себя кем-то заботливо подделанная, а я всего лишь должна придумать ей номер.

127? Да, пожалуй.

Хорошее число, хотя в нём и нет ничего хорошего.

Я понятия не имею, что значит этот номер, и мне не важно, бывает ли он трехзначный и не надо ли к ним приписать какой-нибудь буквы. Я лзартно улыбаюсь и ставлю 127. Мне плевать на исход дела, но возможно, когда-нибудь мне воздвигнут памятник как основателю борьбы с системой.

Решаю, что если спросят, что со мной было, скажу, что я валялась в коме после неудачной попытки ссуидидничать. Трубочки и игрушка рядом с подушкой. Красота... Привет, я была растением, видела свет в темноте, слышала голоса, а люди приходили, сжимали мои безжизненные ладошки, смотрели на мою умиротворенную физиономию, мечтая за билетик-посещение выиграть лотерею-пробуждение при них...

Если бы, если бы.

Рядом со мной плюхается чудовище. Оно выглядит, как Годзилла, и я его боюсь. Оно знакоилось со мной раз десять и каждый раз стискивало мое хрупкое тельце своими лапами и ломало мой хребет – как и все подобные существа, ни такта, ни комплексов оно не имело. Если хоть на секунду в полной мере осознать, что оно – молодая девушка, становилось жутковато. Булочка сливалась с ее огромными руками, и она любила меня большой, как она сама, любовью, единственная не замечала, как меня воротит от всего здесь.

Раньше, в нашем сопливо-детском прошлом, у нас не было сомнений в том, что мы находимся на своем месте – а где же нам еще находиться? Пустоты какие.

Есть игра такая, помните: бегают дети вокруг стульев, и соотношение таково, что детей на одного больше, чем стульев. И я бегала-бегала, а потом прозвучал свисток, а я засмотрелась, забегалась – и вот уже все сидят, кроме меня. Я выбываю.

Такая жестокая игра, если это не игра.

И вот нам не нашлось места, и ходим мы по чужим, и знаем, что они чужие, но, понимая резонность своего упрека, ведем себя с дерзостью, вымещая свою обиду на тех, кто, вцепившись пальцами, сидит на своем нагретом стуле; и мы размышляем о той справедливости, которую доверчиво принимали за принцип всего происходящего.

Может быть, вся ваша вежливость – это лишь дешевое оправдание вашего безразличия, от которого вам проще и никому не лучше?

Хоть один раз окажитесь последним нахалом и слазайте не в свое дело. Просто попробуйте, не нужен мне ваш стул.

Пожалуйста.

Для нашей природы неприемлемо ничего, что просто так; обязательно чтобы что-то было очень нужно и желанно, и чтобы пробирала дрожь. Перед любым действием мы спрашиваем себя: а хотим ли мы этого по-настоящему? Ответы стабильно отрицательные, и всё, что мы делаем, теряет смысл, и мы устаем от этой тупости и неважности.

Мы бы хотели быть проще. Хотели бы слипнуться в комок однородной массы, в одного равномерного пряничного человечка.

Но мы не можем, сами понимаете.

Нас не трепала жизнь. У нас никогда нет какой-нибудь страшной болезни, которая медленно, но верно убивает нас и которая заставляет встряхнуться и всё переосмыслить. Если бы у меня была плохая семья, я бы ушла из дома. Но у меня нормальная семья. Если бы у меня была плохая жизнь, я бы покончила с собой. Но у меня нормальная жизнь.

И никто из нас не верит в другой исход, кроме хэппи-энда.

Всё, что нам действительно нужно, – переломиться, вывернуться наизнанку, дойти наконец до точки.

Сжигаю мосты, убиваю их всех и избавляюсь от трупов, без страха, без сожаления, режу и себя по живому.

Уставшая, я что-то заканчиваю и ничего не начинаю сначала.

Сейчас мне уже всё равно, изменится ли что-нибудь к лучшему. Всё кончено. Я лишила себя всего, что у меня было, – внешней, фиктивной занятости – бросила этот чёртов рассадник знаний, будь он неладен.

Непонятные мне слёзы одноклассников, к которым я напоследок забегала. Очередная кучка людей, которая бесследно канула в прошлое.

Господи, ну где же то место, где нам хорошо... Мы словно созданы для чего-то, чего еще нет.

Что тебе от меня надо?! – ненавиждая ору я себе.

Он приехал и вовремя, и не вовремя – это с какой стороны посмотреть.

Он был, как всегда, в хорошем настроении и радостно плюнул:

– А я курить бросил, круто?

Как ногтём по главному яблоку воспаленного глаза.

– Да ты просто... курица! – взвизгиваю я, а он вздрагивает и смотрит на меня так, словно я истекаю кровью. Мне становится трудно дышать. И только когда чувствую вкус крови на губах, я понимаю, что благодаря очередному лопнувшему капилляру в носу я и правда истекаю кровью. Наверное, это единственное плохое, что со мной может случиться.

До ванной я донесла не всё, а лишь часть крови в ладонях. Я нехотя обнимаю зубами белую керамику раковины, моя приятная и теплая кровь беззвучно стекает по губам и течет вниз в сливное отверстие. Мои окровавленные руки с расставленными пальцами прямо передо мной и рядом с краном. Судорожно и ритмично я всхлипываю и издаю совсем уж

стрёмные хрипящие звуки, я хочу как можно скорее прекратить весь этот никому не нужный цирк, но не могу, и потому решаю, что у меня и в самом деле истерика.

– Успокойся! – Идиот.

– Ик...

– Успокойся, я тебя прошу! – Истеричный идиот.

– Хлюп...

– Умойся! Умойся! Умойся ты!

Я пытаюсь преодолеть руками эти заветные пару сантиметров и повернуть краник холодной воды, но как-то странно и заторможено не получается. Всё, что я вижу, – красное, красное, красное... Ай-ай, кажется, тополь упал на мою крышу. Я невнятно мычу, чтобы этому барану наконец пришло в голову подать мне воду.

Он врубается, включает воду, смачивает конец полотенца холодной водой и, не отжимая, затыкает ей мне всё лицо, чтобы уж наверняка. Наконец, мое раздражение перебарывает всё, я затихаю, отдергиваю его руку, запрокидываю голову назад и, скривив губы, неприязненно смотрю на него и хочу, чтобы он перестал существовать в принципе. Он испуганно и брезгливо полощет свой окровавленный мной локоть, а я глотаю кровь и думаю о том, какой забавной иногда бываю.

Он, осторожно взяв меня за плечо, всё-таки отвел в постель, даже провел мокрой ладонью по лбу и дождался, пока я усну. Ничего больше не будет, как раньше. Лиф-паф, мальчик.

Как я дошла до такой жизни, что даже моя собственная мама недвусмысленно намекает на то, что мне надо гореть в аду? Причем так спокойно, словно это нечто само собой разумеющееся и всем давно известный и признанный факт. Внутри что-то важное немедленно отмирает, но выяснять отношения бесполезно, страшно и поздно.

Что же я сделала такого, чтобы родная мама отводила от меня взгляд? Мамочка, я же приходила среди ночи на цыпочках к тебе в комнату и прислушивалась к твоему дыханию, потому что так боялась...

Ну вот и всё, впереди теперь совсем ничего нет.

Ночь, а я не сплю. На улице хорошо, свежо, безлюдно. Я устремляюсь на детскую площадку, чтобы подтянуться руками за желтые поручни, сесть на доску и притаиться. Через минуту я уже прислоняю голову к крашеному металлу – через капюшон совсем не холодно.

Я прикрываю глаза, судорожно обнимаю себя за плечи, вдыхаю дивный ночной воздух, вожу ногой по песку, слегка раскачиваясь в такт какой-то мелодии в голове, успокаиваю себя, убаюкиваю... В глазах противное жжение от редких наболевших слёз.

Рядом еще одни качели. Теперь не пустые. Мальчик, лет восьми, в школьной форме, он снял с плеч и бросил на землю свой огромный рюкзак, уселся рядом, достал пачку «Мальборо», протянул мне сигарету и сказал:

– Меня Лёшей зовут. Я из дома ушел. А ты чего здесь сидишь?

– Да так, погулять вышла.

– Погуляяать...

Он рассказал мне про отца, про маму, про Витьку. Он рассказал мне много детских баек, в которые я безоговорочно верила. Показывал на

чий-то окна, просил меня куда-то звонить и кого-то просить к телефону. Сказал, что валентинки никому не слал, потому что все бабы – тупые. Понтовался, как мог, ругался матом и курил. Ребенок... оторванный со всем.

Сказал, что он самый маленький в классе. Я же тоже была...

Он учится в пятом классе моей школы, в третьей за свою жизнь. Слово это был мой долг, я заставила себя вяло рассказать ему, что собой представляют учителя, директор и что скоро они будут дежурить в столовой. Он слушал меня, хотя это его совсем не интересовало.

Я раздражалась от каждого своего слова, потому что не могла найти ту самую необходимую грань между сюсюканьем и общением со... взрослыми?

Меня охватил панический страх показаться ему тупой бабой.

Он собирался сидеть до восьми на качелях, а потом подловить своих корешей и чего-то там сделать...

Устала, замерзла. Потянуло домой.

Я сказала:

– Ну, я пошла? Приятно было пообщаться. Удачи.

И ушла, не оглядываясь, в тепло, к маме без отчима, и легла в постель, и укрылась одеялом. Нам никогда не по пути.

Мы с тобой лежим, наши глаза закрыты; и я только теперь чувствую, что земля холодная.

– Почему земля стала холодной? – я спрашиваю.

Тишина.

– Ты слышишь? Почему она холодная? – Раздражение и слёзы в моём голосе.

Тишина.

Я открываю глаза и поворачиваюсь к тебе, но тебя больше нет.

Куда же ты ушел, глупый, тебе же некуда идти...

Что-то происходит, слышите? Что-то новое, страшное, со всех сторон. Бойтесь, трепещите.

Мир дойдет до точки.

Всё взорвется по цепной реакции и сметет все устои и приоритеты, и на все вопросы будут уже совсем иные варианты ответов. Это шанс на наше спасение, когда всё перевернется, встряхнется, перестанет быть таким тупым, мелочным, нормальным и подавляющим нас, это затроне каждого, вырвет с корнями, и ни у кого не останется насиженного места надежд на дурацкое будущее и убогих представлений об идеале. Теперь вы все будете плавать в реальности, и теряться, и задыхаться, и молить, одни мы будем всё понимать в этом мире, ставшим таким, каким он должен быть, миром чистых и открытых детей, без ущербности и несовершенства, справедливым, чутким, хорошим, нашим...

Я шла по пустой и гулкой платформе метрополитена. Поезд всё не шел.

Я остановилась, посмотрела вниз и увидела две гвоздики на рельсах. И подумала: «Вот оно, наше место, вот оно».

ПРОБА ПЕРА

Надежда КЛЕМЕНТЬЕВА
г. Астрахань

СТРАННЫЕ СНЫ

* * *

Мне бы ветра –
Волосы развить...
Мне бы снега –
Охладить беду...
Мне б дождя –
Позор чтоб смыть...
Мне бы солнца –
Высушить слезу...
Мне бы сил чтоб снова встать,
Снова встать,
Пойти
И не упасть.
Мне бы слепости – мольбу из глаз стереть,
Чтобы не увидеть
Как в его руках
Играет плеть.
Мне бы храбрости – слова в лицо швырнуть:
«О тебе давно забыла.
Ты забудь!»
Мне бы гордости чтоб развернуться и уйти.
Чтоб потом себя
Винить
Винить
Но не прийти!

СНЫ

Иногда по ночам
Снятся странные сны.
Снятся нам, будто мы –
Птицы вольной земли
И летим высоко мы куда захотим
И над тесной землей
Мы свободой легки.
Но проснувшись и сев
Мы себе говорим:
«Это только лишь сон
Лишь во сне мы парим».
Целый день ходим мы
Все в объятиях сна
И с тоской целый день
Смотрим мы в облака.

МУЗЫКА

Рука плывет. Слегка поднимется
И снова упадет. Движения легки
И плавны. Душа поет.
И звуки выплывают все чисты
Мелодия благоухает.
Она как тонкий шелк
Лишь небом понимаема
И ветерком ее несет.
То нежность бархата то грома
Звук прорвется. То ручейком
Прозрачным льется. То вдруг нагрянет
Штормом в десять баллов.
А руки всё плывут. И звуки всё идут и в теплую
Мелодию рождаются.
Последний стон последний звук
И долго будет он еще звучать
Пока на небе звезды не зажгут
И руки снова не начнут играть.

ПЕРВЫЙ РАЗ

Прикосновенье нежное руки
Дыханье легкое на шее
И чувство в глубине души
И сердце потихоньку млеет.
Касанье губ и страсти власть
Объятья жаркие – тела всё ближе, ближе
И руки крепкие, что обещали сласть,
Спускаются всё ниже, ниже...
В тот первый раз я не смогла ответить «нет».
Сейчас об этом я нисколько не жалею.
Быть может будут у меня прекрасны ночи,
Но лучше ночи той на свете нет.

МОЕ СЧАСТЬЕ

Быть может сон
Быть может явь...
А может стоит промолчать
Так никому и не сказать
Что я счастливей всех?
Глаза закрыть и замолчать
Чтоб мой никто не слышал смех?
И плакать на виду у всех
Чтоб быть вдали веселой?
И делать вид, что у меня
Всегда в пути ненастье?
Ходить всегда серьезной, строгой,
Чтоб не видали мое счастье?

Чтоб люди верили что я – одна
Чтобы не сглазили меня.
Чтоб я жила на свете зная
Что нет счастливее меня.

СТРАННО

Как же это всё странно...
Эта вся наша жизнь
Странно день пропуская
Сигареты курить.
Странно жизнь начиная
Ползать в мокрых штанах.
А потом вспоминая
Забывать первый шаг.
Странно пальцами двигать
Есть и пить каждый день.
Странно чувствовать, слышать
И глазами смотреть.
Странно думать о чём-то
И мечтать обо всём.
Ночью спать очень странно
Просыпаясь потом.
И на жизнь как игрушку
Очень странно смотреть.
Думать: «Как же всё странно!»
И от мыслей сесть...

УСТАЛОСТЬ

Я устала стоять	Начинается здесь
Я устала сидеть.	И идет в небосводы.
Я устала на мир	Я устала, что в мыслях
Через веру смотреть.	Постоянно стихи.
Я устала одной быть	Их пишу не читая
В чужом зимнем мире.	Слишком строки горьки.
Я устала не жить	Я устала от солнца
А висеть в паутине.	От снега дождя.
Я устала смеяться	Я устала от мысли
Я устала шутить.	Что стареет Земля.
Улыбаться устала	Я устала от жизни –
Когда хочется выть.	Впрочем как и всегда.
Я устала быть той	Я устала что я
Что как будто бы провод	Не умру никогда.

ПРО ЛЮБОВЬ

Я корю себя что сразу
Не узнала эту тоску
Что стоит на краю листопада.
Не узнала эту беду

Что прячется в ящик забытого шкафа.
Опять я попала в ловушку
Опять неудача.
И уже не смеюсь я как раньше
Но пока что не плачу.
А эти стихи для души
Уже не подмога.
Скорее всего, что к обрыву
Петляет эта дорога.
Ну и что из того, что кто-то
Назвал ее «радость»?
А для меня любовь всегда в тягость.

* * *

Чего хочу – не прошу.
Ты знаешь чего я хочу –
Не прошу. Мало слов
Чтоб сказать. Потому и грущу:
Даже сотни умов,
Кто освоил луну не поймут:
Мало сил чтоб понять.
Мало лет мы прожили
На этой земле. Только я
Помню прошлую жизнь.
Потому то чего я хочу –
Не прошу. Не поймут
Эти люди простую мечту –
Быть свободной.
И в радости...
И в горе...
Но только наяву!

НЕПОНИМАНИЕ

Я не твоя и ты не мой.
Едва дыша глаза закрой.
Войди в окно:
Там свет и тень.
Быть может будет новым день
Я притаюсь пушу лучи.
И ты от них луну зажги.
Про тех, кто есть не говори.
Там на земле они в тени.
Я буду яркой – ты слепым
Я буду громкой – ты глухим.
Захочешь спеть а я уйду.
Поговорить – я промолчу
И никогда мы не поймем
Что я – твоя, а ты лишь мой...

ОШИБКА — НЕ УЛЫБКА

СЧАСТЬЕ, ГДЕ ТЫ?

Письмо нашей читательницы, которое мы публикуем ниже, по существу, мало чем отличается от писем ее сверстниц, которые мы получаем и публикуем в журнале. Те же проблемы, что и у всех: одиночество, усугубляемое тем, что никто, в том числе и родители, тебя не понимает, мысли о том, что любви не бывает, как найти себя в этом мире, и, конечно, о самом заветном, о чём мечтают все, постоянно задаваясь вопросом, который задает себе и автор письма, —

Некоторые молодые люди жалуются на то, что они одиноки, что у них нет друзей, что их никто не понимает, что никак не могут определиться в жизни. У меня всё наоборот. Мне иногда кажется, что меня любит весь свет земной. Но в глубине души я почему-то очень одинока. Иногда думаешь: «Господи, неужели на земле нет человека, который смог бы меня понять?» С родителями у меня беда, пожалуй, мы никогда друг

друга не поймем. В свои семнадцать лет я никогда никого не любила. И вообще склонна думать, что любви не бывает, а если и бывает, то по-настоящему любить могут только избранные.

Что в еще могу сказать о себе? Я из таких людей, про которых говорят: «Умница, активистка, спортсменка и просто красавица!» Так ли это на самом деле?

Ну да – отличница! Постоянно участвую в различных олимпиадах и конкурсах. Но чтобы это осуществилось, мне пришлось проделать трудный путь. Ведь в детстве я особыми талантами не отличалась, была очень скромным и замкнутым в себе человеком, может, поэтому в начальных классах училась плохо. Но в один прекрасный день поняла, что нужно учиться. Поставила себе цель – и к девятому классу стала отличницей. Я даже не заметила, как это произошло. Просто от одноклассников я всё чаще стала слышать: «Аля, дай списать! Очень нужно!» Учителя стали как-то внимательнее на меня поглядывать. В общем, пришло уважение и даже слава. Ну и что? Но ведь это не главное! Вот мои одноклассники Миша и Наташка... Они действительно умные с рождения. Я считаю, что природа одарила их высшей наградой. Для этого у них есть все данные. И знают они ту же математику и историю не хуже меня!

Ну, может, тогда – спортсменка? Это вряд ли. Люблю заниматься йогой, плаванием, хочу научиться кататься на роликах, также люблю уроки ОБЖ (особенно занятия по военной подготовке). Всё это мои увлечения, не более. Серьезно я спортом никогда не занималась. Если честно – некогда, потому что всё свободное время проходило за чтением умных книжек.

Красавица, говорите? Да! Люблю только себя, поэтому считаю, что я вполне симпатична, интересна, как говорится, «девочка с изюминкой». Не скрою, что часто замечаю на улице взгляды прохожих, часто слышу похвальные вдохи людей, которые обычно обращаются к моим родителям: «Какая у вас красивая дочка! И на кого она, интересно, похожа?» Хотя, как вы понимаете, это всё относительно.

И вот, знаете, в последнее время я увлеклась знакомствами по Интернету. Мне это дело очень нравится. Посудите сами – нет никакой ответственности. Поиграешь в дружбу, затем всё это со временем надоедает – и можно искать нового собеседника. И всё закрутится по-новому. Опять вздох, опять эти безумные признания в любви. Меня даже идеальным человеком называют (хотя по сути идеальных людей не бывает). Что потом? А дальше предложения встретиться в каком-либо кафе. Но мне и это не нужно, поэтому всем говорю определенное «нет». Хотя я сейчас слушаю, ведь мне хочется с кем-нибудь встретиться и пообщаться «вживую», но боюсь. Боюсь, что разочаруюсь в себе и в этом человеке. Уж слишком много раз меня предавали люди. Удивительно, как быстро ко мне привязываются абсолютно чужие люди! А как вы думаете? Хорош ли собой такой способ общения? Но лично для меня – это оптимальный вариант, мне так проще. Только каждый раз эти знакомства заканчиваются ничем. В итоге потрачено впустую время и деньги.

Что мне делать с собою? Как найти себя в этом мире? Прошу, помогите мне, напишите что-нибудь! Эти мысли меня мучают днем и ночью, от них нет покоя. А ведь скоро мне поступать! Хочу быть юристом и решать чужие

проблемы. Нужно всерьез заняться учебой (что-то в последнее время совсем расслабилась). В общем, получится как всегда: не останется времени для себя. Ведь эта проблема будет долгое время меня мучить! Знаете, А. П. Чехов сказал: «Жизнь, в сущности, очень проста, и человек делает много усилий, чтобы ее испортить». Наверно, это про меня. Может, не стоит так драматизировать? Может, всё просто замечательно? Может, я не вижу того, что счастье где-то рядом?

Аля
Республика Башкортостан

Конечно, очень непросто приходится тому, кого никто не понимает. Но вообще-то, как правило, обычно не понимают в двух случаях. Либо когда понимать нечего, поскольку никакой загадки и тайны в человеке нет. Либо когда человек не стремится к тому, чтобы его поняли, сам не ищет путей к пониманию, а как бы ожидает, чтобы другие захотели и сумели его понять. Получается вроде того: вы вот постарайтесь сделать это, а я посмотрю, что у вас получится. Если не сумеете – ваша вина, не моя, поскольку я-то умница и красавица. Я сама в этом уверена, как и в том, что все остальные со мной согласны. Недавно же «меня любит весь свет земной».

Как ни парадоксально, большинство подростков считает, что их никто не понимает. Вот и Аля туда же. На самом деле это совсем не так. Да, у них бывают разногласия и с родителями, и со сверстниками, обиды и на них, и на учителей, даже на тех, в кого они влюблены. Их точка зрения по какому-то вопросу может не совпадать с общепринятой, с мнением всех остальных. Вот эти и

подобные им прецеденты складываются у них в обобщенное понятие – «меня никто не понимает».

Мы много раз обращались с просьбой к нашим читателям, и прежде всего к авторам писем, которые сетуют на то, что их никто (можно подумать – весь мир) не понимает: рассказать конкретно, кто их не понимает и в чём это выражается. Тогда можно было бы вести предметный разговор. Ведь в этом случае слишком уж обобщенное «все не понимают» предстанет в конкретных проявлениях отношений между вами и вполне определенными людьми. А отношения – и надеемся, это понятно каждому, – зависят не только от одного человека. Проще говоря, не только от того, с кем вы общаетесь, но и от вас. Словом, если вы хотите, чтобы вас понимали, постарайтесь быть понятыми.

На самом деле так по жизни и происходит. Положим, не поняли девушки друг друга, поссорились, однако через какое-то время могут и помириться, то есть понять друг друга. Это естественно, нормально. Ведь если бы все друг друга не понимали, общество не могло бы существовать. Молодежные компании, тусовки, называйте это как вам нравится, могут существовать и существуют в действительности потому, что там есть взаимопонимание. Непонятый или не понимающий других там не приживется. Так что, во всяком случае, здесь уже не может идти речь обо всех. Хотя, конечно, кто-то кого-то может не понимать всю жизнь. Однако это всё же – исключение из правил.

Алю, как она утверждает, тоже никто не понимает. Ее, кстати, на самом деле почти невозможно понять. Например, начинает она письмо словами: «Некоторые молодые люди жалуются на то, что

они одиноки, что у них нет друзей, что их никто не понимает, что никак не могут определиться в жизни". А затем утверждает, что у нее-то всё наоборот. Сразу же следом опять начинается старая песня о главном: и одинока она, и нет человека, который бы мог ее понять, вообще и любви нет. Право же, не знаешь, чему верить: или тому, что нее всё наоборот, или она сама не разобралась пока, как у нее на самом деле. Получается какая-то неразбериха в мыслях, которая, следовательно, имеет место и в самом письме. Вот и с местом в жизни вышло то же самое: некоторые молодые люди никак не могут определиться в жизни, а у нее же и тут всё наоборот. Однако в конце письма вдруг неожиданно выясняется — не наоборот, а шиворот-навыворот. Оказывается, Аля в свои семнадцать лет так и не решила, что делать с собою и как найти себя в этом мире. Тут и вправду стоит с ней согласиться, что ей трудно найти человека, который бы смог ее понять. Поскольку неясно, что же следует понимать — наоборот у нее или всё-таки нет.

Интересно отметить — может быть, конкретно к Але это и не относится, — что среди «непонятых» очень много музыкальных фанатов и особенно фанаток: «Меня все ненавидят, потому что я люблю группу Н. (группы могут быть названы самые разные), а меня никто не понимает». Любому здравомыслящему человеку ясно, что любить ту или иную группу — дело вкуса. И не более того. Но, наверное, «быть непонятым» в понимании фанатов будет выглядеть более значимым — ах, какой я исключительный, непостижимо для других самобытный и оригинальный. Не правда ли — это звучит? А если всё свести к вкусовщине, тогда получится, что такие

«меломаны» — обычный примитивный «пиппл», который, как сказано однажды один из солистов популярной некогда группы «Кар-Мен», всё «схавает». С той лишь разницей, что свою, так сказать, любимую группу «схавает» с большим удовольствием.

Насчет ненависти тоже всё как-то грустно, нарочито и зашкаливает в понимании эмоционального всплеска. Ну, не любишь ты какую-то группу — это опять же дело вкуса и твое личное дело, которое, по существу, никого не касается и мало волнует. Вон певица с мировым именем Галина Вишневская считает, что вся эта роко-попия — вообще не музыка. Однако же никому не придет в голову ее за это ненавидеть: можно просто соглашаться или нет. Не любит, например, певец Андрей Губин Достоевского и считает, что он устарел. Даже если с ним согласиться, что в принципе невозможно, то всё-таки великому писателю для этого понадобилось двести лет, а про Губина забыли уже при его жизни. Только кто же решится ненавидеть Фёдора Михайловича за то, что он не пришелся кому-то по вкусу? Или поминать нехорошим словом Андрея Губина за то, что он высказал откровенную чушь? Ну сказал — так это свидетельствует только о его низком интеллектуальном развитии. Вот, мол, какая глупая нация японцы: в их стране Достоевский — самый издаваемый писатель. Впрочем, от деятелей шоу-бизнеса мы и не такие нетленные мысли слышали. Словом, все эти игры в «непонятки» говорят всего лишь о том, что у каждого человека свои вкус и мозги (что вполне естественно), свое восприятие происходящего. Только и всего. Но как хочется выглядеть единственным и неповторимым, и если нет никаких других достоинств, то

самое простое и доступное — заявить, что тебя не понимают.

В том, что Аля увлеклась Интернетом, нет ничего удивительного. Сегодня Интернет стал просто молодежным божеством. Кто-то предан играм, кому-то больше по душе ЖЖ, различные форумы... В общем, у каждого свое. Честно говоря, у Али самое бесполезное времяпрепровождение — виртуальные знакомства. Что плодотворного внесли они в ее жизнь, чем обогатили ее познание, мироощущение? Да ничем. Она и сама это понимает: «Впустую потраченное время и деньги». Жаль только, что выводов правильных сделать она пока не смогла. Аля удивляется, почему люди много раз предавали ее. Наверное, потому, что в ее возрасте подобное поведение свойственно многим подросткам. Она-то поступает точно так же, как и те, на кого она обижается. Поиграет в виртуальную дружбу, а как надоест, ищет новую «жертву». Конечно, для себя подобный вариант она считает оптимальным, потому что в данном случае это исключает какую-либо ее ответственность.

Безусловно, в анонимных знакомствах вроде Интернета есть очень привлекательные моменты. Хотя бы то, что можно, рассказывая о себе, наговорить чего угодно, дабе представить себя в наиболее выгодном свете. Вживую общаться куда как сложнее. Тем более что и ваш собеседник наверняка не постеснялся преувеличить свои достоинства. И, наконец, правильно Аля делает, что не встречается со своими виртуальными друзьями. Скорее всего, встреча с «интернетовским» знакомым вас разочарует. Вам обещали золотые горы, во всяком случае, встречу с супер-

меном, а перед вами предстанет обычный, скажем так, самый нормальный парень или просто симпатичная девушка... В общем, такие, какие мы все на самом деле и есть. Вот так: нарисованный вашим собеседником и дополненный вашей фантазией образ вряд ли совпадет с тем, о чём вы себе нафантазировали. В результате знакомство заканчивается ничем. Если не считать впустую потраченное время и деньги. Что, собственно, Аля, с тобой и случилось.

Хорош или нет подобный способ общения и знакомств? Это кому как повезет. Поскольку для Али он просто игра — ну и пусть играет, если ей это нравится и больше заняться нечем (хотя как-то странно получается: девушка пишет, что у нее нет свободного времени, мол, всё уходит на чтение «умных книжек», а вот на болтовню в чатах — пожалуйста...). Но нередко бывает так, что эта игра, как говорится, не доводит до добра. Потому что это занятие — не для всех игра и развлечение. Не случайно Интернет буквально трещит по швам от желающих познакомиться. Только на одном крупнейшем российском сервере знакомств одиннадцать миллионов пользователей. Все кого-то ищут: девушки — принцев на белом «мерсе», парни — королей красоты, желательно некапризных и — еще лучше — безотказных. Если для одних интернет-знакомства просто развлечение, то для кого-то это стало довольно прибыльным бизнесом. И даже профессией, которая, собственно, существовала всегда. Первым брачным аферистом, вошедшим в историю под прозвищем Синяя Борода, был француз Анри Дезире Ландрю. Каждый день он давал в газеты объявления: «Одинокий мужчина желает познакомиться для женитьбы». На свидан-

ния с претендентками он ходил как на работу: с 1914 по 1919 год Ландрю соблазнил триста женщин. Женился он только на очень состоятельных дамах, убеждал их вписать его имя в завещание, после чего убивал доверчивых женщин и сжигал их тела в камине своей загородной виллы.

Сегодня нет необходимости завязывать знакомства, прибегая к услугам газет или журналов. Потому что теперь есть Интернет. Удобно, а главное, как верно заметила Аля, никакой ответственности. Это, кстати, одна из причин того, что этот способ, которые многие используют для решения своих корыстных проблем за счет доверчивых девушек, переживает в наши дни настоящий бум. Можно выдать себя за кого угодно, клясться в любви, наобещать сорок верст до небес, а потом потихоньку исчезнуть, унеся с собой добычу, бывает, и немаленькую. Недавно в Москве арестовали молодого человека по кличке Пантера, который при знакомстве с девушками выдавал себя за успешного бизнесмена, а на самом деле числился грузчиком на овощной базе. Ловкий паренек приглашал девушек в театр или ресторан, сдавал свою куртку и ее шубу в гардероб, оставляя себе номерки. Нетрудно догадаться, что ни своего кавалера, ни шубы девушка больше не видела. Трудилась эта Пантера ударными темпами: за шесть дней жулик унес мехов на миллион рублей. Подобных примеров можно привести немало.

Так что люди, с которыми можно познакомиться по Интернету, предавали не только тебя. Собственно, тебя-то, Аля, никто не предавал. Просто твои представления о человеке складывались исходя из того, что он о себе наговорил. Ну а, как известно, рекла-

ма часто не соответствует действительности. Для забавности - вспомним шутку из юмористического журнала: «Мы познакомились в чате, он представился Ангелом, и мы сразу занялись виртуальным сексом. Мне ни с кем не было хорошо так, как с ним. А потом у него упал сервер, и вот уже минут пять от него ни одного смайлика! Я в ужасе!» И подпись Синдирелла, с. Аськово, Чатского р-на.

Но вернемся к собственному письму. Много в нём странностей. Ты, например, Аля, пишешь, что к девятому классу стала отличницей. Хотелось бы верить, но как-то не получается, поскольку в твоём письме мы насчитали двадцать восемь грубейших орфографических ошибок. В таких случаях многие девушки приписывают в своих письмах: «Каждую ошибку считайте за улыбку». А улыбаться тут совсем нечему.

Может быть, и не стоило об этом говорить – ну ладно, как написала, так написала... Но, к сожалению, дело не только конкретно в тебе – хотя это и твоя нештучная проблема тоже. За этим видится очень большая и серьёзная проблема всей сегодняшней молодежи: год от года всё больше становится если и не безграмотных, то уж точно малограмотных школьников. В этом году двенадцать процентов выпускников получили по русскому языку «двойки», большинство едва потянуло на «троечку» (что, в принципе, мало чем отличается от «двойки»). Приемные комиссии ведущих вузов столицы завалены документами от неграмотных выпускников, у которых, как ни странно, сто баллов по ЕГЭ (интересно, каким путем они получены? Впрочем, догадаться несложно). Иногда приходят абитуриенты, кото-

рые даже заявление правильно заполнить не могут, — признался, например, в беседе ответственный секретарь приемной комиссии РГУ нефти и газа. — Один мальчик в слове "подлинник" сделал две ошибки. Мы уже замучались проводить с абитуриентами ликбез по родной речи. Наибольшую трудность у ребят вызывают всевозможные объяснительные записки. Например, фраза "обязуюсь донести подлинник аттестата не позднее такого-то числа" для многих сродни экзамену по русскому языку. А недавно пришел абитуриент и полностью переписал образец. На вопрос: "Почему ты написал «школа номер семь», а не свою?" — молодой человек ответил: "Так у вас было написано на стенде". При этом по основным предметам он набрал девяносто баллов». Конечно, такие ребята будут числиться студентами только до первой сессии. И это надо четко понимать.

Можно не любить школьные уроки русского языка и литературы, но чтение художественной литературы тоже учит грамотности. Ученые давно доказали прямую связь между грамотностью и тем, сколько читает молодой человек. Когда-то мы считались самой читающей страной в мире. Теперь такого не скажешь, люди утратили интерес к чтению. Всё заменил компьютер, компьютерные игры, Интернет. Общаться тоже можно по Интернету. А этот способ общения не требует грамотности. Однако трудно представить себе, что человек с высшим образованием может быть безграмотным. К тому же вне зависимости от того, какое у вас будет образование, практически каждому так или иначе обязательно придется иметь дело с официальными бумагами, документами и т.д. Тем более что Аля

собирается стать юристом. Есть такая старая байка (кажется, из какого-то мультика). В приговоре, который гласил: «Казнить Нельзя Помиловать», нужно было поставить точку в нужном месте, чтобы было ясно, что же всё-таки нельзя. Ведь от этого зависела судьба человека. Смысл понять нетрудно — любой документ должен быть составлен грамотно.

Не случайно федеральные власти считают, что все госслужащие должны будут периодически проходить тестирование на предмет уровня владения русским языком. Так что тем, кто не выучил его в школе, придется потом доучиваться — а это ой как непросто.

Так что, уважаемая автор письма, в твоём возрасте ты уже должна четко осознавать, что если ты собираешься овладеть профессиональными навыками юриста, то надо перестать заниматься разной ерундой вроде знакомств по Интернету, а серьёзно заняться учебой. И выкинуть из головы всякие пустые размышления про «умницу, красавицу, спортсменку» и где, мол, бродит твоё счастье. Время игрушек в семнадцать лет кончается. Пора уметь и взрослеть по-настоящему. Иначе ты просто не поступишь ни в какой университет, тем более на такую престижную специальность, как юрист. Но если тебя эта главная твоя проблема — проблема твоего будущего — мало волнует, что ж, тогда продолжай свои бессмысленные знакомства и пустую болтовню в чатах. Пойми — времени у тебя осталось немного (сама ведь пишешь — «скоро мне поступать»). Постарайся использовать его с максимальной пользой, не расходуя на всякие пустяки.

Алексей БУДКИН

ТАРЗАН: «ЖЕНЩИНУ НУЖНО БРАТЬ БУЙСТВОМ УМА И ЛАСКОЙ ГЛАЗ»

Сама судьба предсказала Сергею Глушко (сценический псевдоним Тарзан) стать подарком для женщин. Бывший кадровый офицер в чине старшего лейтенанта военно-космических сил, служивший на космодроме Плесецк, а ныне известный московский стриптизер родился аккурат 8 марта... Впрочем, сейчас творческие интересы артиста не ограничиваются только выступлениями на сцене: он ведет программу на телевидении и снялся уже в десяти фильмах, в последнем из которых – «Русичи» – сыграл одну из главных ролей. С Сергеем Глушко и Наташей Королёвой встретился журналист Рамазан РАМАЗАНОВ.

— Сергей, ваш диплом инженера-энергетика по обеспечению космических комплексов каким-то образом помогает вам в процессе публичного обнажения?

— Мои познания в области космонавтики в прошлом. Конечно, я могу починить перегоревшую проводку, но фундаментальные знания давно улетучились.

— А как всё начиналось?

— Всё очень печально. В армию я пришел по настоянию моего отца, тоже офицера. Но, скажу вам честно, ни удовлетворения, а тем более денег моя профессия мне не давала. Жил, как и другие военные: пил, гулял, а позже женился. До Наташи Королёвой я уже был однажды женат.

— А как вы познакомились с нашей первой женой?

— Очень банально. Я томился на остановке в ожидании автобуса. Рядом так же, как и я, томилась Лена с подружками. Я первый заговорил с ней, но она не проявила ко мне никакого интереса. Во второй раз я встретил ее в нашем местном ресторане, куда девчонки приходили познакомиться с молоденькими лейтенантами. В этот раз Лена была более податливой. Мы поговорили с ней, выпили, потанцевали. Через неделю мы уже жили вместе на съемной квартире. А еще через полгода узаконили свои отношения. Вскоре мне, как молодому офицеру, дали однокомнатную квартиру, в которой мы кое-как сделали ремонт. Я вообще был хорошим семьянином и всегда любил мастерить что-то. Я даже рисовал в молодости картины, которыми увешал все стены нашей квартирки. Под одной из них я пробил огромную дыру из комнаты в кухню, через которую

жена подавала мне подносы с едой.

— Так вы эдакий фантазер в быту?

— Да, я вообще любил делать Лене всякие сюрпризы. Помню, на день ее рождения в ноябре я отправился в Архангельск за розами, потому что в Мирном, где мы жили, цветов не было вообще. А это ни много, ни мало, четыре часа езды.

— А что же стало причиной разлада в ваших романтических семейных отношениях?

— Быт. Нам, военным, платили гроши, да и те всегда задерживали. Поначалу отсутствие денег как-то не замечали, всё больше были во власти любви. Но потребности у нее и у меня росли. Представьте, я даже работал зазывалой в одном модном частном магазине. Стоял на улице, ряженный в пестрые одежды, и громко предлагал прохожим приобрести эксклюзивные товары в нашем

магазине. Иногда, проходя по улицам Москвы и видя таких же зазывал, я подхожу к ним и начинаю рассказывать, что в прошлой своей жизни я занимался тем же. Они, конечно же, узнают меня и очень удивляются. Потом я пытался заняться коммерцией, но очень быстро прогорел.

Мне надоела беспроблемная жизнь, которая ничего, кроме запы, мне не сулила. В общем, на этом печальном бытовом фоне наши отношения с женой начали с каждым днем разлагиваться. В одно утро мы твердо решили расстаться. Навсегда. Я уехал в Москву в надежде устроиться на работу.

— Как вас приняла столица?

— Я какое-то время жил у тети. Сначала устроился сторожем на стройке в подмосковной Малаховке. Помню, был Новый, 1997 год, и я сидел один в промерзшем вагончике, укутавшись во все свои одежды. Сидел один в жутком холоде и пытался всеми силами согреться и уснуть. Но просыпался сразу, как только начинал мерзнуть. Периодически звонил другим охранникам и интересовался, как там у них дела. Я даже не знал, который час, и только когда они позвонили мне и поздравили с Новым годом, я понял, что уже полночь. Так и уснул.

Спустя год я каким-то чудом познакомился с людьми из мира моды. Они и привели меня в модельное агентство «Ред старз». Здесь меня научили правильно двигаться и управлять своим телом. Представьте себе кадрового военного в чине старшего лейтенанта военно-космических войск, который фланирует по сцене, сексуально покачивая бедрами и томно вглядываясь в глаза сидящих по обе стороны подиума светских львиц. А еще говорят, что

нет на свете чудес! А я в них верю, и моя жизнь — тому подтверждение.

— Сергей, а как вы пришли в стриптиз?

— Неожиданно. Даже для самого себя. Хотя, в принципе, путь из модельного бизнеса в стриптиз не такой уж и долгий. Но случилось так, что однажды я загорал на пляже в Серебряном бору. Ко мне подошел мужчина, дал визитку и сказал, что набирает группу мужчин, которые будут танцевать для женщин. Просто он не решился вспугнуть меня словом «стриптиз», тогда оно звучало как ругательство. Помните, у нас ведь и секса в стране не было (*смеется*). В то время я был в первой десятке моделей и в принципе неплохо зарабатывал. Поэтому в стриптиз я пошел не от плохой жизни. Это просто мой способ самовыражения. Меня заметили и отметили мои навыки демонстрировать не только одежду, но и тело. Сцена

всегда манила меня и я, должен сказать, не играю на сцене, а живу. Мне нравится управлять своим красивым телом, обольщать понравившуюся «жертву», видеть в ее глазах огонь желания, демонстрировать свое тело напоказ, позволяя ласкать себя глазами и руками и исполнять прихоти женщин. Такое раньше могло мне присниться только в страшном сне, когда я был офицером. Но у жизни свои правила!

– *Сергей, как по-вашему, достаточно ли мужчине для расположения женщин только атлетического телосложения?*

– *Вовсе нет. В отличие от мужчин, которые перво-наперво отмечают в женщине ноги, грудь и так далее, женщины видят в нас в первую очередь человека мыслящего, а уж потом присматриваются к бицепсам и трицепсам. Женщину можно и нужно брать буйством ума и лаской глаз. А если в наличии есть еще и краси-*

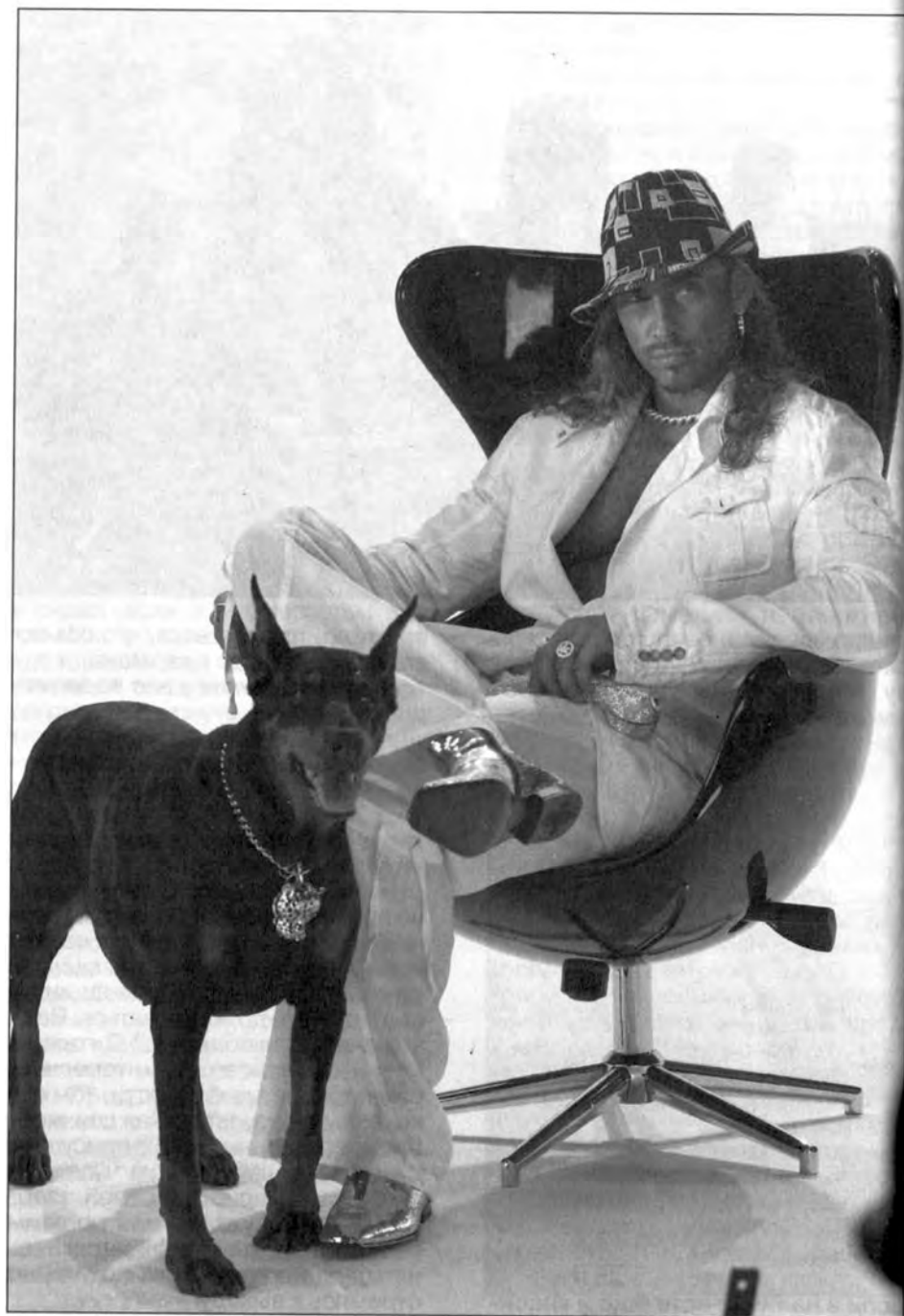
вое тело, то считается, что объект вожделения у вас в кармане.

– *Сергей, какие у вас параметры?*

– Рост 186 см, вес 85 кг, объем бедер 46-48 размера, охват плеч уже тянет на 50-52 размер.

– *Такое обилие вокруг женских тел и лиц не атрофировало в вас желание влюбляться?*

– Женщину никогда невозможно понять до конца. Во всяком случае, мужчинам не хватает на это жизни. И даже тогда, когда мы уверены, что знаем своих женщин на все сто, не надо обольщаться. Ведь что значит влюбляться? С годами мужчине становится интересным сам процесс влюбчивости, чем его конечный результат. Каждая женщина – отдельный мир с присущим только ему лабиринтом чувств. А мужчина по природе своей азартен. Вот и блуждаем мы по этим лабиринтам, ошибаясь, натываясь на холод непонимания, но упорно стремясь к выходу.

– Раздеваясь перед женщинами, вы воспринимаете их как нечто целое или видите в каждой личность?

– По-разному. Я стараюсь проявить индивидуальный подход. Каждая женщина должна чувствовать себя единственной на этом празднике. Ведь посетители стрип-шоу – это, как правило, женщины, обделенные мужским вниманием, или охотницы за тем, что выходит в сексе за грань общепринятого. И моя задача – дать им то, за чем они пришли: полюбоваться моим телом, подарить им эротические фантазии, позволить прикоснуться... Ведь для них стриптизер – это воплощение их нереализованных фантазий, почерпнутых из журналов и снов.

– Какие женщины становятся объектами вашего внимания во время танца?

– Однозначно, не очень худые. Мне нравится, когда есть тело. Но это не означает пышность форм. А

еще меня может завести парфюм. Я, как самец, иду на запах самки и останавливаюсь возле той, чей аромат мне будоражит кровь.

– И что, случаются романы?

– Очень редко. Как правило, они кратковременны. Каждый получает друг от друга то, ради чего этот роман случился.

– Какое чувство вы испытываете, когда женщина, грубо говоря, покупает вас, засовывая купюры вам в трусы?

– Поначалу было стыдно. Правда, со временем я стал относиться к этому спокойно. Ведь каждый труд должен оплачиваться, и причем достойно. Мое тело – это продукт, который яставляю на продажу. А зритель – это покупатель, пришедший оценить, а если понравится, и купить этот товар. Всё логично.

– Хорошо, товар приобретен. Что дальше?

– Дальше, говоря военным языком, всё по заданной схеме. Клиент высказывает желание, я его рассматриваю и согласно тарифу и установленным правилам осуществляю.

– Даже самые низменные прихоти?

– У каждого свое «дно жизни». Как правило, всё происходит очень красиво, без грязи. Во всяком случае, стороны расходятся довольные и удовлетворенные.

– А случались курьезные случаи?

– И не раз. Однажды я выступал в загородном ночном клубе на Истре, где гулял какой-то известный бандит со своей любовницей. Я отыграл программу и хотел было покинуть заведение, как мне сообщили, что этот самый бандит желает поговорить со мной. Я подумал, что, наверное, он изрядно напился и решил выяснить со

мной отношения. Но после услышанной просьбы бандюгана я чуть не потерял дар речи. Представляете, он предложил мне переспать с его девушкой. Да, он так и сказал: «Тут моя девочка хотела бы, чтобы ты ее трахнул. Сколько это будет стоить?» Я был в шоке. Отказ прозвучал бы для нового русского как оскорбление и мог бы расцениваться как неприятие его возлюбленной. Но и согласиться я не мог — это разнилось с моими принципами. Каким-то чудом меня отмазали организаторы выступления, которые сказали горелкоммерсанту, что мне надо срочно ехать на следующее выступление.

Или вот еще. Один из наших танцоров в процессе стриптиза вывел на сцену барышню и принялся под музыку скидывать с нее одежды. Когда лифчик и юбочка упали на пол, дама почему-то внезапно отказалась продолжить раздевание. Оказалось, что у нее,

извините, месячные. Мой танцор от неожиданности бросил трусики в зал, которые смущенная дама еще долго искала, нагишом «прогуливаясь» между столами. А на другой вечеринке наш стриптизер почему-то решил представить любительницам «клубнички» свое мужское достоинство. Он эффектно скинул плавки и хотел было откинуть в сторону, но попал прямо в бокал с шампанским сидевшей неподалеку дамы. Разразился скандал. Разъяренная дама кричала танцору: «Ты что позволяешь себе, придурок? Щас ты будешь ползать у меня под ногами и тщательно лизать их». Но, слава богу, даму удалось успокоить, и конфликт был исчерпан.

— *Сергей, известно, что за мужчинами, подобными вам, охотятся не только женщины. Наверняка заполучить ваше тело намеревались и мужчины?*

— И не раз! В особенности в начале моего пути. Перед любым молодым человеком, приехавшим впервые в Москву и оказавшимся в тусовке, как в сказке, встают три дороги: туда пойдешь — тем-то станешь, сюда повернешь — деньги найдешь... У меня в жизни тоже была такая развилка. Но я не был готов на всё что угодно, хотя приехал в Москву исключительно ради карьеры и денег. На тот момент мне было уже двадцать семь лет, и я был уже взрослым человеком со сформировавшимся характером, сексуальной ориентацией и моральными устоями. Так что сломить меня уже было невозможно! Хотя я мог бы стать геем, если бы хотел, тем более что для этого были все предпосылки, но, поверьте, это противно моей природе. Хотя ты меня золотом обсыпай — бесполезно склонять меня к сексу с мужчиной. Уж лучше я буду зарабатывать,

раздеваться на сцене с утра до вечера. Так мне привычнее и приятней.

— Сергей, вы человек искушенный в женской красоте. Что пожелаете женщинам, обделенным природой?

— Не комплексуйте! Я знал много красивых женщин, некрасивых внутри, и наоборот. Ведь красота — это ускользающее понятие, применимое к каждому человеку индивидуально. Если вы красивы изнутри, то и окружающие воспримут вас такими.

— А что вы пожелаете одиноким?

— Одиночество — это состояние души. Ведь и замужние женщины могут быть внутренне одиноки. Поэтому, дорогие женщины, никогда не сдавайтесь и живите всегда в ожидании любви. Любовь приходит лишь к тем, кто ее ждет.

— Сколько раз в неделю вы обнажаетесь?

— По-разному. Бывает, что каждую ночь по несколько раз даже. Это когда много заказов. Как правило, это по Новый год или в другие праздники. Мы не можем позволить себе заниматься этим на износ: ведь кроме ежедневных показов, нам еще нужно поддерживать в форме наши тела. Мы посещаем тренажерный зал, бассейн, массаж. Личная жизнь вообще отодвинута на последний план. К тому же у нас нет продюсеров, и мы сами занимаемся своим имиджем и пиаром.

— Интересно узнать, о чем думает стриптизер, раздеваясь на публике?

— Естественно, не о том, как побелить потолок дома. Я проникаюсь музыкой, вхожу в образ и мысленно представляю себя с женщиной, которую я окучиваю в стриптанце.

— А частные приглашения на дом вы принимаете?

— Да. Но должен сказать, что это дорогое удовольствие. Мы можем выступать где угодно и у кого угодно, будь то «девичник» или «мальчишник». Но это не секс-услуги за деньги, а чистая работа в жанре стриптиза — и всё!

ПРО ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

— Сергей, ваша жена не ревнует вас к вашей профессии?

— Наташа — человек шоу-бизнеса, и ей, как никому другому, понятны его издержки. Она смотрит на мою профессию как на работу, приносящую мне заработок. Как можно ревновать слесаря или токаря к его инструменту или сантехника к унитазу?

— А с прежним мужем Наташи Игорем Николаевым вы видите?

— Иногда, на мероприятиях или записи на телевидении. Я нормально отношусь к Игорю. При встрече мы здороваемся кивком

головы, и всё. Наверное, у него есть основания презирать меня, но это уже его проблемы. Собственно, когда я появился в жизни Наташки, она уже год не жила с Игорем. Он уже спутался с другой. И уже потом, когда он узнал о нашем с Наташей романе, начал писать песни про пять причин, публично падать на колени с букетами роз в руках и так далее.

— Скажите, как складываются ваши отношения с тещей?

— В разное время по-разному. Поначалу Людмила Иванова не сразу приняла в зятя человека с сомнительной профессией стриптизера, но по прошествии времени мы нашли с ней общий язык. Так что извечный конфликт зятьев и тещ мы преодолели легко. Каждый год на масленицу хожу к Ивановне на блины.

— Как складываются ваши отношения с Наташей после рождения ребенка?

— Изменились в корне. Ребенок вносит четкие коррективы в отношения родителей. Это бесомощное существо поистине творит чудеса. Своим появлением оно настолько сблизило нас, что порой мы сами удивляемся этому волшебству.

— Сколько лет вашему сыну?

— Уже пять с половиной. Он нас большой и многое понимает.

— Кто занимается воспитанием ребенка?

Наташа: — У нас с мужем это первый опыт родительства. Сергей, безусловно, как папа, проповедует строгие методы воспитания мальчика, и я полностью доверяю ему. Мальчик не должен быть расхлябан, и в нём непременно нужно взращивать мужские черты характера.

Сергей: — Тем более что в мире всё перевернулось и всё смешалось. Кругом множество бесполой существ, и очень бы хотелось со

хранить в сыне сугубо мужское начало. Удивительно, но это стало сегодня какой-то редкостью.

— *Выходит, вы держите Архипа в ежовых рукавицах?*

Наташа: — Нисколько. Мы избегаем слова «нельзя», потому что, как и любой ребенок, он тут же начнет всё делать назло. Просто муж доходчиво объясняет ему простые истины, что такое хорошо и что такое плохо. Например, что мужчина должен уметь постоять за себя, защитить свою девушку, маму или престарелого человека. Приучает его к труду, учит его удить рыбу, делать что-то по хозяйству. Ведь этому испокон веков учили детей. По-моему, это так нормально. А в остальном у Архипчика полная анархия.

Сергей: — Я выполняю роль строгого папаши. Я не наказываю сына физически. Но стоит мне недовольно свести брови или пристально посмотреть сыну в глаза и командным голосом выразить недовольство содеянным им, как он начинает метаться в поисках пятого угла.

Наташа: — Если мои доводы не имеют силы, то я начинаю угрожать Архипу тем, что доложу папе

о его плохом поведении. Срабатывает моментально. Так что Сергей у нас — угроза для сына. Но тем не менее Архип очень любит отца и очень скучает, когда он долго отсутствует.

— *Детей планируете еще?*

— Очень хочу девочку и еще одного мальчика. На этом, пожалуй, остановимся!

— *А дочку вы так же будете воспитывать в строгих правилах?*

Сергей: — Нет, что вы! К дочке у меня будет индивидуальный подход. Это будет несколько иная линия воспитания и поведения по отношению к ней. Конечно, мне придется во многом уступать ей и даже идти у нее на поводу. Думаю, что дочка, скорее, будет руководить мной сама.

— *Сергей, говорят, вы очень вспыльчивый и что эту черту характера успели испытать многие ваши коллеги в шоу-бизнесе.*

— Я действительно вспыльчивый, но и отходчивый тоже. К тому же разумный, и поэтому всегда могу вовремя остановиться и не дать ходу конфликту. Хотя иной раз случается — и срываюсь. Вот ехал недавно в машине, и какой-то чайник подрезал меня и вы-

рвался вперед. Так я догнал его, вывел из машины и стал настойчиво объяснять ему, что он не прав. Хотя, если честно, готов был убить его на месте.

— А бывает такое, что в порыве гнева вы готовы убить и собственную жену?

— Ну что вы! Это же любимая женщина. И потом Наташа — мудрая женщина и никогда не позволит себе довести меня до белого каления (смеется).

— Кем в будущем вы видите своего сына?

— Пока только здоровым человеком.

Наташа: — Бабушка учит его петь и играть на фортепиано. Но нам бы не хотелось, чтобы Архип повторил профессии своих родителей. Я вообще считаю, что певец — профессия не мужская. Но недавно сын показал нам чудеса хореографии. Мы недавно отдыхали в Турции, и наш Архип такое выделывал на дискотеке, что мы с

Сергеем смотрели на него, вытаращив глаза. Сложно сказать, кем он станет. Ведь и мы с Сергеем пришли в свои профессии совершенно случайно, по стечению обстоятельств. Задача родителей — подготовить базу для детей, чтобы они как можно меньше сталкивались с теми проблемами, с которыми пришлось столкнуться нам.

Сергей: — Главное, чтобы работа его заинтересовала, ведь это так важно в жизни. Наши дети должны быть лучше и мудрее нас. Но главное, чтобы его работа никоим образом не пересекалась с криминалом.

— А он уже знает, что родители у него — известные артисты?

Наташа: — Да, и всё время говорит, что у него две мамы. Одна та, что дома, а вторая — телевизионная. А папа у него ассоциируется исключительно с работой. Потому что, когда бы он не спросил у меня, где папа, я отвечаю: «Папа на работе».

— Образование ребенку дадите в России или предпочтете Гарвард и Сорбонну?

Наташа: — По-моему, российское образование намного прогрессивнее западного. И это отмечают сами иностранцы. Наши дети вообще намного сообразительнее и смекалистее западных. К тому времени, пока наш Архип достигнет возраста абитуриента, образование в России станет самым престижным в мире.

— Сергей, вам приходилось испытывать ситуацию, которая развернулась в фильме «Парадокс», где вы играете любовника собственной жены, когда вас в постели «застукал» муж чужой жены?

— Никогда, да это и невозможно в принципе. Первая моя жена мне не изменяла, я ей тоже. Такая же ситуация у нас и с Наташей.

НА НАШИХ ЭКРАНАХ

И снова лето. И снова время отпусков. Кто-то на юга, кто-то на огороды. Главные наши зрители — подростки, они же тинейджеры — к бабушкам на дачи или в свободное плавание — в лагеря. Везде свои удовольствия и, как правило, везде не до кино. По-этому, если вы что-то пропустили (а летом было что посмотреть), то наверстывайте упущенное после возвращения. Мы же постараемся вам в этом помочь, составив нечто вроде прокатного дайджеста за отчетный летний период. И, естественно, заглядывая в недалекое осеннее будущее. Так что извините за "короткий монтаж" — так в кино называют быструю смену «картинки», или изображения, или планов. Просто уж очень хочется «объять необъятное».

Для начала возьмемся за наше отечественное кино, которое посмотрели на «Кинотавре» немногие вхожие туда кинематографисты и киножурналисты. И дай-то бог хоть где-нибудь и как-нибудь увидеть его такому же незначительному числу рядовых зрителей! Ну а если не удастся, то будем считать наш обзор родом миссионерской деятельности, призванной пропагандировать наше кино, продвигая в массы информацию о его успехах и неуспехах тоже. Нет у нас иного способа узнать о том, что снимают и кто снимает. Прокатчики будто сговорились и буквально бойкотируют «своих», зная наперед, что вверенным им кинотеатрам гарантированы пустые залы и пустая касса, если на афише российский фильм. Хоть меняй рус-

ские фамилии на иностранные. Когда-то, в 1950-е, так делали итальянские кинематографисты, борясь с голливудской экспансией. Мало кто знает, что даже Серджо Леоне первые ленты снимал под американским псевдонимом. Не говоря об итальянских актерах. Обман во благо кассы.

И еще одна, смешная и горькая, мысль пришла в голову: при Советской власти идеологический железный занавес и отсутствие видеомагнитофонов не оставляли советскому же зрителю ни малейшей возможности посмотреть зарубежные кинофильмы, и мы вынуждены были читать о них в обзорах тех, кому власти доверяли. Доверяли — значит, были уверены в том, что они, во-первых, там, за кордоном, будут вести себя прилично (не так, как нынешние новые русские миллионеры в Куршавеле), во-вторых, непременно вернуться и, в-третьих, напишут так, как надо. Зато теперь, когда все барьеры сметены перестройкой и рынок правит бал, нам показывают только зарубежное кино, а наше за редким исключением буквально загнано в подполье (хоть и фестивальное!). Так что нашему обзору можно было бы дать подзаголовок — «Записки из подполья», прямо по Достоевскому. Ну, это так — отступление.

Вернемся к «Кинотавру», жюри которого вручило приз за лучшую режиссуру Ивану Вырыпаеву за картину «Кислород», осенью анонсированную в прокат. Также мы «обозреем» фестивальное российское кино, увиденное в Москве. Точнее, два фильма, один из

которых открывал в некотором смысле юбилейный Московский кинофестиваль, но ориентирован на Запад, – это «Царь» Павла Лунгина. Фильм уже видели зрители Каннского кинофестиваля, где он представлял Россию в программе «Особый взгляд». Лунгин также был председателем жюри МКФ в Москве, в рамках которого прошла ретроспектива его фильмов («Такси Блюз», «Свадьба», «Олигарх» и другие), приуроченная к грядущему в этом году 60-летию режиссера, и присудил Гран-при своему коллеге и соплеменнику Николаю Досталю за фильм «Петя по дороге в Царствие Небесное», снятый исключительно для внутреннего употребления.

Итак, «Кислород» Ивана Вырыпаева – фильм, состоящий из десяти новелл в стиле рэп по его собственной пьесе, переведенной на семьдесят языков мира. Фильм однозначно фестивальный, то есть весьма и весьма специфиче-

ский, а следовательно, неоднозначно оцениваемый. Бред, непонятно, что-то есть, гениально. Вот такой диапазон суждений. Всем, кто взялся высказаться, непременно надо вспомнить: о вкусах не спорят. В отношении «Кислорода» эта банальность – опять животрепещущая истина. «Если ты плотно подсядешь на кислород, то ни деньги, ни медицинские препараты, ни даже смерть не смогут ограничить ту жажду красоты и свободы, которую ты приобретешь», – предостерегает Иван Вырыпаев опосредованно, через своих героев. Вообще сентенций в стиле рэп в фильме с избытком. Вот, например, о любви: «Когда любишь, но не клянешься – это дерьмо собачье, а не любовь. Когда клянешься, но не любишь, – это немецкое порно. Когда любишь одного, а встречаешься со многими мужчинами – это уже русский кинематограф с его фильмами про поля и березы». Сюжет также замысловат, как

и его вербальное наполнение. Парень-провинциал встретил на Чистых прудах девушку и полюбил, потому что, поцеловав, понял: она обладает кислородом (см. про кислород выше!). Он взял лопату, убил жену, потому что в ней кислорода не было, и заменил Сашей. Вся история рассказана героями, которые сидят в студии и записывают альбом из десяти треков, которые перекликаются с десятью библейскими заповедями, переосмысленными автором-режиссером. Ритмизированная и положенная на музыку проза в исполнении русского актера и польской актрисы, которая русского не знает, звучит странно-магнетически. А если добавить необычную картинку, в которой мультипликация и компьютерная графика вплетены в реально-нереальное изображение, возникает ощущение чего-то нового, невиданного, неслыханного. «В переложении для экрана "Кислород" превратился в ради-

кальное зрелище, которое трудно считать фильмом в привычном понимании этого слова, зато гораздо легче назвать арт-объектом или инсталляцией», — подметил критик Дмитрий Савельев. Согласна.

Конечно, не видать Вырыпаеву с такой-то стилистикой залов больших «взрослых» фестивалей. Такое новаторство им противопоставлено. Они предпочитают классические формы. Поэтому 31-й ММКФ открывал «Царь» Лунгина, картина реалистическая и историческая, хотя историческую правду пусть ищут в ней другие. Тем более что режиссер к ней не очень стремился. Полагаю, такова была его первоначальная установка. Но обязаны ли мы оценивать художника по правилам, им же придуманным, как полагают некоторые? Если да, то ведь это бог ведет куда нас заведет. Все тут же станут гениями — что хочу, то и ворочу. В новой своей ленте, как в превос-

«Царь»

ходном «Острове», Павел Лунгин продолжил тему власти земной и божественной. Может ли земной властитель считаться помазанником божьим и проводником Его воли или же, напротив, он обязан ежечасно держать ответ перед всевышним за деяния свои? В фильме на сей счет две точки зрения: одну выражает царь Иван Грозный (Петр Мамонов), другую митрополит Филипп (Олег Янковский). Первый, обладая властью абсолютной, внутри себя – одинок, вне – окружен предателями. Он в священном писании находит обоснования своей беспримерной жестокости по отношению к узурпаторам и вероотступникам, утверждая незыблемую для России мысль о том, что власть ни перед кем не в ответе и может творить беззакония, развлекаться издевательствами над людьми. Второй, служа тому же богу, опираясь на то же священное писание, отстаивает свою веру, свое понимание

власти как служения богу и народу, и бесстрашно спорит с царем. А тот, устраивая публичные расправы над ворами, убийцами, изменниками, пытается усмирить свое безумие, свой страх перед смертью и необходимостью держать ответ перед господом.

Дуэль Петра Мамонова и Олега Янковского – вечное противостояние власти плохой и хорошей, бездушной и духовной, непримиримое столкновение царского произвола и идеалов Просвещения, так и не случившегося в России, – не только главное, идейное содержание фильма, но и самая сильная его сторона. Без силы власти не удержишь, но где предел этой силы, царь уже не понимает. Митрополит Филипп – его абсолютный антипод: великая светлая личность, которую не в состоянии сломить ни душевные испытания, ни физические пытки. К моменту сцены своей смерти он уже фактически святой. Твердость его, духовная сила так велики, что даже царь в какой-то момент пасует. И всё же зло победило, добро отступило. Знающий историю России хотя бы по верхам скажет, что придет время – и с гуманной властью в России расправятся так, что до сих пор всей страной не можем отмыться. Я бы очень советовала молодому зрителю посмотреть картину, которая выйдет в прокат в ноябре в День Национального единства. Но опасаясь, что именно он совет мой проигнорирует и даже сцены беспримерной царевой жестокости не возбудят его интереса, слишком непомерна цена – два часа взрослых разговоров на крупном плане в стиснутом пространстве да ряженой толпы на общем – на фоне Кремлевской стены. Нет, лучше блокбастер. А зря.

Уверена и очень сожалею, что мимо зрителя пройдет и фильм Николая Досталя «**Петя по дороге в Царствие Небесное**», действие которого происходит в середине прошлого века. Не сказать, чтобы история, но ретро, впрочем, для молодого зрителя, добирающего кассу, один чёрт, что пятьдесят лет назад, что пятьсот. Главный герой ленты – дурачок Петя из шахтерского городка Кандалякши – возмнил себя милиционером, точнее, дорожным инспектором. Он останавливает машины, размахивает жезлом, а иногда даже деревянным пистолетом, и все, от рабочего до энквэдэшника, от директора до заезжего депутата Верховного Совета СССР, жалея его, останавливаются, уважительно здороваются, предъявляют документы. А когда дети, извостные своей прямолинейностью и жестокостью, спрашивают взрослых – зачем вы с ним носитесь? – те делают им серьезное внушение

на тему любви к ближнему, главной нашей добродетели. Тем временем из радиоприемников вещают о врагах народа, о врачах-убийцах, о продавшихся мировому сионизму евреях. В фильме две части – до смерти Сталина и после нее, много занятных эпизодов, доведенных до логического конца, то есть вписанных в сюжет и брошенных на полпути. Характер героя не меняется. Дурачок, но в свое время в настоящем деле он себя еще покажет так, как не каждый здоровый умник сумеет. Авторы, сочувствуя своему герою, сильно ему этим мешают. Ничего от него не ждешь, а от тебя же требуют сострадания и любви к ближнему. Впрочем, многим и особенно молодым было бы невредно подумать о том, что наши ближние и дальние русские люди жили трудно, бедно, бесправно и стоит на это взглянуть, чтобы понять, чего действительно надо бояться, а чем во все времена дорожить.

«Петя по дороге в Царствие Небесное»

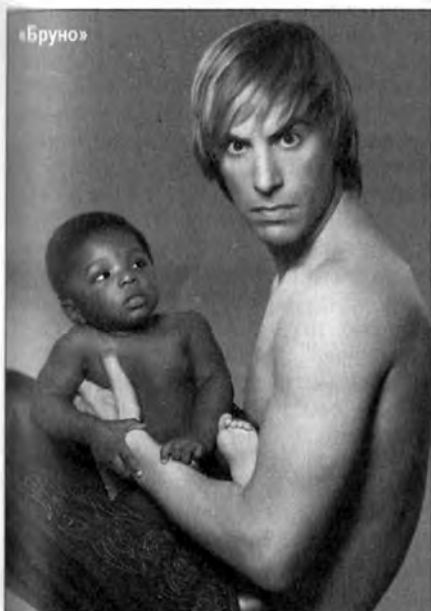
Прожить скромно и почить в безвестности не всем по нраву. Иные мечтают засветиться, сделать так, чтобы их заметили, о них заговорили, причем неважно, хвалили или ругали. Рецепт известен давно: надо быть эксцентричным, скандальным, шокирующим. Американская картина **«Бруно»** («Bruno») наверняка понравится тем, кто любит скабрзные провокации и безудержные выпады против всех и всяческих правил, придуманных людьми. Саша Барон Коэн, сыгравший в 2006-м Барата в одноименном фильме, однажды уже потряс так называемое «общественное мнение» всего мирового сообщества. Однако Барат, телезвезда из Казахстана, — заурядный старомодный провинциал рядом с жизнерадостным австрийским модником-гомосексуалистом Бруно. Фильм, написанный, спродюсированный и сыгранный Сашей Бароном Коэном (режиссер Ларри Чарльз) опроки-

дывает все мыслимые и немыслимые барьеры и табу. Почти девять минут непрерывного смеха и ни одной секунды скуки. Русский перевод Гоблина добавляет перца. Как и в «Барате», Коэн сочиняет для своего героя самые невероятные, самые непредсказуемые обстоятельства, которые частенько напоминают телевизионные розыгрыши и недетские дурные шутки. Есть среди них ситуации глупые, но оттого не менее смешные, а есть довольно злые из разряда политической сатиры. К числу первых относится эпизод его появления на Неделе моды в костюме на липучках, которые прилипают к занавескам, манекенщицам, зрителям, обнажая в конечном счете вполне стройный торс миловидного блондина (да, да, я не ошиблась: прежний казахский грим, черные кудри, мохнатые усы, пастушьи меховая шапка пылятся у Саши в кладовке). К числу вторых следует отнести, в

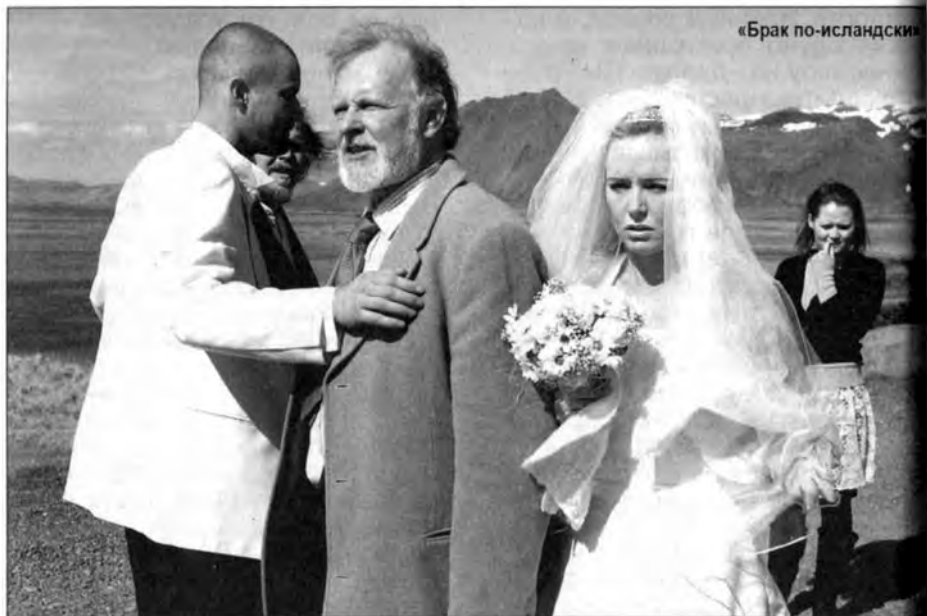
ности, длинный эпизод, в котором Бруно приглашает на утреннее шоу на «Даллас-ТВ» крупного политика-республиканца, совершенно реального человека Рона Паула и показывает ему и зрителям в студии телевизионный пилот, где он берет интервью у двух священников-геев из Алабамы. Непохоже, чтобы Козн смутил республиканца, люди такого сорта ради пиара готовы на всё, у них слишком хорошо подвешен язык и слишком изворотлив ум. И тем не менее Паул допустил немало промахов, комментируя отношения священников и проблему сексуальных меньшинств в целом, в конечном счете показав себя человеком нетерпимым, что лишило его шанса на выборах. Есть и другие интервью с реальными, обычными и знаменитыми, людьми, поражающие своей неприкрытой правдой. Представьте себе матерей, которые говорят о том, что готовы позволить делать со своими

детьми всё что угодно, лишь бы они стали звездами, получили свою «минуту славы». Работать с опасной пиротехницей – пожалуйста. Быть пригвожденными к столбу – пожалуйста. Можно восхищаться смелостью и профессионализмом Козна, который знает, что у него есть только один дубль, а значит, нет права на ошибку, промах. Провокационным выглядит также появление Бруно в студии того же «Даллас-ТВ» в шоу Ричарда Бея с черным африканским ребенком, якобы им усыновленным. Мальчишка абсолютно очарователен, но что должна думать полностью черная аудитория шоу об этой нештатной ситуации, которой Бруно-Козн еще и добавляет двусмысленности: белый гомосексуалист усыновляет черного парнишку. Рискованно, могли и побить. В фильме появляются звезды – Джефф Бриджес, Пенелопа Круз, Анджеला Бассет, Джон Гудмен, Вэл Килмер, Люк Уилсон. И не потому, что они принадлежат к сексуальным меньшинствам, а потому, что поддерживают позицию Саши Барона Козна, призывая к терпимости. Хотя, как написал один американский критик и большой шутник, может быть, Саша не сказал им правды и они думали, что просто снимаются в кино, что такая роль и такие слова... Надеюсь, что «Бруно» покажут в России, отнесясь к нему с юмором, не в пример высококонравственным украинским начальникам, запретившим показ картины в своей «незалежной».

Ничто не сравнится с «Бруно» по напору и стёбу, поэтому расскажу после него – совсем не для сравнения, скорее для противопоставления – об исландской комедии **«Брак по-исландски»** («Sveitabrudkaup»). Во-первых, потому что увидеть исландское кино

«Бруно»

— воистину редкий шанс, а во-вторых, потому, что это смешная комедия, и хотя она сочинена авторами от начала и до конца, но соответствует действительности и дает полное представление о характере и темпераменте северного народа. Режиссерский дебют известного в Исландии монтажера Вальдиса Оскарсдоттира — легкая, трогательная и смешная комедия о свадебном путешествии и о семье, которая давно распалась, но ради скромной деревенской свадьбы собралась вновь. Впрочем, свадьба получилась не совсем такой, как планировал жених, выбравший для церемонии крошечную деревушку неподалеку от Рейкьявика. Найти церквушку в стране, где по традиции все крыши островерхие и все со шпилем, оказалось совсем непросто. Да и священник не отличался топографическими талантами. Весь фильм свадьба путешествует на двух автобусах жениха и невесты,

которая время от времени впадает в самое черное отчаяние: ведь неизвестно, станет ли она женой и не водит ли жених ее за нос. А тут еще в автобусе разведенные родители, новый бойфренд мамочки, занимающийся каким-то сомнительным и явно нечистым бизнесом, да еще подружка-свидетельница, прихватившая без спросу довольно странного приятеля и чокнутую бабушку. Здесь же дядюшка, «голубой» семейный изгой, туповатая сестра и другие экзотически родственники и примкнувшие к ним — безумствующий свадебный кортеж, потерявший цель своего движения. Для насмотренного и начитанного зрителя будет несомненным влияние «Догмы — 95» — манифеста, сочиненного живущим по соседству с Исландией великим датчанином Ларсом фон Триером, где собран свод правил из десяти пунктов, названный «обетом целомудрия». Почему так? Да потому что Триер и его со-

автор Томас Винтерберг провозгласили отказ от всех кинематографических приемов, отделяющих фильм от реальности: нет жанрам, драматургической предсказуемости, созданию иллюзии, гриму, реквизиту, декорациям, искусственному освещению, оптическим приемам, использованию фильтров, музыки и т.д. Съемки должны производиться там, где происходит действие, только ручной камерой и с синхронной записью звука. Таким образом, вы увидите милую пастораль, способную шпергнуть в депрессию. Фильм о семейных отношениях, моральных устоях и о любви – и о том, как далеки они от совершенства.

И снова забавная картина, на этот раз французская, переведенная у нас как **«Париж! Париж!»** (режиссер Кристоф Баррабье), а на самом деле имеющая в названии адрес – улицу и дом: «Faubourg, 36». Ее забавность в том, что, будь она снята в 1930-е

годы, она, скорее всего, стала бы классикой. Действие разворачивается в мюзик-холле, и хотя ничего сверхъестественного не происходит, лента способна доставить удовольствие тем, кто любит ретро, музыку, добротную актерскую игру и жанр «простой человеческой истории». 1936-й – это Народный фронт, коалиция левых сил, набирающая мощь во Франции, а в соседней Германии приходит к власти Гитлер, что укрепляет позиции правых. 1936-й – время, когда люди поделились на «своих» и «чужих». Актеры, работающие в театре «Шансония», все как один социалисты. Для директора театра Пигаля (Жерар Жюньо) наступает черная полоса в прямом и переносном смысле. Хозяин здания, где находится театр, стал чернорубашечником, фашистом, и отказал в продлении аренды за задержку оплаты. Актеры очутились на улице, а тут еще жена бросила Пигаля. На помощь при-

«Париж! Париж!»

ходят верные друзья – официант Джеки (Кад Мерад), уверенный в том, что его истинное призвание актерство, а точнее звукоподражание, и юный радикал, помощник режиссера Милу (Кловис Корний-як): они помогают сделать так, чтобы театр вновь открыл свои двери для зрителей. Но привлечь их может только эффектная постановка и яркая звезда. И вскоре они находят красотку Дус (Нора Арнезедер), певичку, обладающую талантом и харизмой. Шоу удалось – успех, аншлаг... Но впереди новая порция трудностей, услужливо придуманных сценаристами. Любопытно, что Париж 1930-х снимают нынче в Праге. И еще любопытно присутствие великого французского комика Пьера Ришара, его герой зовется Месье ТээСэФ (по названию радиостанции, которая играет джаз). Он никогда не покидает своей комнаты, но при этом оказывает немало услуг актерам и Народному фрон-

ту. Естественно, как и положено настоящему киномюзиклу, фильм заканчивается шикарным музыкальным номером. Конечно, по нашим временам и по нашим представлениям о том, каким должен быть современный фильм, «Париж! Париж!» движется тяжело, то, со скрипом. «Он был бы совсем неплох, если бы я увидел его до того, как родился», – как всегда, в точку сострил американский обозреватель Роджер Эберт.

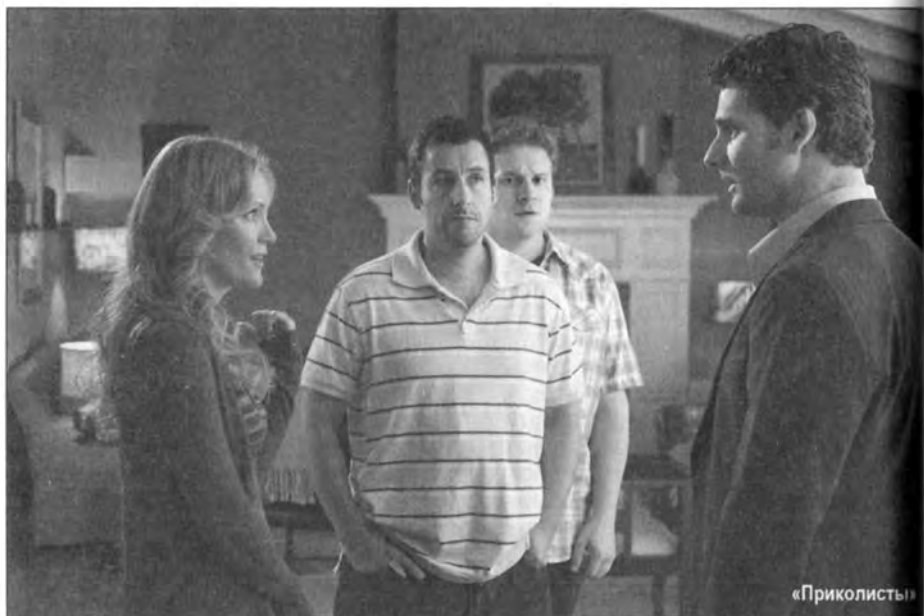
А вот американская комедия «Шопо-коп» («Paul Blart: Mall Cop»), которая так и напрашивается на переделку «ш» на «ж», в отличие от исландского «Свадебного путешествия», совершенно оригинальная поделка режиссера Стива Карра. Представьте себе добродушного, мягкого и по характеру и в силу комплекции (как говорится, «белого и пушистого») полицейского из торгового центра (они на американский манер и нас теперь называются моллами),

который обычно занят совершенно будничными, мирными делами: разыскать потерявшегося ребенка, заплутавшим среди бутиков покупателей указать верный путь в туалет или фаст-фуд, пожуриль опоздавшего от покупок средне-статистического американца за брошенную на пол бумажку и т.д. и т.п. И дома он тоже нежный и трепетный сын и отец, бережно относящийся к дочери Майе и старушке-матери. Однажды Пол встречается в универмаге Эми, стройную и сексапильную, она, конечно же, ему не пара, но сердцу не прикажешь – Пол, похоже, влюбляется. И вот однажды этому помпидейскому, отнюдь не герою боевика, приходится вступить в схватку с бандой воришек, покусившихся на чужую собственность, но в какой-то момент испугавшихся и оставивших заложников, в числе которых оказалась Эми. Может быть, в другой ситуации Пол и устранился бы, но когда любимая в опа-

сности... Кевин Джеймс из тех актеров, которые умеют свои физические данные превратить в идеальное средство достижения всеобщей симпатии. Его попытки понравиться длинноногой красотке смешны и трогательны. Актер стал широко известен после успеха телесериала «Все любят Рэймонда», он обаятелен да еще, наверное, составляет немалую часть американцев, сильно перебравших в весе, думать, что и они вызывают не только смех, но и сочувствие, и симпатию, и искреннюю любовь. Как в большинстве американских фильмов такого рода, человечность становится главным содержанием и моралью фильма. В самом деле, дорогого стоит такой поступок: поймав одного из преступников и заперев его в аппарате для загара, Пол понимает, что от ультрафиолетовых лучей тот может сжечь роговицу глаз, и приносит ему темные очки. Не знаю, как вы, а я, кажется, сейчас заплачу.

«Шопо-кон»

«Приколисты»

Но американцы не совсем безнадёжны, и комедия Джудда Апатоу с Адамом Сэндлером **«Приколисты»** («Funny People») достойна всяческих похвал. Апатоу снимает комедии характеров и нравов, положений и отношений. Герой Сэндлера Джордж Симмонс, успешный комедийный актер «stand up comedy» – уж не альтер-эго ли Сэндлера? уж не пародия ли на себя, любимого? – обнаруживает, что в его жизни полный бардак, что он эгоист, что изменяет любимой, поссорился с родными, что у него совсем нет друзей... Но этого мало: он чувствует, что выдохся, а, может быть, уже умирает (как актер, конечно!). И тогда Джордж решает взять тайм-аут. Тут как раз подворачивается начинающий, но не очень удачливый комик Ира (Сет Роген), которому Джордж предлагает стать ассистентом на то недолгое время, что ему осталось пробыть на этой земле. Комедия, помно-

женная на драму, припорошенная романтикой и начиненная сарказмом. Это вам что-то напоминает? Правильно – карикатуру на самого Адама Сэндлера. Сценарий и в самом деле был написан «на него», и это говорит лишь о том, что актер самокритичен, а значит, не безнадёжен. Фильм Апатоу – о том, как люди, играя разные, неважно, хорошие или плохие, роли постепенно теряют свое «Я», и в том, что с ними случается, когда они решают всё начать с чистого листа. Необязательно быть актером, чтобы столкнуться с этой психологической коллизией. В конце концов, мы все в разных ситуациях что-то из себя строим, когда изображаем, в том числе играем (чиновник – проситель, покупатель – продавец, виноватый – потерпевший и проч.). Весь мир театр, все люди актеры... Просто на примере комедийного артиста рассказать об этом можно с юмором, и для всех будет доходчиво.

И снова весьма специфическое кино, кино на любителя, но уж так великолепно сделанное, так достоверно и виртуозно снятое, как это только может сделать такой мастер эпохальных лент, как режиссер Джон Ву. Два с половиной часа он показывает нам, людям XXI века, как жили, любили, интриговали, воевали правители и простые люди Китая в 208 году нашей эры. Тут, конечно, задумаешься: а что ты, современный человек, европеец ли, американец, африканец, австралиец, да тот же китаец, можешь знать о достоверности, когда речь идет о событиях двадцативековой давности? **«Битва у Красной скалы»** («Chi bi») была величайшей из битв за всю историю Китая и коренным образом изменила ход национальной истории. Это было время, когда Китай был поделен на государства. Премьер-министр Цао Цао (Фендзи Чжан) манипулирует императором как марионеткой. На

севере страны он ведет жестокую гражданскую войну. На южной границе владений ему угрожают два других императора – стареющий и уставший от войн Лю Бао (Йонг Ю) и вполне миролюбивый молодой Жу Ю (Тони Люн Чу Вай). По отдельности они не страшны Цао Цао, но, объединившись, могут стать реальной угрозой. Для поклонников жанра исторического фильма, для всех любителей истории картина Ву – уникальный шанс увидеть военную мощь древнего Китая, помноженную на мощь интеллекта, планирующего тактику и стратегию войны. Всё – от обучения и маневров до кровавых битв, от которых сводит желудок, – отличается исторической и фактурной точностью. При этом Джон Ву заготовил немало сюжетных сюрпризов и оригинальных интерпретаций исторических фактов, которые, правда, удивят только тех, кто знает историю Китая наизусть. Их, думаю, единицы. Англичане, на-

«Битва
у Красной скалы»

пример, ничтоже сумняшеся, взяли и вырезали в прокатной версии целый час, решив, что английскому зрителю подробности китайских военных действий 208 года нашей (и на том спасибо!) эры неинтересны! Это, конечно, сильный резон. Примерно так же в свое время поступили американцы: экранизируя «Войну и мир» Льва Толстого, взяли и вырезали всю войну – кому она нужна, всё равно зритель не поймет, кто и с кем воюет. И всё-таки рискну утверждать, что военные эпизоды «Битвы у Красной скалы» одни из самых сильных и делают фильм необыкновенно мощным. Не забывайте, две тысячи лет назад китайцы уже использовали порох, были поголовно грамотны, в то время как европейская культура находилась на самом примитивном уровне. Буквально завораживают герои ленты: молодой Жу Ю хочет наладить личную жизнь, в политике он пытается быть искусным дипломатом, но, лавируя, онвынужден принимать решения,

которые подставляют под удар близких и любимых людей. Есть в картине и любовный треугольник (Жу Ю, его супруга и Цао Цао), есть девушка, сестра Жу Ю, страстно мечтающая стать воином, – все эти люди с их интеллектом и страстями вполне современны, динамичны, как и ритм картины. Зря, наверное, волновались английские прокатчики: фильм пролетает молниеносно и режиссерский гений Ву впечатляет, как и всегда.

Кино фестивальное и реальное, классическое и авангардное, историческое, ретро и современное, подрывное-провокационное и тягучее-спокойное, кино про царей и местных дурачков, про детей и взрослых, мужчин и женщин, кино... Оно такое всякое-разное, но в нём всегда вы найдете свое отражение. В вашем выборе, в том, что и почему вам нравится.

Елена НИКОЛАЕВА

ТРЕЙЛЕР С ПРИВИДЕНИЯМИ

Рассказ

Перевод с английского Виктора Вебера

Рисунок Дмитрия Дьякова

Разумеется, случилось неизбежное. Иного просто не могло и быть. Но почему это случилось со мной? Чем я заслужил эту напасть? К тому же я намеревался жениться. И вложил в трейлер¹ едва ли не все наличные. В нём мы с Моникой собирались провести медовый месяц, путешествуя по Соединенным Штатам. Поближе познакомиться с нашей страной. Я даже настроился записать наши впечатления и уж нисколько не сомневался, что мы будем счастливы, как голубок и горлица.

Ха.

Ха-ха!

Если вы уловите горечь в моем смехе, я расскажу вам, почему смеюсь не от веселья.

Потому что именно мне, Мелу, полное мое имя – Мелвин, Мэйсону довелось, впервые в мире, купить трейлер с привидениями!

Замок с привидениями – это одно. Даже в обычном доме можно мирно уживаться с теми же призраками. В замке, или доме, если привидение вышло на прогулку, вы без труда можете закрыться в спальне и прикорнуть часок-другой. Разумеется, привидения создают дополнительные неудобства. Но едва ли их можно считать непреодолимыми.

А вот в трейлере? Что вы будете делать, деля трейлер, пусть даже это модель высшего класса, с четырьмя койками, кухонькой, душем, туалетом, радио, креслом-качалкой, с призраком? Где вы будете от него прятаться?

Ха!

Ха-ха!

За прошлую неделю я вдоволь наслушался демонического смеха, так что теперь смеюсь точно так же.

Итак, я приобрел трейлер. Подцепил его к моему автомобилю и поехал к Монике в Голливуд, где она жила с тетушкой из Айовы. И в двенадцати милях к западу от Олбани в мой новенький, с иголки, трейлер подсел решивший попутешествовать на попутках призрак.

Но, может, мне следует начать с самого начала. Произошло следующее. Трейлер я купил в Новой Англии, «кастом клиппер», сверкающий хромом, изнутри отделанный под дерево, за две тысячи девятьсот девяносто восемь долларов. Сел за руль автомобиля и взял курс на запад, сияя от счастья. Этого дня я ждал два года, так что не столь уж трудно представить себе мою радость.

Сильно я не разогнался, привыкал к трейлеру, поэтому уже в темноту пересек Гудзон. Олбани проехал в грозу, а полчаса спустя свернул с шоссе на проселок меж двух скал, чтобы провести там ночь.

¹ Дом на колесах.

Гром грохотал чуть ли не над головой. То и дело били молнии, но я нашел маленькую полянку, расположился на ней, разогрел банку фасоли, выпил кофе, снял ботинки, уселся в кресло-качалку, закурил и расслабился.

– Ах, какой, однако, комфорт! – произнес я вслух. – Будь Моника со мной, ей бы понравилось.

Но Моника спала в Голливуде, поэтому я потянулся к книжке.

Да должно быть, задремал, прочитав несколько страниц. И проспал пару часов. А может, и больше. Но проснулся, как от толчка, под затихающий раскат грома.

Волосы мои встали дыбом от статического электричества, накопившегося в воздухе.

Тут дверь распахнулась, меня окатило дождевыми брызгами, и ветер, во всяком случае, я подумал, что это ветер, хряпнул дверью по наружной обшивке трейлера. А затем я услышал звук, охарактеризовать который я не смог иначе, как вздох привидения.

– Ну, это хоть что-то, – произнес голос.

Я уже успел вскочить с кресла, чтобы захлопнуть дверь, да так и застыл с разинутым ртом и непрочитанной книжкой в руке.

Ветром в трейлер занесло клочок тумана, и этот клочок, вместо того, чтобы, испарившись, исчезнуть, начал обретать какую-то форму. Он густел прямо на глазах. Пока...

Ну, вы всё поняли сами. То был фантом. Призрак. Бездомное привидение.

Пришелец застыл на месте, холодно разглядывая меня.

– Садись, приятель, – предложил он. – Чему ты так удивляешься. Меня это нервирует. За пятнадцать последних лет это моя первая ночь под крышей, и я хочу в полной мере насладиться ею.

– Кто, – промямлил я, – кто...

– Я не глухой, – одернул меня призрак, – так что нечего твердить одно и то же. На кого я похож?

– На привидение, – ответил я.

– Тут ты попал в самую точку, приятель. Я и есть привидение. А на какое привидение?

Я присмотрелся повнимательнее. Низкорослый, ширококостный, одетый в какое-то старье, в шляпе с обвисшими полями, да еще со щетиной на щеках.

– Вы похожи на бродячее привидение, – с отвращением ответил я, и мой незванный гость согласно кивнул.

– И тут ты угадал, приятель. Зови меня Спайк Хиггинс. А можешь просто Спайк. Так меня звали до того, как это произошло.

– Что – «это»? – не удержался я от вопроса.

Призрак направился к койке, улегся, положил ногу на ногу, болтая в воздухе разбитым ботинком.

– Пятнадцать лет назад мне хватило ума заснуть в кузове грузовика, откуда я и свалился на шоссе. Аккурат там, где ты свернул с него. С тех пор мне и пришлось тут ошиваться. Я не был скаутом, поэтому меня и наказали, обрекли жить в одном месте. Меня, который раньше не проводил под одной крышей и двух ночей подряд!

Последнюю пару лет я начал тяготиться такой жизнью. Мне даже не позволяли вселиться в дом. Шляйся, мол, по лесу, а тут ветер да дождь, и

каждая собака норовит обгавкать. Приятель, ты даже не представляешь, как я рад, что ты решил остановиться здесь на ночлег!

– Послушайте, – твердо заявил я, – вы должны отсюда уйти.

Призрак зевнул.

– Приятель, это ты нарушил право собственности, заехав на чужую территорию, не я. Тут мои охотничьи угодья. Я тебя просил останавливаться в этом месте?

– Вы хотите сказать, – процедил я сквозь зубы, – что не хотите уходить? И собираетесь остаться у меня на ночь?

– Совершенно верно, приятель. – Призрак хохотнул. – Разбуди меня в шесть утра. – Он закрыл глаза и начал нагло похрапывать.

Тут я рассердился. Швырнул в него книгой, но она отскочила от койки, не причинив призраку ни малейшего вреда. Спайк Хиггинс приоткрыл один глаз и подмигнул.

– Пролетела сквозь меня. Или я – сквозь нее. Ха-ха. Шутка.

– Вон! – завопил я. – Убирайтесь вон!

Я шарахнул его подушкой с другой койки, но он лишь открыл второй глаз и показал мне язык.

Похоже, поделаться с ним я ничего не мог, поэтому не оставалось ничего другого, как взять себя в руки.

– Послушайте, – осведомился я, – вы говорили, что обречены на жизнь в этом месте. А перебраться в другое вы не можете?

– Уезжать мне запрещено, – ответил Спайк. – А что?

– Ничего. Сейчас узнаете.

Я схватил плащ, шляпу и вывалился под дождь и ветер. Если призрак не может покинуть эти края, то на меня-то эти ограничения не распространялись. Поэтому я забрался в машину, завел мотор и тронулся с места. Проселок раскис, колеса то и дело пробуксовывали, но мне удалось выехать на асфальт. А там уж я проехал без остановки двадцать миль. Вновь свернул на проселок и довольно улыбнулся, представив себе физиономию Хиггинса, когда тот понял, что я покидаю его охотничьи угодья.

В прекрасном настроении я вылез из машины, направился к трейлеру, открыл дверь и...

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха!

Что еще мне оставалось делать, как не смеяться. Хиггинс преспокойно храпел на койке.

Я негромко выругался. Спайк Хиггинс сонно приоткрыл глаза.

– Привет. Ходил поразвлечься?

– Послушайте, – размеренно заговорил я, борясь с охватившим меня отчаянием. – Я думал, вам суждено оставаться на том месте, где я вас нашел, до скончания века.

Призрак вновь зевнул.

– Твоя ошибка, приятель. Я не говорил, что у меня там вечное заточение. Сказал-то я тебе другое – мне запретили уезжать оттуда. Я и не уезжал. Ты меня увез. Вся ответственность падает на тебя, а я теперь на вольных хлебах.

– Вы... что?

– На вольных хлебах. Куда хочу, туда и иду. Где мне нравится, там и селюсь. Ты освободил меня. Спасибо, приятель. Я этого не забуду.

– Тогда... тогда... – Я загнулся, а Хиггинс согласно кивнул.

– Совершенно верно. Мне тут нравится. Я намерен остаться с тобой. Путешествуем вместе.

– Но это невозможно! – ужаснулся я. – Привидения не путешествуют. Они живут в домах, на кладбищах, наконец, в лесах. Вы...

– Да что ты знаешь насчет привидений? – пренебрежительно бросил Хиггинс. – Привидения бывают разные, приятель. Есть и такие, что любят пошляться по свету, ну просто не могут жить в одном месте. Ты даже не представляешь себе, как мне было тяжело на той поляне.

А если б мне дали и дом. Ладно, крыша над головой и всё такое, но, опять же, тюрьма. Дома-то не разъезжают, стоят, как вкопанные. На одном и том же месте, пока не разрушатся.

Но теперь всё изменилось. Ты внес свежую струю в жизнь привидений. Мы можем обитать в доме, переезжая вместе с ним. Честно выполнять свою работу и одновременно увидеть страну, в которой живем. Эти трейлеры – ключ к проблеме, волновавшие лучшие наши умы на протяжении многих столетий. Вот уж новинка из новинок. Трейлеры с привидениями. Знаешь, на нашем очередном конгрессе мы, пожалуй, проголосуем за сооружение тебе памятника. Разумеется, памятника-призрака.

Речь свою Спайк Хиггинс произносил, приподнявшись на локте. А потом снова завалился на спину.

– На сегодня достаточно, приятель, – пробормотал он. – Разговоры выпивают всю мою энергию. Я должен исчезнуть. Увидимся утром.

– Исчезнуть куда? – спросил я. Спайк Хиггинс уже наполовину растворился в воздухе.

– В другое место, – донеслось до меня, и от Спайка Хиггинса не осталось и следа.

Я выждал еще минуту. А затем облегченно вздохнул. Глянул на плащ, мокрые ноги, книгу на полу и понял, что всё это мне пригрезилось. Я ходил во сне. Точно так же вел машину. Меня мучили кошмары.

Плащ я повесил на вешалку, разделся, улегся на койку.

Проснулся я поздно, на мгновение меня охватила паника, но тут же я понял, что бояться нечего: на другой койке никого не было. Посвистывая, я встал, принял душ, оделся, позавтракал и поехал дальше.

День выдался – лучше некуда. Синее небо, легкий ветерок, яркое солнце, поющие птички. Думая о Монике, я едва не запел вместе с ними. Еще неделя, и я подъеду к домику ее тетушки в Голливуде, нажму на клаксон...

В этот момент сзади меня словно обдало волной холодного воздуха.

Я обернулся и едва не врезался в тракторную тележку, доверху набитую сеном. На заднем сидении материализовалась знакомая туманная фигура.

– Надоело ехать одному, – объяснил Хиггинс. – С тобой веселее. – И он переместился на переднее сидение.

– Вы... вы... – Меня затрясло от ярости, и я едва не свалился в кювет. Но Спайк Хиггинс вытянул руку, схватился за руль и выровнял машину.

– Спокойнее, приятель. Призраков в этом мире хватает и без тебя. Раньше тебе еще присоединяться к нашей команде.

Я ничего не ответил, но мысли, должно быть, легко читались по моему лицу. Я-то думал, он приснился мне в кошмарном сне. А он-то здесь, наяву, рядом со мной, и я понятия не имею, как избавиться от него.

Спайк Хиггинс усмехнулся.

— Ну что ты так задержался, приятель. Всё же естественно. Есть замки с привидениями, дворцы, дома. Теперь вот появятся и трейлеры.

— Почему нет паромов с привидениями? — взревел я. — Пульманов¹, товарных вагонов?

— Как это нет? — На лице Хиггинса отразилось изумление. — Паукипси каждую штормовую ночь в полночь пересекает паром с привидениями. И есть частный поезд с привидениями в Атчисоне. В нём живет мой друг. При жизни он частенько ездил на поездах, человек был честный, справедливый, вот его и наградили постоянным билетом на этот поезд.

И есть на Нью-Йорк Сентрэл товарный вагон, который никогда не приезжает в пункт назначения. До сих пор, по крайней мере, не приезжал. Куда бы его не направляли, в результате он оказывался совсем в другом месте. В нем ездит целая компания. Или взять товарный вагон на Саутерн Пасифик. Он ездит сам, без паровоза. Представляешь себе, скольких стрелочников он свел с ума, когда они видели его бегущим впереди поезда. Должен тебе сказать...

— Не надо, — оборвал я призрака. — Я запрещаю. Ничего не хочу слушать.

— Как угодно, приятель, — согласился Хиггинс. — Но тебе придется привыкать. Потому что видеться-то мы будем часто. Где будет твоя тень, там появлюсь и я. — Он хохотнул и замолк. Я жал на педаль газа, кипя от негодования. Я должен от него избавиться. Обязан. И до приезда в Калифорнию. Но как, как это сделать?

Внезапно Спайк Хиггинс наклонился вперед.

— Остановись, — приказал он. — Остановись, говорю тебе!

Мы мчались по прямому шоссе, обсаженному кипарисами, за которыми виднелась болотистая земля. Причин для остановки я не находил. Но Хиггинс протянул руку и повернул ключ зажигания. А затем дернул вверх ручку ручного тормоза. Задние колеса заклинило, машину занесло, и мы чуть не оказались в кювете.

— Это еще что такое? — взревел я. — Мы едва не слетели с дороги. Веди себя как полагается, призрак паршивый. Еще раз протянешь руку...

— Спокойнее, приятель, — проворчал Хиггинс. — Просто увидел давнего дружка. Ловкача Самюэlsa. Последний раз-то мы виделись шестнадцать лет назад, аккурат перед тем, как он вставлял детонатор в динамитную шашку, чтобы взорвать банк в Мобиле. Да, похоже, соединил не те проводки. Надо его подвезти.

— Как бы не так! — завопил я. — Это моя машина, и я не собираюсь подвозить...

— Машина, может, и твоя, — пренебрежительно фыркнул Хиггинс, — но я — проживающий здесь призрак и имею полное право приглашать к себе других призраков, ясно? Раздел 11, подраздел Си. Взгляни, если не веришь. Эй, Ловкач, залезай.

Струйка тумана возникла у открытого окна, влетела в кабину, и на переднем сидении появился второй призрак.

Высокий, тощий, так же неряшливо одетый.

— Спайк, сукин ты сын, — загробным голосом пробасил он. — Где ты был? Что тут делаешь? А это что за тип? — Он мотнул головой в мою сторону.

¹ Пассажирский вагон.

– Не обращай на него внимания, – отмахнулся Спайк. – Я обитаю в его трейлере. Слушай, где все ребята?

– Кто где. Нельсон-Динамит шатается по округе. Пит-Южанин и Бенни-Буйвол в джунглях неподалеку от Толедо. Как раз собирался навестить их, да недавний ураган загнал меня обратно в Уиллинг.

– М-м-м, – задумался Хиггинс. – Может, мы будем проезжать мимо них. Пойдем-ка в мой трейлер, поболтаем. А ты, приятель, можешь останавливаться на привал, когда захочешь.

Оба привидения перебрались на заднее сидение, а потом исчезли. Внутри я весь кипел, тем более что никак не мог найти способа избавиться от непрошенных гостей.

Ехал я еще с час, проскочил Толедо, а затем зарулил на платную стоянку. Отдал служителю доллар, подобрал удобное место и заглушил мотор.

Войдя в трейлер, я не обнаружил ни Спайка Хиггинса, ни Ловчака Самюэlsa, грабителя банков. Не показались они и к обеду. В полном одиночестве я помылся, поел, лег в постель.

Заснул с надеждой, что Хиггинс покинул меня. Снилось мне Моника.

Проснулся я от тяжелого застоялого табачного запаха... Открыл глаза. К счастью, заранее подготовившись к самому худшему. Предчувствие меня не обмануло, но то, что я увидел... Спайк Хиггинс вернулся. Ха! Ха! Ха! Если бы просто вернулся. Он спал на противоположной койке, храпел с открытым ртом. Не слишком громко, всё-таки призрак, но достаточно внятно. Его приятель-грабитель устроился на верхней койке над ним. В кресле-качалке развалился новый пришелец, низкорослый толстяк с круглым, обрюзгшим лицом. Такой же призрак-бродяга.

Четвертый гость вытянулся на полу, тощий, косякловый. Еще один улегся на койке надо мной, вниз свешивалась его рука. Бродяги, все бродяги. Банда призраков, оккупировавшая мой трейлер.

Пепельницы переполняли окурки, на доселе гладкой полированной поверхности письменного стола темнели пятна ожогов: вероятно, зажженные сигареты просто клали на стол, не думая о последствиях. Эти подонки так закурили, что голова у меня буквально разламывалась от боли.

Я понял, что произошло. За ночь Спайк Хиггинс и его дружок собрали остальных членов банды. И привели их сюда. В мой трейлер. Я так разозлился, что перед глазами пошли красные круги. Но достаточно быстро взял себя в руки. Выбросить я их не мог. Причинить вреда – тоже. Не мог даже прикоснуться к ним.

Оставалось лишь одно – признать свое поражение. Уйти подбродить по зданию. Горькая пилюля, но иного выхода я не находил. Приехать к Монике и насладиться медовым месяцем, который мы планировали, я мог, лишь отказавшись от дальнейшей борьбы.

Быстренько одевшись, я выскользнул из трейлера, запер за собой дверь. Не без труда нашел владельца стоянки, хорошо одетого мужчину с суровым взглядом. Чувствовалось, что деньги у него водились.

– Хорошо провели время, не так ли? – Он подмигнул мне. – Свет у вас горел далеко за полночь, и вы что-то распевали. Не очень громко, поэтому я не заглушил вас. Но вижу, повеселились от души.

Я криво усмехнулся.

– Если б повеселился. Не мог заснуть. Встал и включил радио. Представляете, не могу сомкнуть глаз в этом трейлере. Наверное, такая жизнь

не для меня. Купил-то я его три дня назад, новехонький, за две тысячи девятьсот девяносто восемь долларов. У меня есть квитанция. Не хотите приобрести его за полторы тысячи? Потом вы легко продадите его, выгадав пару-тройку сотен.

Он пожевал нижнюю губу, сразу оценив выгодность сделки. В итоге мы сошлись на тысяче трехстах пятидесяти долларах. Я отдал ему квитанцию, получил деньги, отцепил машину от трейлера, сел за руль и позорно удрал.

На первом повороте я оглянулся. Ни Спайка Хиггинса, ни его призрачной банды.

Я даже позволил себе улыбнуться, подумав, как же он разъярится, уяснив, что его бросили. И даже не сожалел о потере чуть ли не двух тысяч долларов.

С каждой секундой настроение у меня улучшалось, и я всё сильнее жал на педаль газа, накручивая мили, отделявшие меня от трейлера. По крайней мере, мне удалось избавиться от Спайка Хиггинса и его дружков.

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха!

Каким же я оказался наивным.

Днем я уже катил по Иллинойсу. Монотонность равнины клонила ко сну, и я включил радио. И сразу же попал на экстренное сообщение полиции:

«Внимание, внимание! Дорожной полиции Индианы и Иллинойса. Ведется розыск четырехместного хромированного трейлера, украденного около полудня со стоянки близ Тоledo. Предполагается, что воры едут в западном направлении».

Я шумно сглотнул. Это невозможно! Но... речь-то, похоже, шла о моём трейлере. С недобрým предчувствием глянул я в зеркало заднего обзора. Дорога пуста. Я облегченно вздохнул. Слишком рано. В тот самый момент из-за поворота в полумиле от меня выехало что-то большое. И помчалось ко мне, пожирая разделявший нас отрезок шоссе.

Трейлер.

Ха!

Ха-ха!

Вон он приблизился, светло-коричневый, сверкающий хромом, его мотало от одной обочины к другой и мчался он сам, на скорости шестьдесят – семьдесят миль... без тянущей его за собой машины.

По коже поползли мурашки, волосы встали дыбом, я изо всей силы вдавил в пол педаль газа. Мой автомобиль резко набрал скорость. Скоро стрелка спидометра перевалила за цифру семьдесят, но расстояние между мною и трейлером таяло на глазах. Я добавил газа, скорость возросла до восьмидесяти, и тут я проскочил мимо патрульного, стоящего у мотоцикла на обочине. Я успел заметить его вылезшие из орбит глаза, поневоле удивившись, увидев трейлер, преследующий автомобиль, нас разделяло ярдов пятьдесят. Но патрульный мгновенно пришел в себя, вскочил на мотоцикл, завел мотор и бросился в погоню.

А тем временем, несмотря на все мои усилия, трейлер пристроился сзади, я услышал, как щелкнул замок соединительной муфты, и тут же моя скорость резко упала. Еще бы, на хвост повесили такую громадину. Из-за трейлера доносился рев полицейской сирены, но мне это было до

лампочки, потому что на переднем сидении материализовался Спайк Хиггинс.

– Ух! – ухмыльнулся он. – Эта гонка выпила всю мою энергию. Думал, что сможешь удрать от Спайка Хиггинса и его дружков, да? Как бы не так, приятель. Этот полицейский, похоже, не любит нарушителей закона. Так что тебя ждет веселенький разговорчик.

– Возможно, но вы-то что от этого выиграете, призраки паршивые! – вырвалось у меня. – Трейлер загонят в какой-нибудь гараж и оставят на долгие месяцы, пока меня будут судить за угон. То есть у нас появится и гараж с привидениями.

Хиггинс сунул два пальца в рот и лихо засвистал. В то же мгновение на заднем сидении появились чуть расплывчатые фигуры Ловкача Самюэlsa и трех еще неизвестных мне бандитов.

Хиггинс коротко обрисовал ситуацию.

– Теперь, парни, вы знаете, что нужно делать. Мы с Ловкачем берем на себя автомобиль. Вы – трейлер!

А патрульный тем временем уже катил параллельно автомобилю, положив одну руку на рукоятку пистолета, стремясь согнать меня на обочину.

Как сигаретный дымок, все пятеро выплыли через открытые окна. Я увидел, как Ловкач Самюэлс схватился за передний бампер слева, Хиггинс – справа. Их фигуры вытянулись параллельно асфальту, сплющились, превратились чуть ли не в плоскость, сведя практически до нуля лобовое сопротивление. И сразу же мы набрали скорость, о которой я не мог и мечтать.

Мотоцикл мгновенно отстал, стрелка спидометра ползла и ползла от одной невероятной цифры к другой. Патрульный, однако, продемонстрировал феноменальную реакцию. Выхватил пистолет и выстрелил. К счастью, пуля прошла мимо. Второго выстрела не последовало: слишком уж возрос отрыв.

Стрелка спидометра проскочила отметку девяносто миль, добралась до сотни и там замерла. Я молил Бога, чтобы шоссе осталось прямым, но мои молитвы не услышали. Впереди показался знак крутого поворота, после которого дорога по мосту переходила на другой берег глубоководной реки. Я окаменел. Не мог даже кричать.

В поворот мы вошли слишком быстро. Автоматически я нажал на тормоз и уже видел, как мы летим с обрыва в реку.

Но в тот самый момент, когда моя нога двинулась вниз, Хиггинс крикнул: «Алле-оп!»

И автомобиль с трейлером поднялись в воздух. И на высоте сто пятьдесят футов пролетели над рекой и городком на противоположном берегу.

Хотел бы я посмотреть на физиономию патрульного в тот момент, когда мы отрывались от земли. Впрочем, и моя собственная физиономия наверняка являла собой занимательное зрелище.

Когда городок остался позади, мы плавно спланировали на просеку в небольшом леске. Приземлились, как пассажирский самолет, чуть проехали вперед и остановились.

Спайк Хиггинс и Ловкач Самюэлс отпустили бампер, раздулись до прежних размеров. Спайк Хиггинс стряхнул призрачную пыль с призрачных ладоней.

– Как тебе, приятель? – спросил он. – Ловко, не правда ли?

– Как... – промямлил я. – Как...

– Пустяки, – усмехнулся Хиггинс. – Этому мы все обучены. Всего лишь левитация. Ну а теперь пора тебе познакомиться с парнями. Вы еще не представлены друг другу. Это Бенни-Буйвол, это Айк-из-Тоledo, а это Пит-Южанин.

Призраки – толстяк, высокий, худой, и третий, грустного вида, – появившиеся из-за трейлера, по очереди кивнули. Затем Хиггинс нетерпеливо махнул рукой.

– Поехали, приятель. Эта просека выведет нас на шоссе. Скоро стемнеет, а нам неохота оставаться на ночь в этом лесу. Тут территория Дэна Брейсера.

– А кто такой Дэн Брейсер? – спросил я, поворачивая ключ зажигания. Мне тоже не хотелось встречаться с еще одним привидением.

– Железнодорожный полицейский, – с усмешкой ответил Спайк Хиггинс. – По этой просеке не так давно ходили поезда. Зверюга, а не человек. Мог сбросить бродягу с движущегося поезда.

– Такой злой, что ему приходилось пить только черный кофе, – поддакнул Самюэлс. – Молоко сворачивалось под его взглядом, когда он наливал его в кружку.

– Не то что бы мы боялись его, – добавил Бенни-Буйвол, призрак-толстяк, – но...

– Мы его просто не жаловали, – прокричал Айк-из-Тоledo, и его грустная физиономия скривилась еще больше. – Разумеется, сейчас он не работает. Пару лет назад вышел на пенсию, а совсем недавно мне сказали, что он заболел.

– Лежит при смерти, – пробормотал Пит-Южанин.

– Лежит при смерти, – выдохнули остальные с оттенком страха в голосах.

Затянувшуюся паузу прервал Спайк Хиггинс.

– Хватит о Дэне Брейсере, – рявкнул он. – Вывези нас отсюда. О патрульном можешь не беспокоиться. Неужели ты думаешь, что коп доложит начальству об автомобиле и трейлере, взмывших в воздух, как самолет? Никогда в жизни. Он никому не расскажет о том, что видел.

Вероятно, он сказал правду, потому что, когда я выехал на шоссе, нас никто не преследовал. Вновь я взял курс на запад, а Хиггинс с друзьями удалились в трейлер, чтобы отдохнуть от дневных забот...

Я же гнал машину к побережью Тихого океана, к Монике. Отчаяние дожимало меня. Мало того, что я уже опаздывал, всё из-за Спайка Хиггинса, настоящего, чтобы мы сделали крюк и взглянули на Большой Каньон, беда заключалась в том, что я понятия не имел, как избавиться от этих навязчивых привидений. Не мог даже покинуть трейлер. Спайк Хиггинс мне это наглядно доказал. Из двух зол выбирают меньшее. Лучше тащить за собой трейлер с привидениями, чем удирать от этого же трейлера, несущегося, как на крыльях. С очевидным не поспоришь.

Но если я не мог избавиться от них, предстояло распрощаться с Моникой, свадьбой, медовым месяцем. И меня бесило, что какое-то бестелесное существо могло встать между мной и моим счастьем.

А тем временем мы преодолели горы и въехали в Калифорнию. Я уже начал думать о том, чтобы покончить с собой. Спайк Хиггинс и его братия, должно быть, чувствовали мое состояние и вели себя, как пайныки. Но я всё равно не находил способа отделаться от них.

И вот настал миг, когда я въехал в Голливуд, усталый и небритый, на-

шел стоянку для трейлеров, поставил машину. С тяжелым сердцем принял душ, помылся, переоделся.

Я не знал, что скажу Монике, но, запоздав на несколько дней, не мог не позвонить ей.

Телефон я нашел в каморке дежурного. Отыскал в справочнике телефон Иды Брейсер, так звали тетюшку Моника, набрал номер.

Трубку взяла Моника. В голосе ее слышалась тревога.

— О, Мел! — воскликнула она, едва я назвался. — Где ты был? Мы так волнуемся.

— Меня задержали, — с горечью объяснил я. — Призраки. Объясню позднее.

— Призраки? — Голос стал ледяным. — Ладно, раз уж ты объявился, я должна немедленно повидаться с тобой. Дядя Дэн умирает.

— Дядя Дэн? — эхом отозвался я.

— Да, брат тетюшки Иды. Раньше он жил в Айове, но несколько месяцев назад тяжело заболел и переехал к нам. И теперь он умирает. Доктор говорит, что счет уже идет на часы.

И тут до меня дошло. Я начал смеяться. Предчувствуя, что недалек час, когда праздник придет и на мою улицу.

— Уже еду, — сумел выдавить из себя я и положил трубку.

Всё еще посмеиваясь, я отцепил машину от трейлера. Спайк Хиггинс подозрительно глянул на меня.

— Отъеду ненадолго, — пояснил я. — И сразу же вернусь.

— Не задерживайся, — пробурчал призрак. — Мы хотим, чтобы ты повозил нас по округе и показал дома всех этих кинозвезд.

Десять минут спустя Моника, очаровательная Моника, открыла мне дверь дома. В прекрасном расположении духа я обнял ее и поцеловал. Она высвободилась, а затем как-то странно посмотрела на меня.

— Мел, что с тобой произошло?

— Ни-че-го. — Я чуть ли не пел. — Моника, дорогая, я должен поговорить с твоим дядей.

— Но он слишком болен, чтобы кого-то принимать. Он умрет с минуты на минуту.

— Тем более я должен как можно быстрее увидеться с ним. — И я протиснулся мимо нее. — Где он, наверху?

Я взлетел по лестнице. Вошел в комнату больного. Дядя Моника, крупный, когда-то крепкий мужчина с осунувшимся лицом и щетиной на подбородке, лежал на кровати, дыхание с трудом вырывалось из его груди.

— Мистер Брейсер! — позвал я.

Его глаза чуть приоткрылись.

— Кто ты? — прохрипел он.

— Я собираюсь жениться на Монике, — ответил я. — Мистер Брейсер, вы когда-нибудь слышали о Спайке Хиггинсе? Или Ловкаче Самюэлсе? Или о Бенни-Буйволе, Пите-Южанине, Айке-из-Тоledo?

— Слышал о них? — Глаза больного блеснули. — Ха! Еще как слышал. И не раз ловил их. Но все они уже умерли.

— Я знаю. Но они по-прежнему здесь. Мистер Брейсер, хотели бы вы вновь встретиться с ними?

— С ними? — Руки Дэна Брейсера сжались в кулаки. — Еще бы!

— Тогда, если вы подождете меня на кладбище в первую ночь после того, как... ну, в общем, подождете меня, я сведу вас с ними.

Бывший полицейский кивнул. Плотно улыбнулся, как тигр, увидевший добычу. Затем расслабился, закрыл глаза, и вбежавшая Моника тихо ахнула.

— Он умер.

— Ха-ха! — Я хохотнул. — Ха-ха-ха! Кое для кого это будет большой сюрприз.

Похороны состоялись двумя днями позже. За это время с Моникой я виделся редко. Она, разумеется, особенно не горевала, поскольку дядю знала плохо, но на ее долю выпало улаживание различных формальностей. А я ничем не мог ей помочь, потому что Спайк Хиггинс и компания использовали меня на полную катушку. Я возил их по всему Голливуду, от дома одной кинознаменитости к дому другой, и так до бесконечности. Побывали мы и в Малибу-Бич, и в Санта-Монике, и в Лаурел-Каньон. Не оставили без внимания и киностудии.

Моника, кстати, старалась избегать общения со мной, даже когда у меня выпадала свободная минутка. Но я этого не замечал, радуясь тому, что скоро сумею избавиться от Хиггинса и его дружков.

Мне удалось ускользнуть со стоянки для трейлеров, чтобы принять участие в похоронах Дэна Брейсера, и улыбка не сходила с моего лица, а иногда с губ срывался смех. Я знал, как обрадуется душа Дэна, добравшись до моих незваных гостей. Моника как-то странно смотрела на меня, но я решил, что потом всё ей объясню. На похоронах не следовало вдаваться в подробности.

После того, как гроб с телом Дэна Брейсера опустили в могилу, Моника заявила, что у нее страшно разболелась голова, и заперлась в своей комнате. Я вернулся на стоянку. Хиггинс и его дружки развалились на койках, опять курили мои сигареты. Хиггинс подозрительно оглядел меня.

— Приятель, нам пора трогаться в путь. Надоело сидеть на одном месте. Уезжаем завтра, согласен?

— Сегодня вечером, Спайк, — весело отвечал я. — Зачем ждать до утра? Сразу после заката и двинем. В далекие края. Тра-ля-ля-ля.

Он нахмурился, но не нашел, что возразить. Я же нетерпеливо ждал заката. И едва стемнело, выкатился со стоянки, держа курс на кладбище, где только что похоронили Дэна Брейсера.

Спайк Хиггинс хмурился всю дорогу, но так и не понял, куда мы едем, пока я не остановил машину у низкой каменной стены, неподалеку от могилы дядюшки Моника. Вот тут, взглянув на темное кладбище, он задержался.

— Слушай, а чего ты вдруг остановился? Поехали дальше.

— Одну минуту, Спайк, — успокоил его я. — Есть у меня небольшое дельце.

Я вылез из кабины и подошел к стене.

— Мистер Брейсер! Мистер Брейсер!

Я вслушался в темноту, ожидая ответа, но грохот длинного товарняка, железная дорога проходила совсем рядом, заглушил все звуки. А мгновение спустя среди могильных камней появилась туманная фигура.

— Мистер Брейсер! — позвал я. — Сюда, пожалуйста!

Фигура приблизилась.

Сгрудившиеся позади меня Спайк Хиггинс и его дружки с опаской следили за ней. И, наконец, поняли, кто перед ними.

— Дэн Брейсер! — прохрипел Спайк Хиггинс.

– Это он! – простонал Ловкач Самюэлс.

– Его призрак! – ахнул Пит-Южанин и заголосил: – О-о-о-о!

Они попятились, а Дэн Брейсер прибавил шаг. Не обращая на меня никакого внимания, двинулся на пятерку бродяг.

Спайк Хиггинс развернулся и пустился наутек, остальные последовали за ним. Все они мчались к железнодорожным путям, по которым еще грохотал товарняк. Дэн Брейсер уже наступал им на пятки. Отталкивая друг друга, Хиггинс, Самюэлс и Бенни-Буйвол забрались в один вагон. Пит-Южанин и Айк-из-Тоledo прыгнули в следующий.

Все они вскарабкались на крышу и оглянулись. Призрак Дэна Брейсера еще оставался на насыпи. Но потом вытянулась гигантская рука, схватилась за стойку, и через секунду Дэн оказался на крыше. И бросился к Хиггинсу и его друзьям. Те рванули к паровозу.

Более я их не видел – пять призраков в панике убегали, шестой преследовал их, предвкушая сладостный миг победы. Они исчезли из моей жизни, унеслись в восточном направлении.

К дому тетушки Моника я ехал, посмеиваясь про себя, довольный тем, как мне удалось избавиться от банды привидений. Теперь ничто не могло омрачить нашего с Моникой медового месяца.

– Мелвин! – осадила меня Моника, открыв дверь. – Над чем ты смеешься на этот раз?

– Твой дядя... – Я хохотнул. – Он...

– Мой дядя! – взвизгнула Моника. – Ты... ты мерзавец! Ты смеялся, когда он умирал! Смеялся во время похорон! Теперь ты смеешься, потому что он мертв!

– Нет, Моника, – возразил я. – Позволь мне объяснить. Насчет привидений и того, как я...

Она всхлипнула.

– Ворвался в дом... смеялся над моим бедным дядей Дэном... смеялся на его похоронах...

– Но Моника! – воскликнул я. – Всё совсем не так. Я только что с кладбища и...

– И ты пришел оттуда со ртом до ушей, – упрекнула меня Моника. – Я не хочу тебя больше видеть. Наша помолвка расторгнута. Да ты еще так жутко смеешься.словно привидение. От твоего смеха кровь стынет в жилах. Даже если бы ты не натворил ничего другого, я бы никогда не вышла замуж за мужчину с таким смехом. Вот твоё кольцо. Прощай!

И, оставив меня уставившимся на кольцо в руке, она захлопнула дверь. Таким вот получился итог. Моника – девушка серьезная, и уж если чего решит, то сделает обязательно. Она даже слушать не стала мои оправдания. Насчет Спайка Хиггинса и прочих призраков. А такому смеху я научился от них подсознательно. Не зря говорят: с кем поведешься, от того и наберешься.

И всё-таки мне удалось избавиться от этих чудищ. Но Монике я смог бы доказать свою правоту единственным способом – показав ей призрак Спайка Хиггинса.

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха!

Если кто-то хочет купить практически новый трейлер по дешевке, пусть связывается со мной.

Сергей ДЁМКИН

ТОНКИЙ МИР ВЫХОДИТ НА КОНТАКТ

Мудреный термин «транскоммуникация» используют только исследователи в области эзотерики. Насколько серьезно то, чем они занимаются, можно судить по объявлению в Интернете: «Российская Ассоциация Инструментальной Транскоммуникации ищет электронщиков и специалистов по радиофизике для участия в совместном проекте по технической связи с Тонким миром». А вот с проявлением загадочного феномена, который носит это название, сталкиваются обычные люди. Речь идет об «электронных голосах из ниоткуда», которые воспринимаются с помощью различных технических средств – телефона, радиоприемника, магнитофона, телевизора, компьютера.

Возможность общаться с бестелесными сущностями из тонкого мира, недоступными для наших пяти чувств, на первый взгляд кажется мистической фантастикой. Но практика говорит о том, что это вполне реально. Приведу хотя бы такой пример.

20 сентября 2000 года в вечерней программе НТВ Светлана Сорокина вела беседу с Михаилом Горбачевым, в частности о его покойной жене Раисе Максимовне. Это было как раз в тот день, когда родственники и друзья собрались на кладбище почтить ее память. В глазах первого и единственного президента СССР стояли слезы, когда он говорил о своей любимой. Под конец передачи он разволновался и неожиданно сказал:

– А сегодня ночью – представляете? – вдруг зазвонил телефон, и она говорит: «Привет!» Я отвечаю: «Привет! Ты откуда?» Но на этом разговор прервался...

Затем, слегка растерявшись из-за невольной вырвавшихся у него слов, Михаил Сергеевич добавил: «И я проснулся».

Что ж, Горбачева можно понять. Ведь не мог же он сказать на всю страну, что разговаривал по телефону со своей покойной женой. Вот и сослался на сон. Хотя, скорее всего, такой разговор на самом деле был.

АБОНЕНТЫ С ТОГО СВЕТА

Первые попытки сущностей из тонкого мира связаться с людьми были зарегистрированы еще в середине девятнадцатого века после изобретения телефона. Долгое время сообщения о «звонках с того света» не воспринимались всерьез, ибо это не только противоречило науке, но и не укладывалось в рамки здравого смысла. Однако с годами накапливалось всё больше и больше достоверных свидетельств того, что умершие люди могут с помощью телефона вступать в контакт с живыми.

А в 1923 году вышла книга под названием «Голоса с того света по телефону», в которой известный бразильский исследователь Оскар Д'Орагон привел записи своих телефонных разговоров с какими-то неизвестными собеседниками из потустороннего мира. Причем они якобы сами звонили ему, поскольку знали, что он не испугается и не повесит труб-

ку. Книга имела сенсационный успех, так как у автора была репутация серьезного исследователя паранормальных явлений. Однако прошло десять лет, прежде чем его последователи бразильцы П. Лапагесси и К. Пирес опубликовали собранные ими сведения о телефонных контактах с теми, кто пребывает на том свете. Они даже предложили сконструировать для этого специальный прибор, более чувствительный, чем телефонная мембрана, но никто из представителей инженерной мысли не поддержал их идею.

Впрочем, это не мешало абонентам из тонкого мира регулярно звонить живым. Итог такого многолетнего общения недавно подвел доктор Дженнифер Мэттинли из Манчестерского института по изучению паранормальных явлений:

– До сего дня лишь небольшое число людей знает, что телефонный звонок является наиболее распространенным средством коммуникации, с помощью которого умершие пытаются связаться со своими родственниками и друзьями на этом свете. Многие из нас когда-нибудь переживали подобное: глубокой ночью вдруг раздается звонок, но, сняв трубку, мы не можем расслышать ничего, кроме разрядов статического электричества. В девяти случаях из десяти это является попыткой умершего человека связаться с тем, кто был при жизни дорог ему, а статические разряды есть не что иное, как фоновый шум пространства и времени.

Доктор Мэттинли, врач и одна из ведущих специалистов в области изучения паранормальных явлений, задокументировала 1067 случаев телефонного контакта между покойниками и живыми в Англии, Франции и США. В половине случаев между позвонившим и его здравствующим родственником или другом произошел обмен фразами. В 204 случаях говорил только умерший. В обоих вариантах есть одна характерная деталь: потусторонний голос слышится четко, но как бы издалека, а по окончании разговора нет сигнала отбоя в виде прерывистого гудка. Впрочем, бывает, что не слышен и сам зуммер вызова. Человек снимет трубку, намереваясь кому-нибудь позвонить, и вдруг слышит знакомый голос того, кто уже ушел в мир иной. В остальных случаях потусторонних контактов голос «с того света» был неразборчив или тонул в шуме.

По словам доктора Мэттинли, одной из самых драматичных историй был диалог между 73-летней вдовой из Портленда (штат Орегон) и ее покойным мужем, продолжавшийся несколько минут. В этом случае, как и в большинстве других, расследование, проведенное позднее телефонной компанией, показало, что в указанное время аппаратура на станции не зафиксировала никаких звонков. Покойный супруг говорил вдове о своей любви к ней и расспрашивал о других родственниках и друзьях, однако категорически отказался обсуждать свое новое состояние и место, где он находится. Доктор Мэттинли считает это вполне понятным: «Ведь если бы мы имели представление о потустороннем мире, то перестали бы быть людьми».

– Основываясь на материалах исследований, проводившихся в течение четырех лет, я могу с уверенностью сказать, что подобные звонки – явление достаточно распространенное, – утверждает доктор Мэттинли. – А посему, когда в следующий раз вы услышите ночью телефонный звонок, не пугайтесь: все опрошенные свидетели, имеющие опыт общения с покойными, рассказывают, что разговор не вызвал у них никаких отрицательных эмоций, а, напротив, принес умиротворение и радость.

ТОЧКУ НАД «I» СТАВИТ МАГНИТОФОН

Решающим доказательством реальности «электронных голосов из ниоткуда» стали магнитофонные записи.

Как это ни парадоксально, но пионерами в этом оказались два католических священника, отец Джемелли и отец Эрнетти, занимавшиеся исследованиями в области музыкальной звукозаписи. Дело в том, что оба, и президент Папской Академии Джемелли, и всемирно признанный ученый, физик и философ Эрнетти, были большими любителями музыки.

В тот памятный день, 15 сентября 1952 года, Джемелли и Эрнетти записывали грегорианские песнопения в лаборатории экспериментальной физики в Католическом университете Милана. Но дело не ладилось, пленка на их магнитофоне всё время рвалась. Выведенный из себя, Джемелли посветовал: «Как жаль, что тебя нет. Мне сейчас так нужна твоя поддержка!» – подумав о своем покойном отце. К изумлению священников, им ответил голос отца, записавшийся на магнитофон: «Возьми себя в руки и успокойся. Я всегда с тобой».

Не поверив своим ушам, Джемелли спросил: «Неужели это ты, отец?» На этот раз очень ясный голос, в котором чувствовались шутливые нотки, сказал: «Конечно, я, Зукчини, а кто же еще? Ведь не Господь же». Джемелли вытаращил глаза. Никто не знал прозвище, которым отец дразнил его в детстве. Только после этого он, наконец, поверил, что действительно говорил со своим отцом.

Однако радость от неожиданного «воскресения» отца была смешана со страхом: имел ли он право говорить с мертвым? В конце концов, оба участника этого невероятного события отправились в Рим и попросили аудиенции у папы Пия XII. Отец Джемелли, глубоко взволнованный, рассказал понтифику о своем опыте и одолевавших его сомнениях. К его удивлению, Папа отнесся к услышанному спокойно: «Дорогой отец Джемелли, – сказал он, – вам не нужно об этом беспокоиться. То, что произошло с вами, не имеет ничего общего со спиритизмом. Магнитофон абсолютно объективен. Он принимает и записывает только звуковые волны, откуда бы они ни исходили. Этот эксперимент, возможно, положит начало новым научным исследованиям, которые подтвердят веру людей в жизнь после смерти».

После этого визита Джемелли убедился, что вел себя правильно. Но отец Эрнетти убедил его больше не повторять их опыт и никому не рассказывать о нём – иначе газетчики не дадут им жить. Поэтому отчет об их контакте с тонким миром был опубликован только в 1990 году. К этому времени его возможность была достоверно подтверждена и другими исследователями.

Первым это сделал в 1959 году шведский кинопродюсер Юргенсон, записывавший на магнитофон пение птиц. Он был потрясен, когда, прокручивая одну из записей, услышал мужской голос, что-то говорящий о «пении птиц в ночное время». Тогда Юргенсон стал прокручивать и другие кассеты, и на одной из них раздался голос его покойной матери: «Фридель, мой маленький Фридель, ты слышишь меня?» Юргенсон рассказывал, что когда он услышал голос своей матери, то понял, что сделал важное открытие. Он стал ездить в лес и там, где была полная тишина, включал магнитофон и произносил ключевую фразу: «Я слушаю. Говорите!» За последующие четыре года Юргенсон записал десятки паранор-

мальных голосов, которые затем прокрутил на международной пресс-конференции, а в 1964 году опубликовал расшифровку записей в книгах «Голоса из Вселенной» и «Радиокontakt с мертвыми».

Эти книги проштудировал скептически настроенный латвийский психолог доктор Константин Раудив. Он встретился со шведом и, убедившись, что его записи не подделка, тоже решил заняться опытами с потусторонними голосами, но по своей, разработанной им методике. Как и Юргенсон, первое, что услышал Раудив, был голос покойной матери, назвавшей его детским именем: «Костулит, это твоя мама». В конечном итоге Раудив составил огромный каталог из тысяч голосов, многие из которых были записаны под строгим контролем.

В качестве примера можно привести эксперимент, проведенный в 1971 году инженерами из ведущей американской компании звукозаписи. Они пригласили Раудива в акустическую лабораторию, где установили специальное оборудование, чтобы блокировать любые радио- и телевизионные сигналы. Ему не разрешили даже касаться магнитофона, а лишь позволили говорить в микрофон. Причем одновременно был включен и второй, контрольный магнитофон. Запись велась в течение восемнадцати минут, и никто из участников эксперимента не слышал никаких посторонних звуков. Но когда специалисты прослушали ленту, к их изумлению, там оказалось более двухсот голосов!

В шестидесятых и семидесятых годах экспериментирование с феноменом магнитофонных голосов стало очень популярным в Америке и Европе, хотя слышали их далеко не все. Исследователи паранормальных явлений считают, что далеко не каждый человек может записать их. Для этого нужны особые экстрасенсорные данные у того, кто использует магнитофон.

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ ТОНКИЙ МИР

Впрочем, телефон и магнитофон были только началом контактов с тонким миром. Вслед за ними пришла очередь радио и телевизионного экрана.

Наиболее впечатляющих успехов в эфире добился Ганс Отто Кениг. Для связи с потусторонними сущностями этот талантливый радиоинженер разработал новую технологию с комбинированным использованием высокочастотных осцилляторов и сверхчувствительных приемников. В 1983 году он выступил в эфире крупнейшей европейской радиостанции «Радио Люксембурга». Ведущий Райнер Холбе позволил Кенигу установить в студии свою аппаратуру, устройство которой тот держал в тайне, под строгим контролем инженеров радиостанции. Когда всё было готово, один из инженеров, не подозревавший, что ведущий уже включил эфир, с сомнением спросил: «Неужели сущности с того света могут заговорить прямо здесь, в студии?» И тут же раздался громкий ответ: «Мы слышим ваш голос. Отто Кениг вошел в радиокontakt с мертвыми». Потрясенный Райнер Холбе обратился к миллионам радиослушателей по всей Европе: «Я говорю вам, дорогие слушатели "Радио Люксембурга": клянусь жизнью моих детей, что ничего не было подстроено. Это был чей-то чужой голос, и я не знаю, откуда он исходил». Однако на этом радиомост с тонким миром, к сожалению, прервался.

Впрочем, исследования возможности контактов с представителями за-

гробного мира отошли на второй план, когда выяснилось, что потусторонние сущности можно увидеть на телеэкране и даже поговорить с ними.

Первым это удалось инженеру-электронщику Клаусу Шрайберу. Об общении с покойниками он вовсе не думал, а просто разрабатывал новую телевизионную антенну. В июле 1990 года, когда она была готова, инженер решил испытать ее и подключил к телевизору. И вдруг вместо кадров телепередачи на экране возникло... изображение его дочери Карин, четыре года назад погибшей в автокатастрофе в возрасте 18 лет, с которой Клаус был очень близок. Девушка заговорила с отцом, правда, ее голос заглушался помехами.

После первого непродолжительного сеанса Шрайбер с удвоенной энергией взялся за усовершенствование антенны. Вскоре он мог видеть и слышать дочь, а затем и покойную жену. Но этим дело не кончилось. В дальнейшем на его телевизионном экране из хаотического фона стали появляться и другие сущности из тонкого мира, включая лица Альберта Эйнштейна и австрийской актрисы Роми Шнайдер.

Однако, как утверждают исследователи феномена инструментальной транскоммуникации, случай со Шрайбером исключительный. Экранные изображения усопших более редки, чем записи на магнитную ленту. Считается, что на сегодня сотни человек по всему миру делают записи голосов и только единицам удается получить изображение на экране телевизора. За последние тридцать лет пять таких случаев были зарегистрированы в Германии, три – в Англии и один – в Бразилии. Обычно это происходит спонтанно. Когда на каком-то канале вещание не ведется, но он остается включенным, на экране посреди ряби вдруг начинает возникать лицо усопшего человека, а иногда слышится и его голос.

ПРИЗРАКИ ЗАСЕЛЯЮТ ИНТЕРНЕТ

В последнее время список каналов связи с тонким миром пополнил еще и компьютер. Первый «сбой» на экране монитора произошел в 1980 году, когда на нем стали сами собой появляться короткие фразы, которые одновременно произносил чей-то «замогильный» голос. Затем люди стали получать по электронной почте послания от умерших родных и близких, причем их содержание однозначно говорило, что это не чей-то розыгрыш.

Самая невероятная история приключилась с английским профессором Кеном Вебстером, который в течение пятнадцати месяцев общался через компьютер с покойниками, жившими в шестнадцатом веке!

Ученый муж совершенно не интересовался паранормальными явлениями, а тем более контактами с представителями загробного мира. Однажды он получил по электронной почте послание от неизвестного ему лица по имени Томас Харден, утверждавшего, что в 1546 году он умер в доме, на месте которого сейчас стоит дом Вебстера. Скорее всего, профессор не обратил бы внимания на «дурацкое» послание, если бы его автор не изъяснялся на староанглийском диалекте. Едва ли кто-нибудь стал учить его, чтобы заниматься розыгрышами. Поэтому Вебстер вступил в переписку с необычным корреспондентом. Кстати, позднее существование в шестнадцатом веке человека по имени Томас Харден, а также некоторые детали из того, о чём он рассказывал, было подтверждено старинными документами из библиотеки Оксфорда.

Поразительно, но из своего загробного мира Харден видел компьютер, с помощью которого он общался с Вебстером. Правда, системный блок он называл «ящиком с огоньками», а дисплей – «светящейся доской для письма». Появление на жестком диске и мониторе посланий от него своему земному собеседнику средневековый корреспондент объяснял так: тексты, а их общее число за время необычной переписки превысило три сотни, возникают в «ящике с огоньками», когда он, Харден, хочет что-нибудь сказать Вебстеру, и оттуда «перетекают» на «светящуюся доску».

Постепенно компьютер профессора Вебстера превратился в электронный почтовый ящик и для других соотечественников Хардена. В конце концов это общение с потусторонним миром прервалось так же внезапно, как и началось. Впоследствии англичанин опубликовал книгу «Вертикальная плоскость», в которой привел послания тех, кто жил почти пятьсот лет назад.

Можно привести и другой необычный случай длительного электронного общения с сущностями из тонкого мира, которое поддерживал известный исследователь паранормальных явлений Альберт Холифкот. Началось это общение в 1996 году, когда, блуждая по Интернету, на сайте знакомств он вступил в диалог с женщиной, которая назвалась Кэролин.

«Она была очень кокетливой, правда, обращал на себя внимание ее несколько старомодный язык, – вспоминает исследователь. – Моя виртуальная собеседница несколько раз повторила такое антикварное выражение, как "безлошадный экипаж". Это побудило меня прямо спросить: уж не дух ли она? Поначалу она отвергла мое подозрение, но под давлением всё же призналась, что утонула в 1911 году в возрасте 21 года».

Кэролин поведала Холифкоту, что она не единственная сущность из потустороннего мира, блуждающая по Интернету. Там постоянно присутствуют души девушек, умерших, не успев изведать ни любви, ни замужества, которые знакомятся с мужчинами по всему миру, предпочитая доверчивых молодых людей. Дальнейшие исследования, по словам Холифкота, убедили его, что в мировой компьютерной сети можно обнаружить множество электронных духов, в основном женского пола. И вот что интересно: исследователю встречались только сущности людей, умерших после 1868 года – после изобретения пишущей машинки. Видимо, те, кто умер раньше, за редким исключением доступа в Интернет найти не могут.

P.S. В настоящее время ученые не могут объяснить феномен инструментальной транскоммуникации, хотя и не отвергают ее возможность. Существует гипотеза, достаточно обоснованная и подкреплённая достоверными фактами, согласно которой сознание человека не исчезает бесследно с его физической смертью. Оно сохраняется в виде самостоятельной, или, как говорят ученые, дискретной сущности в энергоинформационном глобальном поле. Традиционно говорят о бесплотной душе, которая пребывает загробном или тонком мире. Но дело не в терминах. Главное то, что неопровержимо доказано: информация оттуда поступает в сознание людей, обладающих экстрасенсорными способностями, которых называют медиумами.

Следовательно, вопрос лишь в том, могут ли эти сущности устанавливать информационный контакт с живыми людьми с помощью технических средств. Судя по множеству собранных за последнее время фактов, ответ однозначен – да.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Ну что ж, дорогие друзья, пришла пора опять нам встретиться и поговорить серьезно. А то что ни рейс нашей Телеги – то всякие шутки-прибаутки, анекдоты да байки. Нет уж – сегодня разговор пойдет серьезный. О самом, можно сказать, главном – о красоте.

И действительно: если вдуматься, люди согласны быть какими угодно – но только красивыми. Девушки красятся, парни качаются... И те, и другие делают это, чтобы хорошо, красиво выглядеть. А некоторые, самые умные, поступают проще: покупают эту красоту уже готовую. В бутиках модных фирм, в магазинах одежды... Или долгими зимними вечерами сами шьют себе наряды, чтобы летом выглядеть круче всех. Моднее.

Вот об этом самом непонятном явлении, именуемым модой, и решили сегодня мы потолковать. Вначале попробуем себе чего-нибудь сшить (как раньше говорили, «построить»). Потом отправимся в город Скипидарск, который придумали юмористы из замечательного журнала «Красная бурда» – на Недельку высокой моды. Ну и познакомимся с одним из тех, кто эту самую высокую моду создает.

Рисунок В. Ранних

ПРИМЕРКА

– Простите, я просил двубортный пиджак!

– Вам однобортный лучше. Со стороны виднее, поверьте!

– Мы договаривались, что брюки прямые, а вы сделали расклешенные!

– Радиус ваших ног не позволяет...

– На черном пиджаке зеленые пуговицы! Вы в своем уме?!

– У вас зеленые глаза. К ним в тон зеленые пуговицы!

– Кто вам сказал, что у меня зеленые глаза? У меня они карие!

– Зеленые, как клубника!

– Клубника красная!

– Перестаньте! Я пятьдесят лет ее ем! Соленая, длинная!

– Вы путаете клубнику с селедкой! Как же вы шьете?!

– Как все кутюрье. Иголкой и ниткой.

– Мне нужен приличный костюм на свадьбу!

– Поверьте, она вам не пара.

– С чего вы взяли?!

– Вам непросто подобрать пару! У вас нестандартная фигура.

– Вы имеете в виду радиус ног?

– И диаметр головы. Вы умный, но некрасивый. Для счастливого брака ищите противоположность: дуру с хорошей фигурой.

– Я нашел! Эта дура ждет от меня ребенка!

– Не дождется! Он не от вас!

– Вы так думаете?

– Уверен!

– Назначен день свадьбы. Как-то неудобно...

– Удобно!

– Пиджак жмет под мышками и брюки в промежности...

– Разносится! Из-за отмены свадьбы начнете нервничать, похудеете – через месяц костюмчик сядет как влитой!

– Значит, вы думаете...

– Я не думаю, я уверен! Доверьтесь мастеру!

– Уговорили. Сколько с меня?

– Пять тысяч.

– Держите!

– Минуточку! Здесь пятьсот рублей!

– Я семь лет работаю в банке с деньгами. Это пять тысяч!

Доверьтесь мастеру!

Рисунок М. Шлафера

НЕДЕЛЬКА ВЫСОКОЙ МОДЫ в городе Скипидарске

Репортаж с петлёй на пуговке

Ажиотаж был необычайный!

К примеру, на показ знаменитой Миры Пластилининой было не пропустить. Сторож в стильном камуфляже был неумолим и твёрдо заявил: «Какой, нахрен, показ в девять вечера, идите все отсюда!»

И только подъехавший Валентин Юбашкин смог повлиять на ситуацию и разъяснить собравшимся, что показ перенесен из ДК Тростильщиков в ДК завода ЖБИ.

Там же проходили и все остальные показы. Крупнейший в Скипидарском крае Бабьегорский Камвольный комбинат представил супермодную хлопчатобумажную ткань всевозможных оттенков баклажана!

От баклажановатого до баклажановистого и дальше до неистового-баклажанового, насыщенного, даже, можно сказать, нафаршированного для пущей глубизны красной помидорной нитью!

Невольно подумалось: как замечательно смотрелись бы эти наряды не на моделях, а рядом с ними, небрежно сброшенные на спинку кровати!..

Модельеры Кольша и Каббанов представили новую коллекцию Диора, купленную по сходной цене в Париже, что на Челябинщине.

Дольче и Гиббона представили новую коллекцию одежды, предназначенной для российских сотрудников ГИБДД. Судя по всему, стиль «уни-секс» уходит из придорожных кустов, и в этом сезоне всё вернётся к старому доброму «гомосексу».

Вероника Сердючки предложила зрителям подчеркнuto гладкий строгий перёд и абсолютно раскрепощённый, оттопыренно подчёркнутый зад.

Японка Факуоки Факуяку решила в этом году опустить грудь. Грудь изящно ниспадает почти до самых колен, повторяя линии бёдер. Специально для этого показа были приглашены кривоногие модели из скипидарского Дома быта.

Заметным явлением также стала выставка гламурных украшений из стразов от Свердловски.

Большой интерес у публики вызвала коллекция брюк Андрея Двушарова – прямо-таки фонтан новых, порой революционных идей!

Брюки с двойной стрелкой, брюки с отворотами на коленях, брюки-носки, брюки с гульфиком-купе, брюки с косой шириной, брюки, брюки, брюки! От обилия самых невероятных брюк просто рябило в ушах!

Свежий, незамысленный взгляд на втачные карманы представил Альфинур Агьямов в своей коллекции «Карман-сюита».

Косой крой! Ох уж этот косой крой! Во времена господства тоталитарной совковой модельерщины косой, кривой, скошенный, «небрежный» крой был альфой и омегой, дольней и габбаной тогдашних кутюрье, а по правде говоря – коекактерье!

Казалось, навсегда ушли те времена, но нет! На этот раз Сава Дизайнцев представил коллекцию «Серп и брюки», в которой использовал исключительно косой крой и кривые лекала!

А вот модельер Алевтино, который, как известно, одевает Бритни

Спирс в период ремиссии, в этом году основное внимание уделил дамским сумочкам; за что и был задержан милицией прямо в зале во время показа.

Ну и конечно же, все ждали ответа на вопрос: что же такое современный Ив Сент Логан? Оказалось, современный Ив Сент Логан – это идеальный крой, великолепный подбор тканей, восхитительные аксессуары и совершенно безобразные, безвкусные и отталкивающие цены! На этот раз маэстро представил новинку – мужское свадебное платье, щедро украшенное флёр-дефлоранжем.

Но главная сенсация, которую принесла Неделя Высокой моды, – косяк клетка ушла в прошлое! Об этом мне по секрету рассказал главный редактор самого гламурного журнала города «Кроссворды» Дата Юдаш-кия.

А что же взамен? Взамен пришла максимальная простота и доступность одежды. Казалось бы, чего проще – бюстгалтеры из скотча и одноразовых стаканчиков! А вот, пожалуйста, – овации публики и попытки ряда дам сразу же соорудить на себе нечто подобное!..

* * *

Ну и, конечно же, масса всего интересного происходило не только на подиумах, но и за кулисами.

Благодаря столичным гостям ваш покорный слуга узнал, что в столичных туалетах, оказывается, принято нюхать кокаин, а вовсе не то, что мы всю жизнь нюхаем в туалетах (хлорку).

Удивил всех местный фотограф из «Салона Матюкова», некто Матюков, который вместо вспышки поджигал магний так же, как его прапрадед сто лет назад. С цифровым фотоаппаратом это и впрямь смотрелось гламурно, старомодно и нелепо.

Заставил о себе говорить и знаменитый Д. Кирзаччи, когда пришел на банкет со своей новой подружкой – швейной машинкой «Зингер».

Мэр скипидарского гламура Е. Е. Разбойников каждый вечер менял свой строгий чёрный костюм на вполне демократичный чёрный костюмчик, и его решительно никто не узнавал.

И в заключение хочется отметить, что на финальном банкете больше всех накутюрьенился, я бы даже сказал, накутюрячился известный модельер Кальсониади из города Гусь-Гламурный.

*Мих. Ушлый,
специально для газеты «Скипидарский рабочий»*

Ну вот они – герои наших дней. Один из тех, кто делает красивыми и неповторимыми. Как неповторим и он сам...

БОМЖАН ТРЯПЬЕ

Знаменитый французский кутюрье

Бомжан Тряпье. Безудержный фантазер как на подиуме, так и личной жизни. Обладатель премии «Золотой наперсток» за успешную работу на лучших вокзалах Парижа...

Он создает шляпки из живых медуз и осьминогов, дворницкие метлы и швабры в чехлах из змеиной кожи, парики из травы, водорослей и колючей проволоки, набедренные повязки из пивных бутылок, сумки из эмалированных кастрюль, шьет брюки из гофрированных шлангов ассенизаторских машин, портмоне из сдобных булочек, босоножки для собак и потрясающие ремни для детей.

Созданные им носки до сих пор стоят особняком от разработок других кутюрье.

Экстравагантные шляпы стали визитной карточкой маэстро. Публика с нетерпением ждет его появления на публике: «Что же еще наденет на голову этот придурье?»

О его творениях поэт Бомаршак сказал, что это хорошо постиранная, отутюженная и прикрывающая срам музыка.

* * *

Великий французский кутюрье Бомжан-Коль Тряпье родился в знаменитом парижском предместье Ле-Блюе от брака завода резинотехнических изделий в семье бухгалтера и бухгалтера. Отец и мать маленького Бобо, Перекатиполь Тряпье и Жозефина Рванье, работали на двух конкурирующих предприятиях по переработке отходов, или, попросту говоря, на свалках, которыми всегда славился Ле-Блюе. Родители не видели для сына иного будущего, кроме профессии бухгалтера, а мальчик – видел.

Тем более что наследственность у него была что надо: дедушка Бомжана, Серж Тряпман, выходец из Одессы, когда-то возглавлял департамент финансов Франции и немножко шил.

Вот и у Бомжана довольно рано обнаружился талант – рисовать полуодетых или совсем раздетых женщин.

Поскольку денег на модные журналы у родителей Бомжана не было,

весь дом Тряпье был завален альбомами «Одень Мари», «Одень Беатрис» и другими. Кстати, эти альбомы служат ему источником вдохновения до сих пор.

Вскоре родители продали свой домик в Ле-Блуме и купили хлеба. А юный Бомжан переехал жить в Париж.

Работать он стал у Жана-Баттиста Похмелье. Бомжану, с его обычной (поначалу) сексуальной ориентацией, пришлось тяжело в среде типовых парижских кутюрье. Приходилось по полчаса целоваться и с Валентине Петровичем Логопельдом, и с Ив Сент Майораном, и с Карлом Бухенвальдом. На самостоятельную творческую работу времени уже не оставалось. А ведь юноша был безумно трудолюбив. Он часто задерживался в ателье дотемна, а иногда даже ночевал там с кем-нибудь из манекенщиц или манекенов.

В начале своей кутюрье Тряпье шил одежду только для друзей, но друзей из-за этого становилось всё меньше. Тогда Бомжан начал шить на заказ.

В 1960 году молодой модельер разработал форму для знаменитого авиаполка «Нормандия-туман». Дерзко открытая грудь летчиц приводила в священный трепет некоторых алжирских борцов с французскими колонизаторами. Пролетая над позициями повстанцев, летчицы сбрасывали не только бомбы, но и наряды гениального кутюрье.

Примерно тогда же Тряпье создает огромное количество и другой экзотической одежды, такой как:

- костюм для приговоренных к одиночному пожизненному заключению;
- утонченные зауженные памперсы для редкописающих детей;
- ослепительно белые брюки-клевш, маленькие береты и купальники для французских полярников.

Мало кто знает, что кроме непромокаемой куртки-ветровки, он изобрел такие же непромокаемые брюки-противоветровки.

Саваны его работы пользовались таким успехом, что в морги выстраивались целые очереди из покойников.

Созданные для госпиталя Св. Елены бахилы до сих пор пользуются дикой популярностью у посетителей. А высшие чины французской армии

Рисунок В. Кривонозжева

до сих пор с удовольствием пользуются только противогазами дизайнера Бомжан-Коля, которые не столько спасают их обладателей, сколько украшают их лица, придавая им мужественность.

Кутюрье активно использует в своих моделях перья, будь то строгий смокинг, рабочая спецодежда или подушка. На доках Марселя до сих пор можно встретить портовых грузчиков с перьями, элегантно торчащими на плечах и спине. Даже не переодеваясь, эти рабочие участвуют в европейских лав-парадах.

* * *

Безумные 60-е оказали серьезное влияние на мир моды. Что касается Бомжана, то он завязал с наркотиками лишь после того, как на его глазах одна из моделей села в корабль к инопланетянам и улетела.

Карьера Тряпье шла по нарастающей. По заказу кинорежиссера Сидора Гибрзуэя Бомжан создает костюмы к его фильму «Бог, Змей, Ева и её любовник». Вслед за этим из-под его кисти вышли костюмы Супермена, Бэтмена, Спайдермена и Цукермана для многих голливудских и одного израильского блокбастеров.

Зрители – частые гости на показах его коллекций. И великий выдумщик Бомжан Тряпье редко обманывает ожидания публики. Именно Тряпье первым вывел на подиум безгрудых моделей, чтобы показать всю отвратительность женского тела. Именно Тряпье первым додумался поднять подол платья до подбородка. Именно Тряпье сломал стереотипы и начал свободно сдвигать мужскую ширинку с её привычного места на те части костюма, которые ему подсказывала его буйная фантазия. И именно Тряпье первым стал использовать свои позапрошлогодние коллекции как новые.

Некоторое время Жан-Коль увлекался одеждой для клоунов, но затем переключился на певцов. Специально для Монтсеррат Кобалье он создал бикини из театрального занавеса.

Затем, уже в начале 90-х годов, разработал знаменитый конусообразный бюстгальтер для артистки Мадонны. Мадонне даже пришлось с помощью хирурга придать своей груди форму конуса.

А после того, как Бомжан сшил по заказу парадный мундир для Джорджа Буша, он стал желанным гостем у талибов и в среде северокорейского бомонда.

* * *

На сегодняшний момент Бомжан Тряпье перешил самого Диора, перешил самого Гальяно, перепорол Дольче и Габбано вместе взятых!

У него мечтают работать лучшие модели мира. Такие, как Клаудия Шнифер, Линда Каннибалиста, Объёмы Дембел и другие. Их можно понять. А что? Работа хорошая: зарплата вовремя, есть столовая. На работу не к 8.00, а к 9 часам. Дают отгулы, есть свой садик, турбаза. Увезут-привезут...

В свои шестьдесят лет Бомжан Тряпье по-прежнему бодр, подтянут, всегда гладко выбрит и неброско покрашен.

В редкие месяцы досуга он смело экспериментирует в своем любимом сумасшедшем доме на Лазурном побережье. Коллекции одежды для инопланетян, тараканов и сосновой рощи по праву украсили мусорные вёдра тихого и буйного отделений.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на наш журнал на 2009 год непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться простой или заказной бандеролью (по желанию подписчика).

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим заказ не позднее 5-го числа подписного месяца. Если будет возможность – выполним и более поздние заказы.

Стоимость одного номера с пересылкой – 70 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте этой страницы и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4
ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «Мы» на 2009 год на следующие номера:

7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Журнал прошу высылать простой / заказной бандеролью (подчеркните)

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

ВАРВАРА
«ВЫШЕ ЛЮБВИ»

Милая, симпатичная пластинка для тех, кто любит поп-фолк российского разлива. Эта музыка — дерзкий сплав самых разных музыкальных тенденций. Здесь вы встретите элементы фольклора разных народов, классического рока, соула, фанка и вполне традиционной европейской поп-музыки. Можно назвать это и русской версией world music.

Эффектная голосистая этно-поп-дива Варвара, о которой последние годы говорят не иначе как о «большом прорыве» нашей музыкальной сцены, включила в новый сольный альбом тринадцать своих лучших композиций. Большею частью это мелодичные, красивые, распевные опусы о девичьей любви, печалях, радостях, снах, небесах, бабочках, мистических превращениях и т. д. Среди авторов музыки такие известные композито-

ры, как Александр Лунев (автор хитов Димы Билана), Игорь Корнилов, Владимир Молчанов (писавшие для Аллы Пугачевой) и др.

В аранжировках использованы этнические мотивы, звучание экзотических инструментов, броские сэмплы, своеобразный бэк-вокал. Сама Варвара здесь очень свежа, задушевна, чувственна. Наиболее сильное впечатление производят уже раскрученные на радиостанциях «Грёзы», а также такие треки, как «Две стороны Луны», «Выше любви», «Тихо таял снег», «На краю», «Музыка Рождества» и романтическое посвящение «самой себе» — «Варвара».

Не стоило, однако, включать в альбом кавер-версию знаменитого хита Эндрю Ллойд Уэббера Методу из мюзикла «Кошки» и легендарную Ave, Maria Дж. Каччини. Эти произведения очень трудно исполнить лучше, чем сделали это великие певицы — предшественницы Варвары. И если уж ты берешься за шедевры — петь их нужно так, чтобы все ахнуло. Здесь же сенсации не случилось.

Конек Варвары, несомненно, — лирические, воздушные песни. Может, ей стоит попробовать создать медитативный репертуар — для релакса, упражнений по йоге, погружения в нирвану. Певица демонстрирует прекрасные вокальные данные, особенно нежно и проникновенно звучит ее голос в верхнем регистре и на субтоне. То отстраненно-прохладный, отрешенный, то по-девичьи теплый, доверительный, он обладает легким гипнотическим воздействием.

U-2 NO LINE ON THE HORIZON

Вот уже более тридцати лет эти ирландские музыканты, однажды собравшись вместе (и ни разу не изменив друг другу), не перестают радовать своих поклонников потрясающе талантливой, какой-то очень человеческой, честной и мелодичной рок-музыкой. Кто-то считает их творчество более приближенным к поп-жанру, но загадка великого креативщика и экспериментатора Боно (фронтмена группы и генератора идей) заключена именно в способности соединять несоединимое и тем самым ставить в тупик даже самых искушенных меломанов и критиков.

Прекрасные лирические, напевные темы, положенные на спокойную ритм-основу, благодаря строгому и вместе с тем мягкому, лаконичному и вполне оптимальному гитарному аранжementу, воспринимаются как романтически роковые, но никак не попсовые. Это философские, житейские баллады с извечным уклоном музыкантов в политику, глобальность и проблемы экологии (No Line On The Horizon, Moment Of Surrender, Get On Your Boots, Breathe, Cedars Of Lebanon). Можно при желании назвать это и камерным роком, и мягким панком, и просто песнями, «зовущими в бой». Мне кажется, U-2 были во многом предтечей Виктора Цоя и группы «Кино». Во всяком случае, извечная цоевская грусть «в ожидании перемен» и музыкальная эстетика «Кино» очень созвучны тому, что делают Боно, Эдж, Клейтон и Маллен Джуниор (если бы только наши умели играть так, как ирландцы!).

Абсолютно роковый и вокал Боно – высокий, дерзкий, где-то эпатажный, неровный и нервный, иногда залихватский, чуть истеричный, иногда отстраненно-задумчивый, интровертивный. Но как бы Боно ни

пел, он всегда завораживает, магнетизирует. Внешне суровый, твердый, как камень, и бескомпромиссный, в политике он был бы, наверное, Че Геварой. Или Фиделем (если бы разделял коммунистические убеждения). Много и довольно звонко подпевают ему в альбоме Эдж (бессменный гитарист U-2), а также Дэни Ланойс и легендарный композитор и продюсер Брайан Ино, сотрудничающий с музыкантами группы более двадцати лет.

Самая красивая композиция – White As Snow. Порхание снежинок скуповато, но точно изображено в музыке при помощи клавишных. Это удивительно тонкое и нежное кружево. Абсолютный хит, который хочется слушать несколько раз подряд.

ROMA KENGA «ТАМ, ГДЕ ЛЮБОВЬ»

Это очень модный сегодня мелодичный компьютерный поп. Все песни написаны и исполнены новым российским артистом, для которого этот диск – первая проба сил. Высокий, худой Рома напоминает лондонского денди со смурным взглядом. Но это всё так, понты. Всё на самом деле гораздо проще.

Замиксованные мелодии легки, воздушны, прозрачны, хотя в музыкальном отношении отнюдь не сложны. Причем здесь более заметна работа аранжировщика и звукооператора, нежели композитора. Оценить вокальные возможности артиста тоже затруднительно, поскольку его голос целиком пропущен через компьютер с многократной обработкой. И если убрать все технологические примочки, от певца, думаю, мало что останется. Хотя в целом готовый материал звучит как будто неплохо и довольно талантливо.

Некоторые опусы напоминают стиль и почерк Максима Фадеева – короткие запоминающиеся ритмич-

Группа «СКРЭТЧ» «ОСЕНЬ YOU»

Много самомнения, апломба, энергии, а по большому счету – это просто дерзкое желание казаться очень взрослыми. Молодые музыканты снедаемы мальчишеским комплексом «нас не понимают, не признают, а мы – есть и заставим слушать себя». Почти все песни – это многозначительное баритонально-брутальное произношение то весьма конкретных по содержанию, то довольно туманных, несусветно закрученных и иногда дидактических текстов на фоне прямолинейно жесткого и очень банального гитарного инструментала.

ные музыкальные формулы, словно растворяющиеся в воздухе (People, Let Me Be Your Guide, «Этот мир без тебя», «Падай»). Потенциально хитовая и композиция «Новые моря».

Часть песен написана на английском языке, часть – на русском. Все тексты очень просты, малосодержательны и даже банальны. Чаще это графомания. «Там, где любовь упадет к твоим ногам, если хочешь, подними, если хочешь, я отдам всё, что есть у меня, ради взгляда одного напротив». Чушь собачья. Это называется «что вижу, то и пою». «Снова дождь, и светофоры против нас, секунды превращают в вечность, а нашу любовь – в беспечность...»

В общем, сказать артисту нам с вами, увы, нечего. Все эти вирши – лишь тупорылые переделки с хрестоматийным «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», но, естественно, даже без тени намека на блоковскую образность и глубину. Слушать их долго невозможно: нападает страшнейшая скука.

Впрочем, альбом и не предназначен для мозгов, он исключительно для тела и ног. Очень подойдет для танцевальных вечеринок в ночном клубе. Сегодня это называется «современная стильная музыка».

«Она робко ступает по белой дороге. Вместо тени к ногам прилипло чувство тревоги. / Она прячет мечты под броню одежды и пытается склеить куски разбитой надежды» (трек «Весна 2.0»). Или: «Осень со всех сторон обложила, псами затравила, как волка, / Теперь уже поздно рвать сухожилия и скалиться после драки без толку» («Осень You»). Это чистопородное графоманство. Есть, однако, и другие варианты: «Я сам выбираю, кого мне любить, и сам решаю, как будет лучше. / Хватит органы слуха мне "фачить", к черту высокомерную критику. /

Если достали тебя, дай сдачи – вот моя жизненная политика» («Саботаж»). Ну чем не подростки?

Я бы назвал этот жанр «читка-рок». Но ребята отстали со своим творчеством лет так на двадцать. Подобные вирши мы в изобилии слышали в период перестройки, и всё это ребячье фанфаронство изрядно надоело. Как и вещицы про попсовиков-фанерщиков, несовершенный мир, первую несчастную любовь (почему-то обязательно со «вскрытием вен») и т. д. Многие композиции пронизаны отчаянием и суицидальными настроениями. Но случаются и просветы: «Не правда, всё не так уж и плохо, есть еще много причин, чтоб остаться, / Мир населен не злодеями только, и даже приятно порой улыбаться» («Карманы»).

Видимо, для того чтобы разбить монотонность монологов солиста Олега Мисяченко, ребята решили позвать на запись сторонних вокалистов – их имена ничего не говорят широкому слушателю, но, несомненно, оживляют звуковое полотно (хотя плохой музыкальный материал в принципе не спасти уже ничем). Интересна также идея приглашения в проект небольшого детского хора. Правда, партию для него можно было бы написать значительно более красивую (трек «Детский мир»).

И непонятно, с какого перепуга музыканты решили исполнить вдруг легендарную «Темную ночь» Н. Богословского? Интерпретация вышла скучная, блеклая, безыскусная. И ничего не добавила к безысходно-мрачному имиджу группы.

LINKIN PARK
ROAD TO REVOLUTION
(Live At Milton Keynes - CD + DVD)

Думаю, подлинные ценители тяжелой, мрачноватой, но высокоэнергетичной музыки оценят этот «концертник» популярной амери-

канской группы по достоинству. Воистину мощь и страстность этих ребят находится за гранью человеческих возможностей. Кажется, будто музыканты подключены к электрической линии в две тысячи вольт.

Их основной стиль – хэви-метал в сочетании с готик- и панк-роком (некоторые критики окрестили это термином нью-метал), а наличие компьютерных миксов и участие в концерте диджея позволяет говорить о присутствии здесь трип-хопа – самого по себе довольно эклектичного и полифоничного стиля. Треки One Step Closer, From The Inside, No More Sorrow, Given Up, Lying From You и некоторые другие выдержаны именно в этом ключе. Невозможно не отметить сумасшедшее мастерство гитариста Брэда Делсона и ударника Роба Бурдона (там есть его потрясающее соло на барабанах). Впрочем, бас-гитарист тоже не слабее – весь скрежещущий и урчащий «жесткий каркас» выстроен им очень строго и четко.

А вот композиции Leave Out All The Rest, Numb, The Little Things Give You Away и Shadow Of The Day представляют собой кардинально противоположное направление – это красивые лирические рок-баллады. Есть даже ощущение, будто

они исполнены другой группой – столь неожиданно это музыкальное перевоплощение.

Очень красив высокий молодежательный вокал Честера Беннингтона, который пронизывает вас буквально насквозь. Певец очень техничен, хорошо владеет динамическими оттенками, прекрасно и долго держит верхние ноты. А уж умение тянуть истощающее и харизматичное рычание на пределе всех нервов и сил вообще не поддается никакому разумению. Чувствуются крепкая вокальная школа, взрывной характер и недюжинные физические возможности.

Одна из лучших композиций концерта (а стало быть, и альбома) – Pushing Me Away, исполненная Честером только под клавиши (за ними – ритм-гитарист и второй вокалист группы Майк Шинода). В общем, это достойная профессиональная мужская музыка.

**LIONEL RICHIE
JUST GO**

Очень популярный в 80-е годы американский соул-певец уже давно не в фаворе мировой музыкальной моды, но продолжает выпускать альбомы, которые интересны лишь самым преданным его по-

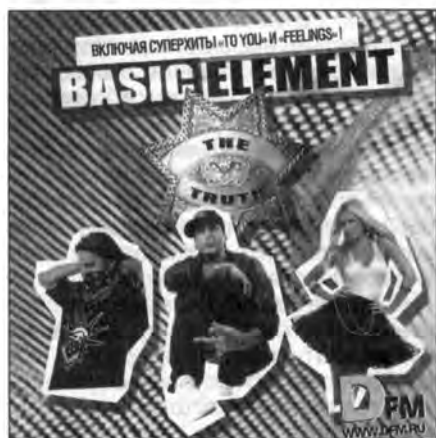
клонникам и являются данью уважения к ним. Вот и последний «блин» – Just Go – из той же серии. Это набор слишком усредненных, скучных, одинаковых баллад в стиле r'n'b, не вызывающих никаких эмоций, кроме желания выключить эту тягомотину. Не разработанные надлежащим образом мелодии, однообразная ритмика, стандартные гармонии с упрощенным «плоским» аранжированием (вдогонку модным тенденциям времени) брошены исполнителем публике, словно кость собаке.

Слушая альбом, с трудом вспоминаешь, что этот некогда знойный и харизматичный, а ныне почти выхолощенный и бесстрастно поющий человек написал когда-то такие хиты, как Three Times a Lady и Still (для вокального трио The Commodores), Lady (для Кенни Роджерса), Endless Love (дует с Дайаной Росс), Truly, Hello (сольные работы), Say You Say Me («оскароносный» саундтрек к фильму «Белые ночи»), не говоря уже о совместном с Майклом Джексоном шедевре We Are The World, которая стала в 1985 году едва ли не гимном планете (его спела тогда сборная мировых поп- и рок-звезд).

В последней пластинке явно отголоском того «вселенского» хита стала лишь композиция Eternity. Во всяком случае, сжатость мелодии и задумчиво-лирическое, многообещающее настроение куплета и следом оправдывающие его спокойная пафосность и широта припева с масштабным, звонким бэк-вокалом заставляют говорить о перманентно скупающей Лайонела ностальгии по старым добрым временам.

Из остальных работ приятное впечатление оставляют, пожалуй, Pastime и Face In The Crowd (дует с неизвестной певицей с труднопроизносимым именем, чем-то по тембру напоминающей Ларису Долину). Ничего нового к рафинированному, сентиментальному образу артиста эти опусы, правда, не до-

бавляют. Но старшему поколению аудитории этот диск, возможно, придется по душе.

BASIC ELEMENT THE TRUTH

Популярная шведская поп-группа, созданная еще в 1993 году, и в новом веке продолжает радовать прекрасными хитами для танцполов всего мира. Это мелодичный, динамичный, зажигательный евродэнс с элементами хип-хопа. Вроде и компьютерная, ритмически однообразная, плоская по звучанию музыка, но абсолютно не режет слуха, не «грузит». Обладает мягким «заживляющим» душевным эффектом, если вас кто-то обидел, и неплохим тонизирующим действием, если вам просто грустно. Совершенно не надоедает, прекрасно слушается и на дискотеке, и как фон для дружеских посиделок или уборки дома.

Треки Touch You Right Now, Feelings и To you уже давно звучат на всех танцевальных радиостанциях мира. Это наиболее яркие хиты последнего времени. Вы их наверняка слышали, только не знали, кто исполняет. Есть такая категория музыки, и Basic Element, несомненно, из этой серии.

Композиция Feelings, например, отмечена основной, «цепляющей» хит-темой припева с пристяжными, очень быстрыми рэп-вставками в начале и в середине трека, сменяющимися встык мягкими засэмплированными бэк-вокальными прокладками. По этому рецепту «сделаны», кстати, многие композиции. Этаким многослойный пирог с кремом и ягодами. В принципе, его может приготовить любая кондитерская фабрика, но именно у Basic Element он окажется наиболее пышен и вкусен.

Компьютерный музон совсем не напрягает, тщательно обработанные голоса солистов и солистки совершенно не агрессивны, хоть и холодноваты, абсолютно нейтральны тембрально, но здесь это выигрышно и уместно как нигде больше, поскольку мы имеем дело всё-таки с имперсональной (безличностной) музыкой.

Моя любимая вещьца на диске – Raise The Gain. Мне кажется, она наиболее контрастна в плане сочетаемости частей, мелодична и жестковата в одно и то же время, целеустремленна, изобретательно аранжирована и напоминает о яркой музыкальной танцевальной моде 80-х. Думаю, этот диск может занять не последнее место как в фонотеках тинейджеров, так и тех, кому «за 30».

МАРИЯ МОЛЧАНОВА «ПЕСНИ НАРОДОВ МИРА»

Это дебютный альбом молодой талантливой певицы, солистки Государственного музыкального театра национального искусства под руководством Владимира Назарова.

Ее голос – большого диапазона, чистый, звучный, с удивительной легкостью проникающий в самые экзотические певческие культуры мира – выдает в ней мастера с хорошей профессиональной школой и

тонким художественным чутьем. В нём удивительно сочетаются удалость и нежность, страсть и печаль, бесшабашность и задушевность. Артистка одинаково успешно исполняет как русские, так и украинские, болгарские, сербские, финские, бурятские, цыганские, латиноамериканские и многие другие песни. Это своего рода театр world-музыки, изящный фольклорный космополитизм. Вот уж прелюбопытное зрелище.

...Будущая артистка родилась 30 июня 1980 года в поселке Мурыгино Юрьянского района Кировской области в семье... медиков. С шести лет училась в музыкальной школе по классу фортепиано, однако нудные штудии за инструментом не вдохновляли непоседливую ученицу, и она мечтала быстрее сбежать во двор, чтобы поиграть с подружками. Впрочем, уже тогда Маша с удовольствием подхватывала русские народные, хороводные песни, частушки, которые слышала на селе. Тогда же пыталась подражать Алле Пугачевой, чье самобытное творчество также подвинуло юную артистку к вокальным занятиям и пониманию образного воплощения маленькой музыкальной миниатюры.

После школы Мария окончила

Училище искусств в г. Кирове, а позже, в 2005 году, и Российскую Академию музыки им. Гнесиных в Москве. Имеет диплом «артистки музыкального театра».

Итак, на ее первом сольном альбоме мы услышим такие легендарные мировые хиты, как еврейская Nava Nagila, перуанский «Полет кондора», мексиканская Besame Mucho, итальянская Volare, арабская Salma ya Salama... Нелзя, правда, сказать, что Мария открывает их слушателю с какой-то совсем уж неожиданной стороны (она придерживается, как правило, нейтральной, спокойной, интонационно чистой интерпретации), но вот игривое горловое пение в немецкой песенке O, Heimatland! и лукавое вокальное озорство в индийской Jimmy-Jimmy удались ей на славу.

Очень интересно звучит голос певицы в финской «Ленивой» и сербской «Европе». Одна из коронных вещей диска – украинская «Чарівна скрипка» композитора М. Билаша и поэта Ю. Рыбчинского. А Besame Mucho эффектно украсила аранжировка в форме знойного подвижного аргентинского танго, хотя сама певица, как мне кажется, оказалась недостаточно страстной в роли пылкой возлюбленной. Это и понятно: «Целуй меня крепче» – слишком «возрастная» для Маши композиция.

Что касается аранжировок, то они вообще самый сильный компонент пластинки. В них щедро использованы живые инструменты – гитара, цимбалы, свирели, сопилки, бузука... Они добавляют саунду невероятной легкости, воздуха, этнического колорита, музыкальной «стереоскопии». Особенно виртуозна скрипка в руках Василия Попадюка – она словно разговаривает с вами, рождая в душе целый спектр эмоций.

Сергей СОСЕДОВ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ее называют «французской Мадонной» и «Сальвадором Дали эстрады». Наверное, потому, что, кроме нее, только великий испанец умело сочетал игру в безумие с безумным коммерческим успехом. У нее множество музыкальных наград и миллионы поклонников по всему миру. В своем творчестве она постоянно обращается к теме смерти, загробной жизни и бренности бытия. Хотя никому не известно, насколько на самом деле всё это волнует ее - или она просто делает шоу на потребу публике. По-настоящему эту певицу не знает никто. И в самом деле:

МИЛЕН ФАРМЕР – САМАЯ ЗАГАДОЧНАЯ ПЕВИЦА

За свою более чем двадцатилетнюю карьеру Фармер выступала только во Франции, Бельгии и Швейцарии, то есть во франкоязычных странах: певице хочется, чтобы ее понимали со всеми нюансами ее песен, их философской многозначительностью, цитатами из Артура Шопенгауэра и Гюстава Флобера и подражанием средневековой традиции макабра, «пляске мертвых». Единственным исключением в гастрольных планах певицы стала Россия. Впервые Милен посетила нашу страну в 2000 году, а совсем недавно вновь приехала в Россию со своим фантастическим шоу. «Потому что российская публика меня хорошо принимает, – так объяснила певица свое решение, – И еще хочу сказать, что я всегда восхищалась Россией, мечтала побывать в этой стране и начать изучать русский язык». Так девять лет спустя молодое поколение фанатов получило возможность вживую увидеть Фармер нового десятилетия. Но и прежние ее поклонники тоже наверняка побывали на ее концертах, ведь многие могли познакомиться с ее творчеством еще в 1991 году, когда по советскому телевидению был показан один из первых ее клипов «Только бы они были нежными». Позднее у нее вышел очередной шедевр – «Тристана», навеянный событиями русской истории, а точнее, гражданской войны. В кадрах мелькает даже дедушка Ленин. Так что, скорее всего, артистка не лукавит, говоря о своем интересе к России.

Эпатажная француженка в рамках мирового турне в поддержку нового альбома «Point de Suture» начала свои выступления с северной столицы, куда прилетела на собственном самолете в сопровождении своего возлюб-

ленного Бенуа Ди Сабатино. Вместе с ней прибыло двадцать пять грузовиков, доставивших двести тонн оборудования, – певица возит с собой всё, что требуется для шоу, вплоть до последнего гвоздя. Всё это оборудование и декорации более суток монтировали сто пятьдесят человек, а организация самого шоу, по слухам, обошлась тридцать восемь миллионов евро. Такое шоу достойно книги рекордов Гиннеса – гласили афиши. Естественно, что подарок обошелся петербуржцам не дешево – билеты стоили от двух до восьмидесяти шести тысяч рублей. Однако поклонников певицы это не смутило – свободных мест не было.

В фойе зрителей встречали продавцы футболок и брелков с изображением черепа, в зале развевался пиратский флаг, а среди молодежной аудитории было немало представителей движения готов. Дело в том, что в

песнях и образе Фармер много мистики и черного юмора, а на сцене во время всего шоу просто-таки два десятиметровых мертвеца. Под конец шоу французенка собственноручно вытащила на сцену молодого человека в футболке с ее портретом и вручила ему муляж большого красного сердца. Публика неистовствовала: девушки визжали, мужчины с бокалами пива в руках орали: «Мы любим тебя, Маша!»

Через три дня концерт Фармер состоялся в Москве. За день до этого Милен крепко выпила в пивном ресторане: певице пришлось по вкусу исконно русский горячительный напиток – водка. Дойдя до кондиции, суперзвезда скинула с себя лишнюю одежду и исполнила эротический танец под советские ретро-шлягеры «Трава у дома» и «Московские окна». Такова она, «маленькая принцесса», суший ангел, одетый в прозрачный шлейф скандалов.

Зато рыжеволосая француженка не только собрала «Олимпийский», но и заставила своих фанатов устроить форменную истерику в свою честь. Ее партнерами по сцене стали не только живые люди – негры в пачках от Готье, черные бэк-вокалистки в стилизованных нарядах католических монашек, – но и машины – исполинские скелеты-сфинксы, то выпрямляющиеся во весь рост, то становящиеся на колени. Задняя часть сцены была заполнена многоэтажной конструкцией, в каждой нише которой располагались изломанные человеческие силуэты на фоне мерцающих экранов. Концерт представлял собой серию маленьких спектаклей с применением огромных декораций и спецэффектов, никогда не использовавшихся ранее, вроде искусственного дождя.

Но главной фишкой концерта была, конечно, сама Фармер, прежде всего ее прическа, похо-

жая на семейный склеп, где зачесанные наверх волосы изображали корону из могильных крестов. Во время выступления она постоянно меняла наряды, и на сей раз всегда откровенная Милен обнажилась до шокирующего вида — вышла на сцену в костюме, изображающем человеческое тело с кровью, мышцами, венами, артериями, с открытыми напоказ внутренними органами.

Всё выступление артистки было выдержано в духе средневекового жанра «dance macabre», что в переводе с французского означает «пляски смерти». Этим и объясняется обилие скелетов, которые сопровождали певицу на протяжении всего шоу. Скелеты периодически появлялись на экране, дирижировали залом, чем вызывали восторг зрителей. Даже само название альбома «Point de Suture» означает, с одной стороны, «наложенный шов», а с другой — «отсутствие шва». Не случайно в буклете альбома помещена цитата из фильма «Путь Карлито»: «Все швы мира не могут соединить меня в одно целое».

Французские меломаны ее боготворят. Но сама Милен не считает эту страну своей родиной. Она была и остается чужестранкой не только во Франции, но и вообще везде, где бы она ни оказалась: вначале — в родительском доме и школе, затем — в шоу-бизнесе и на светских раутах.

Чтобы сохранить свою частную жизнь, за которой она столь ревностно следит, или из любви к тайнам, которые она так обожает, Милен Фармер предпочитает не говорить ни о своем детстве, ни о своей юности, ссылаясь на необъяснимые провалы в памяти. Неясные воспоминания очень де-

ликатны и смутны. Они позволяют только догадываться о том, что пришлось пережить Милен: «У меня нет никаких воспоминаний об этом странном периоде жизни, которую я не любила. Я не была каким-то отщепенцем, родители меня никогда не третировали, но всё это как-то не так». При вопросах о детстве актриса сразу закрывается занавесом густого молчания.

Настоящее имя певицы — Мари Элен Готье. Милен — сокращенное Мари Элен, а Фармер она стала уже потом, когда решила выйти на сцену и взять себе в качестве псевдонима фамилию своей любимой актрисы — звезды Голливуда тридцатых-сороковых годов Фрэнсис Фармер, которая долгие годы провела в психушке. Будущая знаменитость родилась 12 сентября 1961 года в канадской деревушке Пьер-Фон, что неподалеку от Монреаля. Ее отец работал на строительстве Мани-

каганской плотины в районе Великих озер. Кроме нее, в семье было еще трое детей: старший брат Жан-Лу, сестра Брижит и младший братишка, появившийся на свет, когда ей самой было восемь лет.

Суровая зима севера Америки навсегда останется в памяти Милен. Так же, как и впечатления детства: «Кленовый сироп, глупое, но довольно сладкое воспоминание... Глубокий густой снег, который покрывал всё; моя первая школа – школа святой Марселины, содержавшаяся монахинями (и первый, в общем-то, никакой опыт пения – "она может это делать лучше"), рыжая белка, спрятанная моими стараниями в бочку, и маленькая лягушка. До восьми лет я практически не помню ничего другого; надо бы задать вопрос "почему", но на него я не могу ответить». И еще осталось в душе волнение от первого фильма «Бэмби» Уолта Диснея, который до сих пор остается настоящим культовым, ее любимым фильмом, от первых иллюстрированных книг, от любви к животным, которая потом перерастет в желание быть врачом-ветеринаром; почему-то запомнился вкус конфет, в основном подкрашенных, которые прилипали к пальцам и оставляли разноцветные несмываемые отпечатки («Я помню, какие мы были ужасные, красные как розы!»), и День Всех Святых – настоящий праздник для детей Канады и США.

На заре семидесятых глава семьи завершает работу в Канаде, и Милен вместе с родителями перебирается во Францию, бросив якорь в пригороде Парижа, городке Виль-д'Аврей. Это была трагедия для маленькой девочки. В канадском городке осталась ее первая любовь – нескладный ка-

надский парнишка, имя которого она, как водится, держит в тайне: «Это была настоящая травма, сильный и неизгладимый шок. Мои отношения с людьми были абсолютно разными. Канада – более закрытая страна, там чувствуешь себя как бы в зимней спячке, более защищенным, уверенным».

Милен уходит в закрытый от взрослых мир – мир одиночества и грусти. В школе у нее почти нет друзей. Отношения с родителями тоже складывались не особенно доверительно. Одноклассницы казались ей слишком неискренними и манерными, а родителям девочка не могла простить переезда, который она расценила как предательство. Милен всегда была себе на уме и не делилась своими мыслями и проблемами ни с кем: «Лучше всего я чувствовала себя наедине с книжкой. Одноклассницы не замечали меня, а если и замечали, то называли –

«наша мышка». Все мои знакомые были мальчишки». Милен и сама походила на пацана – тощенькая, нескладная, с копной коротких рыжих волос, вечно одетая в бесформенные футболки и брюки.

В возрасте, когда большая часть маленьких девочек еще играет в куклы и прыгает через скакалки, Милен ходила по воскресеньям в больницу Гаше, где ухаживала за больными детьми. Вид больных детей-сверстников стал жестоким испытанием для психики десятилетней девочки. С тех пор Милен ненавидит воскресенья. «Сегодня я болезненно воспринимаю людей, которые могут причинить боль ребенку. Моей личностной проблемой было то, что я никогда не принимала свою внешность; я думаю, что я себя ненавидела. Парадоксально то, что это чувство двигало меня вперед. У меня иногда даже было тайное желание побить себя. Я ненавидела школу, но при этом

никогда не опаздывала. Как раз напротив! Школа открывалась в восемь тридцать, а в семь тридцать я уже стояла перед закрытыми воротами. Я была одна, никого кругом, и это была моя манера поведения. Я всегда хотела опередить страдания. Слово "ничего" пугало меня больше, чем слово "боль"».

В то время Милен больше напоминала мальчика, пренебрегая всем тем, что могло бы подчеркнуть женственность. Такая двусмысленность еще больше отчуждает ее от «правильных» сверстников. «До четырнадцати лет меня принимали за мальчика. Одно из характерных воспоминаний юности, оставшееся в памяти: однажды в то время, как я просматривала корреспонденцию в почтовом ящике, охранник спросил, как меня зовут. Я сказала, что Милен. Он ответил, что это красивое имя для мальчика». Мальчик внутри девушки, девушка-юноша – Милен в будущем не раз удачно обыгрывает это противоречие в своем творчестве.

«Чтобы что-то доказать моему отцу, который всегда хотел, чтобы я добилась успеха и расцвела», Милен прирастала к верховой езде. Конный клуб, где она занималась верховой ездой и стала профессионалом, находился в Версале. Связь Милен с миром лошадей совершенно особенная. «Сидя верхом, чувствуешь себя могущественным, хотя это, конечно, обман. В конце концов это ведь животное! Но ты горд и свободен. Это здорово – быть с таким красивым и благородным животным. Для меня легче жить с животными. Это относится и к двум моим обезьянкам. Это необходимо для меня».

«Я хотела пойти одна по предназначенной мне дороге», – ска-

жет певица позднее. Девушку влечет театр, а кино становится заветной мечтой. О возможной карьере певицы она даже не думает, хотя в возрасте десяти лет выиграла детский конкурс пения. Милен открывает для себя новые увлечения: чтение, которое раньше ей так не нравилось, – поэзия Бодлера и фантастика Эдгара По. Милен поступает на театральные курсы под руководством Даниэля Месгиша. «На этих курсах я пробыла четыре месяца и была глубоко поражена развитой здесь искусственностью. Я видела только кривляния. Если для меня "играть" – значит уйти от действительности, если я нуждаюсь в моих персонажах, я могу играть только жизнь и использовать лишь себя. Актер использует, по меньшей мере, восемьдесят процентов своего тела и души. Есть один секрет алхимии. Надо довести всё до предела из-за насмешек и страхов создать таким образом нечто ценное и редкое. Мне было нужно что-то другое. Мое присутствие на этих курсах никто не заметил. Мне кажется, что у меня просто жуткое самолюбие. Я была один на один с жизнью и никогда не просила денег у своей семьи».

Чтобы оплатить учебу и зарабатывать на жизнь, Милен сменила много мест – продавщица обуви, медсестра, рекламная модель... В конце концов она записывается в модельное агентство и представляет коллекцию «мода-для-молодых», когда случается самое важное событие в ее жизни. Со своими метром шестьдесят семь, коричневыми растрепанными волосами, большими глазами цвета лесного ореха, тонкими чертами лица и аристократической бледностью юная «модель» олицетворяет саму загадочность. Милен кажется существом из другого

мира и уже мечтает о другой судьбе. Жизнь для нее – прекрасная сказка с принцем на белом коне. Этим принцем оказался Лоран Бутонна, который и определил всю дальнейшую жизнь Милен.

Юность Лорана Бутонна – страстного и преданного поклонника кино и телевидения – прошла у иезуитов, что и повлияло на его характер. Он был прекрасным образцом лентяя, которого исключали из всех школ, однако очень способным к литературе. «В пятнадцать лет я ушел из школы искать работу, но всё время занимался с преподавателем, который открыл для меня литературу и философию. Он научил меня писать, и я почувствовал вкус к этому». С пяти лет мальчик занимается музыкой, затем увлекается театром. В шестнадцать лет он снимает свой первый полнометражный фильм – «Баллада о Фее-Путеводительнице». Прекрасная молодая девушка убивает по дороге

Лоран Бутонна

людей, которых встречает... Роли он распределил между своими товарищами по учебе. Так как у него был «страх уступить свои полномочия в области искусства», то он всё делал сам: музыку, фотосъемки, съемки, работа с актерами... Фильм из-за его сюжета был сначала отвергнут цензурной комиссией (для детей, но которым не менее восемнадцати лет, — значилось в титрах, то есть его не имел права смотреть и сам автор). Прежде чем продемонстрировать его в трех небольших залах, состоялся пробный спецпоказ. Без особого успеха. Тем не менее Лоран представил его на фестиваль в Каннах. И тоже без намека на успех.

Существует, однако, определенная закономерность в том, что удача благоволит к тем, кто, упорно добываясь своей цели, ищет верную дорогу к ней. Так было и на этот раз. Всё пережитое Лораном стало основой для будущего хита. Однажды вечером вместе со своим другом Жеромом Даана, увлеченным современной музыкой, основанной на смешении стилей (сам Лоран предпочитает русскую классику), он придумал маленькую песенку с ненавязчивым припевом «Мама не права» и странным текстом, отличным от того, к чему все привыкли: «Раз, мама не права, два, это красивая любовь, три, медицинская сестра плачет, четыре, я люблю...»

Теперь предстояло найти исполнителя, предпочтительно девушку и желательного никому не известную. И друзья отправились на поиски «редкой птицы». «Мы провели пробы, — вспоминает Лоран, — нам хотелось заставить одного парня петь девичьим голосом, но получилось явное не то, и это создавало проблемы. Тогда

мы решили обратиться в модельное агентство. Магическая встреча произошла именно там. Милен в это время собиралась фотографироваться, когда нас представили друг другу. Увидев ее, мы сразу сообразили, что это — Она. Действительно, кажется, что она только вышла из больницы со своими длинными волосами, на грани психического срыва. Короле, настоящий удар молнии».

Милен вспоминает: «В тот день они выбрали меня среди всех присутствующих моделей. Я была очень удивлена. Тем более после того, как они сказали, что хотели бы, чтобы я спела песню! Я не колебалась ни минуты и, прочитав текст, согласилась». Лоран и Жером сразу поняли, что именно она — их идеальный исполнитель. Милен же интуитивно почувствовала, что, наконец, нашла того, кто ее понимает. Стиль Милен Фармер зарождается именно с этого исключительного события, и начи-

нающая актриса без всякого актерского опыта, еще не зная этого, находится в начале длинной и триумфальной карьеры одной из лучших певиц Франции.

«Мама не права» показывает образ молодой девушки, печальной и романтической, просто одетой и волнующе раздетой. Provocационный текст в сочетании с ритмом детской считалки шокирует слушателей: «Я люблю то, что мне запрещают, я люблю удовольствия...» — заявляет маленькая девочка. Песня становится самой продаваемой пластинкой года, а Милен попадает в разряд табу и вызывает скандал. Молодую певицу не пропускает цензура, на телевидении ее отстраняют от передачи для детей «Спасение Микки» — фанатка Бэмби пришлося не по вкусу Уолту Диснею.

В течение нескольких головокружительных месяцев жизнь Милен совершенно изменяется. Еще не идол, она становится звездой. Журналисты настойчиво добиваются интервью у загадочной певицы, статьи в молодежных журналах рассказывают об улыбающейся и милой, но сдержанной в ответах девушке. Первое интервью на радио приводит организаторов в отчаяние: Милен затрудняется говорить о себе. «Для меня наиболее удивительно в успехе, — отвечает она, — что на следующий день придется встречаться с людьми, от общества которых я так хотела освободиться. Они просят у меня автографы, и моя роспись на клочке бумаги или ткани будет иметь для них значение! Петь — это увлекательная профессия, но это также профессия-насмешка. Лично у меня будет больше самоуважения, если я буду медиком, а не певицей!»

Первый взлет закончился. Фармер накануне нового этапа

своей карьеры, триумфального и сделавшего ее знаменитой. Сингл «Не хочу взрослеть» — новый успех и признание. Фирменный стиль Фармер приобретает ярко выраженные черты: двусмысленные слова, где оскорбления или по крайней мере провоцирование играют значительную роль, и широко автобиографические тексты. Последовавшая затем «Либертина» («Распутница») как бы окончательно оформила и сделала его цельным. К этому времени (скорее всего, специально для клипа, который в том числе создавался, и для того, чтобы раскрутить персонаж певицы), волосы Милен стали огненно-рыжими — «отличительный знак, изюминка», которой ей так не хватало раньше.

Вообще-то и здесь помог случай. «Распутница» была написана давно и для другой певицы, но не подошла ей по имиджу. Бутонна понравилась инструменталка, и он решил сделать еще одну по-

пытку. Милен объясняет происхождение сюжета так: «Мы были в студии, и нужно было что-нибудь говорить в микрофон, всё равно что – требовалось что-то проверить или настроить. Я пела какие-то пришедшие мне наобум слова, должно быть, я была очень счастлива в тот день, и я пела "Я потаскушка, я – шлюшка!". Лоран сказал: «Черт возьми, ну конечно же!» Лоран пишет текст, и вскоре появляется пластинка – настоящий хит года, имеющий ошеломляющий успех. Мотив, сходный с детской песенкой, запоминается всем – однажды Милен замечает на улице колонну школьников, в полный голос распевающих: «Да, да, я либертина»...

«Либертина» воспламеняет кемпинги и ночные кафе, она меняет определение поп-музыки. Вместо глупых песен о любви и солнце Милен подарила людям сложный и таинственный мир – запретные образы, забытые темы. Она подняла вопросы-табу, которые до нее в шоу-бизнесе не могли иметь права на жизнь. Франция сходит с ума от Милен.

Вслед за «Либертиной» появляется и первый альбом «Прах Луны». А дальше всё пошло как по накатанной дорожке: Бутонна пишет музыку, Милен – тексты, новую песню сопровождает новый успех. Книга и фильм «Тристана» вдохновляют певицу на создание одноименной песни, вновь покорившей сердца французов, а клип, базирующийся на пушкинской «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях», как бы материализует музыку. Тристана – это снег и зимний ветер, это любовь к жизни и блеск молодости, это магия и вечная красота. Тристана бежит по лесу, как бежал бы олененок: она взяла его прекрасную грацию, нежные миндалевидные

глаза... Она дает возможность своему спутнику догнать ее. Он снимает свою шапку русского крестьянина и смотрит на свою любовь. «Поцелуй меня», – шепчет она. Он наклоняется... Но всадники настигают их, всадники беды. Если любовь – это удовольствие, то для Милен она прежде всего страдание. Это она говорит не только о себе, но и обо всех женщинах, которых она знает и нежно любит. В ее творчестве много женских имен, много героинь разочарованных и безнадежно одиноких. И они умирают от боли любви.

Во время Недели большой моды Милен неожиданно представляет еще один хит – «Раздень меня». «Идея висела в воздухе, – говорит она. – Я поехала купить диск Жюльетт Греко, а на следующий день мы создали новую песню». Вслед за этим Франция услышала невинный девичий го-

лосок: «Скажи, мамочка, почему я не мальчик?» Это была «Без обмана» — песня, говорящая о двойственности полов, которая обрела мгновенный успех и стала настоящим гимном сексуальных меньшинств, возвысивших Милен в ранг иконы. А в день двадцатисемилетия певицы выходит одна из лучших ее работ — «Только бы они были нежными». Вслед за этим 19 ноября 1988 года Милен получает свою первую «музыкальную победу»: ее выбирают лучшей певицей года. Что еще нужно для счастья? Ведь она стала признанной звездой французской поп-сцены. Только вот у Милен остались о том дне самые неприятные воспоминания: «Я провела несколько часов за кулисами, где были все "сливки" шоу-бизнеса. Мне стало страшно находиться рядом с ними. Боже мой, как они все ненавидят друг друга! Мне было грустно, что меня окружают такие люди».

Истерия миленомании захлестнула Францию, Голландию, Бельгию. Молодежь наизусть знает слова ее песен. Обычно успешные исполнители и группы вызывают волну подражаний. Но в данном случае этого не могло произойти. И не произошло: эта музыка настолько неоднозначна и многогранна, что не может иметь аналогов. Появление творческого союза Бугонна — Фармер, как считают специалисты, — событие огромной важности в музыкальной жизни двадцатого века. Их музыка совершила прорыв во всей поп-культуре и вышла на уровень осмысления самого сокровенного в жизни. Каждая песня — своеобразное свидетельство нашей эпохи, под которым могли бы подписаться многие представители молодого поколения.

И песни и клипы Милен Фармер эпатажны, порой излишне откровенны и провокационно вызывающи. «Я люблю эротизм, это очень красиво», — утверждает она, — но я говорю "нет" сексу: я отмечаю его. Я — романтик неистовый и чувственный». Главное для нее — любовь: это великое чувство, это жизнь, это песня. Но любовь — это и праздник. А праздник не вечен. И когда Милен воспевает любовь, она сопровождается безнадежностью: «У меня не получается говорить о любви словами счастья и безмятежности. Я всегда в поисках идеала. Которого не существует. Он находится где-то вне жизни. Таким образом, очень быстро мы занимаем место на скамейке разочарованных. Я хотела бы всё прожить за час, за один неистовый миг, чтобы не испытывать разрушительного действия времени на любовь. Может быть, это одна из моих фантазий — всё прожить быстро и сильно!»

Одиночество и время – еще один ведущий лейтмотив в творчестве Фармер. Ее любимые писатели Эдгар По и Шарль Бодлер – люди, разбитые одиночеством, но в то же время гордые своим высоким предназначением. Все ее героини одиноки и одиноки не поправимо, так же, как и автор текстов: «Я люблю одиночество. Чем более популярным человек становится, тем больше в него погружается. Надо привыкнуть к нему и приручить его». И она заставляет одиночество служить себе. Ум и чувство рождают мысли, одиночество укрепляет руку, которая пишет и оставляет на бумаге слова. Так рождаются тексты песен. «Желание писать было для меня лечением. Я открывала его, когда очень трудно переживала переход из подросткового возраста во взрослую жизнь».

Законы этого мира жестоки. Сны маленьких девочек похожи на рай: там строят крепости, играют в оловянных солдатиков, рисуют сказочные сады. Так хочется спрятаться в стенном шкафу, чтобы не стареть и не умирать. Переход от детства к взрослой жизни – это настоящее рождение человека и вместе с тем насилие, ибо мы открываем для себя то, что у нас нет вечности. Именно время порождает смерть, которая приводит к окончательному краху. «Я очень боюсь этого ухода времени, я имею в виду старение, – говорит Милен. – Я очень боюсь физического разрушения». Так «Часы» – поэма Шарля Бодлера из «Цветов зла», великолепно положенная на музыку Лораном Бутонна, стала увертюрой к ее концертному шоу.

Противоречивость и загадочность Фармер порой не поддаются объяснению. Да и вряд ли в этом есть необходимость. Порой ее поведение в частной жизни, как

отмечают ее биографы, очень похоже на шизофрению. Манера, которую выбрала Милен, чтобы представить знаменитую песню «Раздень меня», вызываясь демонстративна: именно обнаженной она познает добродетель. Но у Милен неоднозначное отношение к обнаженности. «Раздеться перед камерой по-настоящему трудно для меня. Но это парадокс, который существует во мне». Контекст песен оправдывает отвагу: Милен, не стыдясь, заставляет скользить свою туннику и обнажает тело. «Но если я отправляюсь в магазин, чтобы купить женское белье, я очень стесняюсь. Я злюсь, если продавщица остается со мной и пытается помочь мне своими советами. Я предпочитаю оставаться наедине». Милен не любит, чтобы на нее смотрели, но сама очень любит смотреть на себя: «Для меня зеркало является основным предметом в жизни. Если я не вижу сво-

его отражения в течение двенадцати часов, у меня такое впечатление, что я умираю».

Иногда создается впечатление, что какие-то конкретные события служат основой для создания текста новой песни. Однажды фанат прямо в офисе убил секретаря певицы, поскольку тот отказался дать адрес его кумира. Только заклинившая винтовка предотвратила другие жертвы. Милен потрясена: «Мне предлагали охрану, я отказалась. В такой ситуации думаешь не о себе, не о том, что могло произойти, а о семье в трауре, о человеке, который погиб ни за что и который тут ни при чём. Эта смерть несправедлива».

Смерть несправедлива – об этом песня «Венский сад». Во время репетиции неуклюжий партнер не смог удержать Милен от падения со сцены. А затем – несколько месяцев в больнице и песня «Боль». Угроза СПИДа становится реальностью. И появляется «Неожиданность» – грустная песня, свидетельство современной любви, искаженной угрозой болезни, проблемой презерватива, которая становится актуальной сразу, как только один человек чувствует порыв к другому. Это печально, но это – нынешняя реальность, с которой сталкивается каждый.

Однако не стоит стараться объяснять песни Фармер, переводя их на язык привычных нам понятий и определений. Когда музыка отделяется от нашего понимания, она создает свой особый мир, обходящийся без толкования деталей. При этом сами песни наполнены множеством смысловых оттенков. Во всех клипах – дети на заднем плане в «Мама не права», качели-маятник в «Такая я», злые клоуны в «Без

обмана», мальчики-барабанщики в «Только бы они были нежными», волки в «Тристане» – все эти образы имеют тайны и скрытый от понимания смысл. Как говорит сама Милен, «моя роль заключается в том, чтобы передать свои эмоции. Пение – это способ, которым я выражаю себя. Это отражение моих внутренних чувств».

Надо сказать, что со временем Милен стала уставать от навязанного ей имиджа, и сквозь старательно культивируемую подростковую меланхолию в ее песнях начала пробиваться здоровая жажда жизни. В это время наметился разрыв звездного дуэта Бутонна – Фармер. Поводом послужил провал их совместного фильма «Джиорджино». Фармер попросту сбежала в Америку вместе со своим партнером по фильму Джеффом Дальгреном – замечательным актером, который так больше ничего и не сыграл. Она много путешествовала и радова-

лась жизни: «Я стала другой. Всё потому, что в моей жизни появился человек, который за уши вытянул меня из темного подземелья на яркую поляну. И теперь я хочу дать своим зрителям как можно больше света». Последовавшие за этим альбомы «Анаморфоз» (что значит деформация изображения – предмета или жизни) и «Иннамораменто» представили певицу в абсолютно новом свете.

Название последнего альбома можно перевести как «потрясенная любовью»: оно взято из книги Франческо Альбертони, посвященной чувству любви. Завершающая композиция альбома называется «Миллениум» – игра слов между именем Милен и английским «миллениум» – тысячелетие. Точно так же назвала певица и свой концертный тур, основанный на этом альбоме, который она решила завершить в 2000 году в России.

В принципе, Фармер, хотя это может показаться маловероятным, стала своей певицей для утонченных эстетов, знающих толк в классике, и для мрачноватых готов, глядящих на мир сквозь черную призму. Не случайно ее выступления в парижском концертном зале «Берси» в 2006 году собрали сто семьдесят тысяч зрителей. А продажа билетов на ее выступление в сентябре 2009 года на «Стад-де-Франс», которая началась более чем за год до начала шоу, закончилась в считанные часы: сто шестьдесят тысяч билетов были раскуплены за пять часов. Фантастический результат, у которого нет precedентов. И что особенно интересно: клипы и сами песни Милен ни у кого никогда не вызывали ни депрессий, ни желания покончить с собой – а ведь любой психолог скажет, что

творения безумца всегда вызывают ответную реакцию.

После концертов в «Берси» создается впечатление, что Фармер на какое-то время уходит в тень. Однако вскоре журнал «Voici» объяснил причину ее молчания – Милен и Лоран занялись новым проектом. Они написали песню для молодой певицы Ализе, и сингл в ее исполнении сразу попал на первые строчки хит-парадов. А его продажа составила более миллиона дисков. Естественно, что соавторы справедливо решили: нужно ковать железо, пока горячо, и приступили к созданию альбома для девочки.

Тем временем среди фанатов рождались разные слухи. То речь шла о возможном фильме с участием Милен, то о записи ею тре-

ка в стиле рэп, то об альбоме дуэтов... Однако всё было иначе: в то время Милен с Лораном вели работу над вторым диском Ализе и ее концертным туром. Вскоре певица сама развеяла все тайны, объявив журналистам, что работает над своим новым альбомом. Его первым синглом стала песня «Fuck Them All». Скандальная и грубая, она тем не менее быстро стала хитом радиостанций, в том числе и в России. Дуэт Фармер тоже записывает – с американским певцом и композитором Моби. Одновременно она сотрудничает с Люком Бессоном, который снимает мультфильм «Артур и минипуты», собравший большое число кино- и музыкальных звезд. Именно ее голосом заговорила одна из главных героинь – принцесса Селения, и за это Фармер получила премию «Лучший дубляж». О какой тени может идти речь в такой насыщенный событиями год? Кстати, Милен еще в 2000 году написала песню «История феи – это...» к американскому мультфильму «Карапузы в Париже», которая была издана отдельным синглом.

Милен Фармер любит цитировать Паскаля: «Невыносимее всего для человека – полный покой, без страсти, без дела, без развлечений». Недавно в продаже появилась ее первая книга «Лиза-Лу и сказочник» – сто пятьдесят страниц, иллюстрированных тридцатью рисунками Милен. Трудно сказать, чем стало для нее создание этой книги – делом или развлечением. Но ведь не от безделья же написала она эту философско-поэтическую сказку о дружбе и одиночестве? Жажда творчества – вот что движет ею в жизни. И не так уж важно где – на сцене или в чём-то еще. В том числе и в кино.

Осенью 2007 года состоялось событие, столь ожидаемое поклонниками певицы. Спустя тринадцать лет после создания фильма «Джорджино» был выпущен DVD, переизданию подвергся и саундтрек к нему. По такому случаю организаторы устроили специальный показ ленты в том самом кинозале, где критики некогда отвергли ее. Места была разыграны среди радиослушателей, и желающие смогли не только посмотреть «Джорджино» на большом экране, но и встретиться с его героями.

В свое время Бутонна, невольный тем, как была принята картина, спрятал ее, почувствовав, что зритель еще не готов ее увидеть. Наконец, пришло ее время: готика в сердце, черное в моде. Это романтическая история о любви двух искалеченных войной и временем людей – доктора Джорджо и девушки Катрин. Их любовь болезненна, она носит характер обреченности, потому что люди уподобились зверю, а в их душах царит безверие.

Что же, фильм не стал успешным, но его провал не означал для Милен конец амбиций в сфере «седьмого искусства»: «Что касается амбиций – не знаю, скорее, появилось желание сыграть еще в одном фильме. Мне, кстати, предложили роль Тесс, героини романа моей подруги писательницы Натали Райс "Тень других". Съемки должны начаться в конце 2009 года, и я связываю с этим фильмом большие надежды».

«В Библии сказано: бог отвергает умеренность, – говорит певица. – Всю жизнь я искала что-то экстравагантное, и у меня нет желания останавливаться».

Подготовил Ник. КЕДРОВ

Милен
ФАРМЕР

